

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9(75), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 8 от 07.11.2023 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 07.11.2023. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/ 616. Тираж 25 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 27.09.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 39+904

ОРФИЧЕСКИЙ МИФ В ИСКУССТВЕ СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Добровольский Л. С.

*Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва
г. Астана, Казахстан
E-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com*

Умиткалиев У. У.

*Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва
г. Астана, Казахстан
E-mail: uumitkaliev@bk.ru*

Предметом исследования является дискуссионная проблема семантики мотива терзания копытного кошачьим хищником и грифоном в восточноевропейском скифском зверином стиле. Исследование осуществляется на основе ранее установленного нами соответствия bestiaria шести скифских многофигурных сцен с образным составом орфического мифа о растерзании Титанами Диониса-Загрея с целью выявить в данных композициях религиозно-культурную и философскую символику, а также провести параллель между орфическими концепциями и скифскими религиозно-мифологическими представлениями. Композиции содержат аполлоно-дионисовскую символику орфико-пифагореизма и выражают орфическую космогонию, эсхатологические идеи бессмертия души, антисоматизма и метемпсихоза, а также идеи небесной гармонии, религиозного избранничества, прогрессивной реинкарнации и апофеоза приобщённых к таинствам. Идеи единства и множества, распада и воссоединения, гибели и возрождения воплощены символикой образа оленя. Идеи орфизма и пифагореизма о бессмертии души созвучны мировоззрениям кочевников о круговороте жизни и жертвоприношении во имя мирового порядка. Традиционная для всего скифо-сибирского звериного стиля сцена терзания животными друг друга, символизирующая идею жертвоприношения, использована для сакральных изображений борьбы Загрея, в зооморфных обликах борющегося с Титанами, и изображения особого варианта орфического мифа – о соединении частей Загрея и его воскрешении Аполлоном. Аполлоно-дионисовская философия орфико-пифагореизма воплощена символикой восточноевропейского скифского звериного стиля в художественной интерпретации мифа о Загрее на ритуальных предметах погребального обряда в скифских царских курганах Северного Причерноморья, что даёт нам основания предположить распространение в среде скифов царских идей пифагорейцев о религиозном избранничестве лидера и эсхатологической доктрины об особом статусе наиболее могущественных граждан и их потомков, а также о существовании закрытого элитарного религиозно-культурного сообщества, практикующего по типу пифагорейских гетерий на занимаемой царскими скифами территории.

Ключевые слова: аполлоно-дионисовская философия, восточноевропейский скифский звериный стиль, орфизм, пифагорейская гетерия, Северное Причерноморье, скифы царские.

Постановка проблемы. Работа посвящена актуальной проблеме смыслового содержания искусства звериного стиля, семантики его образов и особенностей художественной структуры. Скифо-сибирский звериный стиль остаётся одним из

самых интересных и загадочных феноменов древней художественной культуры как в аспекте содержания, так и с точки зрения анализа формы [14, с. 161]. Предметом данного исследования является дискуссионная проблема семантики мотива терзания копытного кошачьим хищником и грифоном.

История вопроса. Задействованный в сценах терзания Бестиарий, обусловленность выбора тех или иных образов, их количество и сочетание в одной схватке не поддаются, по мнению Е. Ф. Корольковой, смысловому объяснению и адекватной интерпретации [15, с. 26]. Д. С. Раевский полагает, что звериный стиль как символическая знаковая система предназначался для описания скифской модели мира: тернарная структура скифской модели мира соотносится с тремя уровнями космической модели и с глобально распространённым способом их описания посредством зоологического кода – трёхчленной вертикальной системой [23, с. 121; 24, с. 392].

Под влиянием античной культурной традиции в эпоху распространения греко-скифских памятников постепенно возрастает сложность кодовой природы изобразительного искусства Скифии: параллельно используемые зоологический и топографический коды постепенно усложняются повествовательным началом – получившими особую популярность сценами терзания одних животных другими [24, с. 437, 470]. При схожести семантики скифского звериного стиля и зооморфных греко-скифских композиций Д. С. Раевский отмечает пришедшее на смену «безглагольным» изобразительным текстам значительно более широкое введение в зооморфные композиции элемента *действия* и сопряжение отдельных фигур в единой, по существу сюжетной, композиции [24, с. 437].

Идейное содержание сцены терзания интерпретировалось в современной науке как смена созвездий на небосклоне [29; 30], борьба доброго и злого начал [17, с. 52], борьба двух тотемов (двух этнических групп) [8, с. 30], цикличная смена явлений природы, космогонический акт творения и возрождения через уничтожение [18, с. 70], весеннее возрождение [19, с. 78] и метафора смерти в близких степнымномадам терминах [28, с. 127]. В сцене терзания усматривают приём проникновения одного звериного существа в другое как приумножение магического эффекта художественного образа с целью привлечения на пользу человеку различных способностей животного [27, с. 25].

Е. Ф. Королькова отмечает, что практически все предложенные варианты смысловой трактовки сцен терзания косвенно укладываются в связанную с жертвоприношением глобальную концепцию единства и взаимообусловленности ЖИЗНИ и СМЕРТИ и присоединяется к обоснованию этой идеи Д. С. Раевским: каждая смерть – это жертвоприношение и непереносимое условие продолжения жизни; в искусстве мотив терзания как метафорическое обозначение смерти следует рассматривать как изобразительный эквивалент такого жертвоприношения [24, с. 440; 15, с. 22].

Скифское искусство трактовалось М. И. Артамоновым как переработка сюжетов и форм, заимствованных из искусства древнего Востока [3, с. 34]. Скифы не просто воспроизводили восточные образцы – они отобрали из сюжетов

древневосточного искусства именно те, что наиболее соответствовали их идеологии [4, с. 49].

Проанализировав шесть многофигурных композиций восточноевропейского скифского звериного стиля (Рис. 1–6), мы пришли к выводу, что сцена терзания связана с сюжетом древнегреческого мифа о растерзании Диониса-Загрея с Титанами (в его изложении у Нонна Панополитанского) [12]. А. Ф. Лосев отмечал особую ценность разработки восходящего к древним орфикам мифа о растерзании Диониса-Загрея у Нонна (конец V всю VI части поэмы о Дионисе), в которой в мифической форме поставлены все вопросы мироздания и реставрируется старинная мифология. В ней содержится уникальное описание превращений Загрея в *молодого Зевса, старика Кроноса, младенца, юношу, льва, коня, дракона, тигра и быка* и его борьба в последовательно сменяющихся зооморфных обликах с Титанами перед его растерзанием [20, с. 176–187].

Рис 1. Золотая обкладка колчана из Ильичёвского кургана, курган 1, погр. 6 (около 2-й четверти V в. до н.э.) (по: 22, с. 108, рис. 1)

Рис 2. Золотая бляха щита или горита (пластина в виде фигурки лежащего оленя) из Куль-Обы (2 четверть V в. до н.э.) (по: 1, с. 172–174)

Ранее мы установили соответствие бестиария шести скифских композиций и образного состава орфического мифа, описали семантически значимые мотивы художественных образов и приёмы изображения идеи последовательной зооморфной трансформации [12]. Цель данного исследования – выявить в данных композициях религиозно-культовую и философскую символику в контексте связи между орфическими концепциями и скифскими религиозно-мифологическими представлениями.

Результаты исследования. По мнению А. Ф. Лосева, в концепции Нонна Загрей изображён без какого бы то ни было намёка на символическое толкование, а нападение на Титанов и жесточайшая борьба в грозном облике перечисленных животных только подчёркивает активность Загрея [20, с. 186]. Однако, как нам представляется, миф о превращении Загрея в изложении Нонна наделён глубоким орфическим символизмом: процесс освобождения души от тела описан как последовательное превращение – в молодого Зевса, старика Кроноса, младенца, юношу, льва, коня, дракона, тигра и быка – следовательно, в нём символически выражены орфическая антропогония, космогония, идеи антисоматизма и метемпсихоза. Многофигурные композиции построены по сюжету орфического мифа о растерзании Диониса-Загрея Титанами и содержат символику, указывающую на роль Аполлона в судьбе Загрея (Аполлон соединяет части Загрея и оживляет его¹). Образная система скифских композиций выходит за рамки изложения мифа у Нонна и передаёт его продолжение в философских символах монады, диады и гебдомады² орфиков и пифагорейцев. Отсутствие изображений Титанов выражает ту особую орфическую версию, согласно которой Загрей не был поглощён им.³ При этом символическое использование зооморфных образов при полном отсутствии антропоморфных выражает, как мы предполагаем, орфическую идею антисоматизма.

Композиционным центром всех изображений является образ оленя, вокруг него развёртывается сюжет «терзания» и движение всех персонажей устремлено к нему. В бердянском (Рис. 3) и солохском (Рис. 4) изображениях олень как объект превращений дублируется, причём в солохской композиции изображены только

¹ «Загрей оказывался принципом воссоединенного мироздания. Этот принцип нашли в Аполлоне как божестве света и светлооформленной индивидуальности. Поэтому главным образом именно Аполлон воссоединяет растерзанные члены Дионисова тела, и, по иным источникам, тут происходит даже прямое воскрешение Загрея» [20, с. 183].

² См. подробнее библиографию источников и их комментариев [20, с. 594].

³ См. подробнее перевод и комментарии источников о восстановлении растерзанного тела Диониса Деметрой (у Диодора Сицилийского), Реей (у Филодея) или Аполлоном (в Схолии к Ликофрону), которому Зевс передал останки Диониса, а тот отнёс их «на Парнас», т. е. в Дельфы (тут ещё не мыслится оживление Диониса, но лишь сложение частей его тела для погребения – у Климента Александрийского), о «спайке членов Диониса» (у Юлиана), об оживлении Диониса (у Юстина, Макробия, и Ватиканских мифографах) миф, противоречащий сообщениям о поглощении Диониса Титанами и представляющий собой другую орфическую версию, приспособленную к дельфийскому учению о вечном возвращении (ср. наличие могилы Диониса в Дельфах), о самовосстановлении Диониса (у Макробия и Ватиканских мифографах), даже о его последующем восшествии на небеса (у Юстина) [20, с. 171, с. 183].

наделённые смысловой нагрузкой рога и часть головы оленя. Согласно нашему исследованию, образ оленя в скифских композициях выражает орфические идеи единства и множества, распада и воссоединения, гибели и возрождения, идеи бессмертия души и её апофеоза. Центрированные скифские композиции воплощают идею о воскресении и вечном возвращении. Доминирующий над всеми персонажами символ оленя воплощает роль жертвы в акте жертвоприношения – центральном акте «мировой мистерии» в орфической философии. Выбор образа оленя как центрального для художественного воплощения орфических идей в сцене терзания как жертвоприношения и замещение им образа коня, присутствующего в пересказе греческого мифа у Нонна, обусловлен глубокой символикой образа оленя как царя зверей и синкретизмом образов коня и оленя в скифском искусстве, обозначающих «мировое дерево».¹

Рис 3. Золотой конский налобник-наносник из Бердянского кургана (рубеж V–IV вв. до н. э. – первая треть IV в. до н. э., либо 380–365 гг. до н. э.) (по: 13, с. 203, рис. 4).

Рис 4. Золотая обкладка ножен меча из бокового погребения кургана Солоха (400–375 гг. до н.э.) (по: 1, с. 178)].

Согласно ранее высказанному нами предположению [12], в скифских композициях форма рогов оленя в виде семи β -видных отростков (Рис. 1, 2)

¹ См. детальнее об идее первородного животного, олицетворявшего мировое дерево, и о семантическом тождестве коней и оленей в композициях, восходящих к схеме “животное у мирового дерева”, о традиции изображения древа жизни в виде рогов оленя и о коне как о жертвенном животном [6, с. 62, 69, 78, 88, 111, 118].

символизирует семь небес,¹ и, в то же время, семь частей растерзанного Загрея, их воссоединение Аполлоном и возрождение Загрея², или же форма рогов оленя, напоминающая птичью лапку (Рис. 3–6), является аллюзией на название острова Делос (место рождения Аполлона), который раньше назывался Ортигией (*Перепёлкой*) [20, с. 412], а форма «глазных отростков» напоминает одновременно и небесную лиру Аполлона³, и бычьи рога Диониса,⁴ (Рис. 1–6), что также символизирует воссоединение частей Загрея Аполлоном и его возрождение.

На наш взгляд, в наиболее полной, компактной и выразительной форме орфическое учение о мире и о Дионисе как господине жизни и воплощении единства и множественности – «монаде нового бога»⁵ – воплощено в образе фигуры золотого скифского оленя из кургана Куль-Оба (Рис. 2).

Как отмечает А. Ф. Лосев, аполлоно-дионисовской школой философии было пифагорейство, не только в его моральном и мистическом учении, но и в его теории гармонии небесных сфер. Это слияние Аполлона и Диониса видно также и в области греческой лирики и драмы и вообще греческого классического искусства [20, с. 499]. Сообщение Геродота, в котором он сближает орфические и вакхические идеи и религиозную практику пифагорейцев (называя её священнодействием⁶), поставило в науке важные вопросы о существовании пифагорейской религии и связи вакхических мистерий и орфизма. Более того, не решён вопрос о существовании орфических религиозных сообществ и их социального статуса.⁷ Все эти вопросы являются трудноразрешимыми по причине отсутствия литературных свидетельств.

Рис 5. Золотая обкладка ножен меча из Куль-Обы (345–335 гг. до н.э.) (по: 1, с. 178).

¹ А. Ф. Лосев отмечает: «Характерно подчёркивание в орфических материалах растерзания Диониса именно на семь частей: этим, несомненно, хотели сказать, что Дионису причастен весь мир, все мироздание (понимавшееся тогда в виде семи небесных сфер)» [20, с. 182].

² См. подробнее об орфическом понимании души и её связи с числом семь [25, с. 94].

³ См. подробнее о небесной лире как символе Аполлона [20, с. 387, 590], а также связь Аполлона с семёркой [20, с. 391, 408-409].

⁴ Ср. у Нонна «Дева Загрея родит, рогатое чадо» [20, с. 202].

⁵ См. библиографию первоисточников орфизма [25, с. 92].

⁶ См. детальнее *Геродот* (II, 81).

⁷ См. библиографию дискуссий [21, с. 8].

Описание организации пифагорейцев по типу аристократической гетерии содержится в сообщении Геродота (рассказ, восходящий к фольклору живших близ Геллеспонта греков) о политическом, и, как предполагают, религиозно-культовом объединении Залмоксиса.¹ Оформившаяся в рамках орфизма идея пифагорейцев о религиозном избранничестве лидера и эсхатологическая доктрина об особом статусе наиболее могущественных граждан и их потомков, служила, как отмечает И. А. Макаров, основой организации аристократических гетерий, в частности гетерии Залмоксиса (который, как предполагают, был местным фракийским божеством) [21, с. 17–18].

Рис. 6. Золотая обкладка ножен меча из Великой Белозёрки (последняя треть IV в. до н. э.) (по: 13, с. 202, рис. 5).

И. А. Макаров отмечает, что источники V–IV вв. до н.э., в основном эпиграфические, свидетельствуют о распространённости в ряде областей греческого мира – в Северном Причерноморье (Ольвия), Фессалии, Южной Италии и Сицилии – орфических идей, которые в сфере религиозной практики выражались в вакхических культовых сообществах, состоявших из полисной аристократии [21, с. 19]. Костяные таблички V в. до н.э. из Ольвии могут служить косвенным подтверждением распространения идей орфизма в Северном Причерноморье, но не дают прямого указания на социальный статус их обладателей,² как и большое количество свинцовых бжураний и секир местного ольвийского производства IV–II вв. до н.э., указывающее на возрождение здесь древнейшей формы существовавшего на Крите культа Зевса и Диониса-Загрея (в этой архаизации А. С. Русяева справедливо усматривает элементы орфических религиозно-философских учений) [25, с. 99–103]. А. Ф. Лосев отмечает, что орфическая философия Загрея отражает очень древнюю, восходящую к критской культуре, мифологию страдающего и воскрешающего бога и является её философским осознанием, в самой Греции восходящим к VI в. до н.э., с истоками мифологии третьего Диониса (Иакха) в VII в. до н.э. [20, с. 172–183].

¹ См. детальнее *Геродот* (IV, 95).

² См. публикацию находок и интерпретацию граффити и рисунков [25, с. 89, рис. 6:1-5; с. 91–92, 95].

Помимо костяных табличек из Ольвии, в Северном Причерноморье есть артефакты, дающие основание предполагать, что идеи орфизма импонировали скифской знати – это золотые бляшки с мистериальными сценами торжественного приобщения (изображения сидящей богини с зеркалом или факелом и предстоящим героем, пьющим из ритуального сосуда) из погребений высшей скифской знати – курганов Куль-Оба, Чертомлык, Верхний Рогачик, Первый Мордвиновский, Мелитопольский, №4 в уроч. Носаки, бокового погребения кургана Огуз.¹

С. С. Бессонова, рассматривая аспект отношения магических изображений божеств к царской идеологии, отмечает, что речь идёт о культе героизированных умерших, имевшем ярко выраженную социальную окраску. Гипертрофированная роль погребального культа свидетельствует о вере скифской знати в посмертное существование душ, а образы скифских богов были принадлежностью искусства, ориентированного на высшие слои общества. Эти украшения были частью погребального облачения и встречены исключительно в богатых погребениях, где они должны были гарантировать личное бессмертие царям и знати, сохранение в потусторонней жизни их земных привилегий [6, с. 81, 105].

Рисунки и граффити на костяных табличках из Ольвии являются для нашего исследования очень ценным источником. Так, в интерпретации А. С. Русяевой буква *дзета* могла обозначать первую буква в имени Загрея, а геометрическая фигура – разделённый на семь частей прямоугольник с вписанными овалами в каждую секцию – расчленение на семь частей тела Диониса; на пластинках прочерчены буквы *альфа* и *дзета* как магическое обозначение единицы и семёрки; буква *альфа* прослеживается в формах гривы коня, схематических изображенного бегущим с опущенной вниз головой, и в форме паруса в изображении лодки, что А. С. Русяева связывает с мистикой чисел в культах Аполлона и Диониса, где единица и семёрка играли особенно важную роль, при этом высказывается предположение, что эти начертания являются символично-мистическими знаками расчленения и единения Загрея-Диониса [25, с. 91–95].

В этой связи примечательно изображение коня на ольвийской костяной пластине, содержащей также начертание буквы *дзета* (трактуемой А. С. Русяевой как начальная буква имени Загрея), в ряду целого ряда других пластин – памятников древней эпиграфики, содержание которых говорит в пользу существования орфической религии в Ольвии в интересующий нас период [25, с. 89, рис. 5]. А. С. Русяева отмечает, что конь не является атрибутом Диониса и почти не встречается рядом с его изображением, но, судя по упоминанию в мифе о превращениях Загрея, мог играть в его культе какую-то роль [25, с. 95]. Мы предполагаем, что конь на ольвийской костяной табличке наделён той же семантикой, что и олень в анализируемых нами скифских композициях «терзания» (см. выше ссылку 4). Изображение конской гривы нам представляется идентичным изображениям рогов у скифских оленей (Рис. 2–6): два лироподобные «глазные» отростки и далее – соединённые одной чертой пять отростков (один из которых на

¹ См. детальнее [6, с. 98–100].

костяной пластинке превращён в букву *альфа*). Таким образом, можно допустить, что на ольвийской костяной табличке изображён не конь, а именно олень.

В скифских композициях олень совмещает символику двух образов: идею жертвоприношения в образе коня и идею возрождения в образе оленя, рога которого символизировали древо жизни. Смысловая нагрузка в скифских многофигурных композициях со сценой терзания одних животных другими сконцентрирована именно в этом образе оленя: художник показал не просто терзание как акт жертвоприношения коня, но и его возрождение в образе оленя – древа жизни.

Шесть композиций показывают понимание скифами глубокого смысла сцены превращения Загрея перед гибелью как акта жертвоприношения Зевсом своего сына Загрея, поскольку из всей чреды превращений был выбран именно тот персонаж, который воплощал у скифов идею жертвоприношения и был трансформирован в семантически тождественный образ оленя, атрибут которого – символически стилизованные рога – более наглядно демонстрировали торжество жизни над смертью, и, что наиболее существенно – идею возрождения Диониса Аполлоном (см. выше нашу интерпретацию формы рогов оленя в *ссылках 6, 7, 8*).

Есть все основания предполагать, что скифам были не просто знакомы, но и близки учения пифагореизма, в которых основным богом выступает Аполлон,¹ поскольку идея о божественном жертвоприношении была воплощена в очень сложных по своему решению и по глубине символики многофигурных композициях, а также в высоком мастерстве художественного исполнения изделий из драгоценного металла, которые несомненно служили ритуальными атрибутами в погребальном обряде. Наделённые сакральным смыслом зооморфные композиции с аполлоно-дионисовской символикой из скифских царских захоронений украшают золотые ритуальные изделия, демонстрируя богатство погребённых и выражая идеи их прогрессивной реинкарнации, героизации и апофеоза. Можно предположить, что эти эсхатологические идеи были распространены в среде скифов царских, которые, по сведениям Геродота, были наиболее храбрыми и считали всех остальных скифов своими невольниками.² Весьма возможно, что от остальных скифов их отличали религиозные воззрения и культовая обрядовость, послужившие основой их обособленности и сплочённости в религиозно-культовое объединение типа аристократической пифагорейской гетерии.³

На основе приведённой интерпретации смысла шести изображений на скифских ритуальных предметах мы можем немного приблизиться к решению остро дискутируемых в мировой науке вопросов о существовании пифагорейской религии

---

¹ См. детальнее о тождественности, различии и взаимовлиянии некоторых доктрин орфических и вакхических мистерий, их связи с учением пифагорейцев и об отсутствии орфической теологии Диониса в пифагорейских учениях [25, с. 92].

² О скифах царских см. *Геродот* (IV, 20).

³ О способе жизни в гетерии и симпосии как важном элементе деятельности гетерии см. детальнее библиографию [21, с. 17]. См. также, золотые бляшки из скифских захоронений в Северном Причерноморье, выполнены в зверином стиле, трактуемые нами как атрибуты симпосиев [11].

и связи вакхических мистерий и орфизма на примере скифского общества. Как отмечает И. А. Макаров, невозможно утверждать, что любое вакхическое объединение принимало орфическую эсхатологию –немногочисленные случаи, сведениями о которых располагает наука, возникали лишь на пересечении орфической доктрины и вакхической ритуальной практики; более того, внутри орфического учения могли существовать различные мотивы [21, с. 14].

А. С. Безверхин, проанализировав важные аспекты личности Пифагора и особенности устройства и функционирования его школы, заключает, что пифагорейская традиция была инициатическим учением, коррелировавшим с орфическим мистериальным культом [5, с. 3, 5]. Структура пифагорейской школы носила мистериальный характер, а конститутивным элементом пифагорейской традиции был миф о Пифагоре, схожий с мифом об Орфее. Онтологическая трансформация Пифагора стала той сакральной целью, которую культивировали пифагорейцы. В основе организации пифагорейской школы, которой была присуща секретность и эзотеризм, лежали два принципа – иерархия и тайна. Как отмечает А. С. Безверхин, элитность и превосходство как своего рода эзотерическая этика пифагорейцев были результатом прохождения через «мистериальную машину» пифагорейского союза и приобщения к божественному мышлению, посвящения в пифагорейский миф, усвоения символов и воспроизводство ритуалов, а не только принадлежности к классу аристократов. Об особом пифагорейском священнодействии упоминает Геродот (II, 81).

Из сообщений Геродота мы знаем, что скифы избегали заимствовать чужеземные обычаи, в частности, эллинские.¹ В рассказах Геродота о скифах содержится сообщение, полученное от ольвиополита Тимна² – повернутого в делах царя Ариапифа – о событиях с царевичем Анахарсисом, застреленным своим братом, царём Савлием, за совершение обряда в честь кизикинской Матери богов, а также сообщение о том, что скифы восприняли участие своего царя-отступника Скила в вакхических мистериях как очень большой позор и свергли его с трона (затем Скил был казнён своим братом, новоизбранным царём Октамасадом). Анахарсис, вероятно, участвовал в Элевсинских мистериях, которые были государственными мистериями (они опирались на авторитет орфических книг, но не обнаруживали никакой связи с орфическими идеями метемпсихоза и с особой орфической антропogонией).³ Следовательно, исходя из наших рассуждений о возможности существования культово-религиозной пифагорейской общины царских скифов, элитность и превосходство которых над остальными скифами подчёркивал и Геродот (IV, 20) (а ведь именно элитарная эсхатология и являлась своеобразной эзотерической этикой пифагорейцев), нам представляется логичными действия в отношении скифских царей со стороны именно царей (вспомним о

¹ О печальной судьбе Анахарсиса см. *Геродот* (IV, 76-77) и о скифском царе Скиле среди членов фиаса Диониса Вакхического в Ольвии см. *Геродот* (IV, 78-80).

² См. подробнее об источниках сведений Геродота [26, с. 37–38].

³ См. подробнее [21, с. 9].

строжайшей засекреченности пифагорейского учения и сурового наказания нарушившим эту секретность).¹

В Северном Причерноморье период с VI–II вв. до н.э. был этапом длительного сосуществования и взаимодействия двух этнических массивов, конечным итогом которого принято считать т.н. «греко-варварский синтез», или возникновение смешанных синкретических форм культуры и образа жизни [2, с. 409].

О религиозных представлениях скифов мы заключаем, что у них существовал сходный с греческим пантеон богов² и такие формы религии, как погребальный культ,³ культ предков,⁴ культ вождей,⁵ культ плодородия,⁶ а также культ героев.⁷ Анализ сцен скифских композиций культово-мифологического содержания анализируемых композиций показывает, что они отображают эсхатологические представления о героизация умерших, их апофеозе и путешествии в мир богов, идеи мистического приобщения к божеству и приобретения бессмертия благодаря вкушению ритуальной пищи, а также идеи возрождения и последовательных перевоплощений в непрерывном цикле жизни. Как отмечает С. С. Бессонова, эти идеи свойственны многим религиям, поэтому для их воплощения скифам легко было найти соответствие в художественном языке иной культуры – в античной иконографии [6, с. 96–114]. Чрезвычайно древние и широко распространённые (в т.ч. в северопонтийских городах) идеи об умирающем и воскрешающем боге, обладая большой притягательной силой, были восприняты скифами и воплощены в своём высокохудожественном зверином стиле. Такая популярность образов звериного стиля в скифском искусстве была обусловлена их мифологическим содержанием, а сцены терзания и борьбы зверей отображали дуалистические концепции индоиранских народов [6, с. 114].

Как отмечает А. Ф. Лосев, в обиходе всякой религии фигурируют такие понятия, как жертва, жрец, приноситель жертвы и божество, которому жертва приносится. Растерзание Диониса-Загрея и пожирание его Титанами, по учению орфиков, является центральным актом мировой мистерии.⁸ В дошедших до нас античных источниках мифа о Загрее приноситель жертвы – Зевс, жертва – Загрей, его сын, жрец – Титаны (поглощающие жертву); однако, подлинными потребителями Загреевой жертвы являются произошедшие от этих Титанов люди и «получающий здесь своё воссоединение разьединённый и распавшийся космос» [20, с. 173–182]. Идея жертвоприношения, в которой заложена глобальная концепция единства и взаимообусловленности жизни и смерти, выражена в искусстве скифов в

---

¹ См. подробнее библиографию [5, с. 5].

² О скифском пантеоне см. *Геродот* (IV, 59).

³ Об обрядовой стороне погребальной церемонии см. *Геродот* (IV, 53, 71, 72, 73).

⁴ О почитании гробниц *Геродот* (IV, 127) и обычае «кормления» умерших до похорон и (IV, 73).

⁵ О моральном авторитете вождя и его деспотической власти см. *Геродот* (IV, 59).

⁶ О скифском празднике, сочетавшем земледельческие и скотоводческие мотивы, а также обряды обновления сил природы и всего жизненного цикла в природе и обществе, см. *Геродот* (IV, 7).

⁷ См. подробнее [6, с. 70].

⁸ См. комментарии и перевод источников [20, с. 193–197].

виде сцены схватки животных, т.е. терзания одних животных другими как «идея смерти во имя сохранения и возрождения жизни» [24, с. 440; 15, с. 21–29]. Для тех скифов Северного Причерноморья, которые, возможно, были посвящены в культ Загрея, это была сцена зооморфных превращений Загрея по сюжету его борьбы с Титанами во время священного акта жертвоприношения Зевсом своего сына – «центрального акта мировой мистерии» в орфизме. Обе трактовки этой сцены (у посвящённых и непосвящённых в культ Загрея-Диониса) были изоморфны и выражали концепцию кругооборота жизни. Предполагаем, что именно поэтому орфическая идея жертвоприношения как приобщения людей богу была выражена в художественной форме на предметах погребального обряда, в понятных для скифов образах мотива «терзание» одного животного другим. Декорированные этими сценами ритуальные предметы, возможно, служили апотропеями в загробной жизни и знаками мистериального посвящения, являвшегося в орфической эсхатологии необходимым условием освобождения души от последующих инкарнаций, залогом их героизации и апофеоза.¹

Выводы

1. Многосоставные сцены терзания в восточноевропейском скифском зверином стиле, композиционно построенные по сюжету изложенного в «Песнях о Дионисе» Нонна Панополитанского орфического мифа о растерзании Загрея и его борьбы с Титанами, содержат аполлоно-дионисовскую символику орфикопифагореизма и выражают орфическую космогонию, эсхатологические идеи бессмертия души, антисоматизма и метемпсихоза, а также идеи небесной гармонии, религиозного избранничества, прогрессивной реинкарнации и апофеоза приобщённых к таинствам. Идеи единства и множества, распада и воссоединения, гибели и возрождения воплощены символикой образа оленя, доминирующего над всеми остальными образами композиций, состоящих из персонажей мифа о зооморфных превращениях Загрея во время схватки с Титанами.

2. Выраженные в восточноевропейском скифском зверином стиле идеи орфизма и пифагореизма о бессмертии души созвучны мировоззрениям кочевников о круговороте жизни и жертвоприношении во имя мирового порядка; традиционная для всего скифо-сибирского звериного стиля сцена терзания животными друг друга, символизирующая идею жертвоприношения, была использована для сакральных изображений борьбы Загрея, принимавшего зооморфные облики, с Титанами. Скифские композиции изображают орфический миф в том его варианте, где Загрей был соединён и воскрешён Аполлоном.

3. Воплощение аполлоно-дионисовской философии орфикопифагореизма в символике художественной интерпретации мифа о Загрее на ритуальных предметах погребального обряда в скифских царских курганах Северного Причерноморья,

¹ О золотых изделиях, оформленных или декорированных зооморфными образами восточноевропейского скифского звериного стиля, с дионисовской тематикой и с апотропеическим или мистериальным смыслом из скифских погребений Северного Причерноморья, см. [9; 10].

возможно, говорит о распространении в среде скифов, в частности скифов царских, идеи пифагорейцев о религиозном избранничестве лидера и эсхатологической доктрины об особом статусе наиболее могущественных граждан и их потомков, следовательно, может служить основанием для нашего предположения о существовании закрытого элитарного религиозно-культурного сообщества, практикующего по типу пифагорейских гетерий, в частности, на территории, занимаемой царскими скифами.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 272 с.
Alekseev A. Yu. Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2012. 272 s.
2. Андреев Ю. В., Марченко К. К. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // К. К. Марченко (ред.) Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб: Алетейя. 2005. С. 400–415.
Andreev Yu. V., Marchenko K. K. Osnovnye teoreticheskie i metodologicheskie aspekty problemy greko-varvarskikh kontaktov v Severnom Prichernomor'e skifskoi epokhi // K. K. Marchenko (red.) Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu. SPb: Aleteiya. 2005. S. 400–415.
3. Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифского искусства. СГЭ. 1962. 22. С. 30–35.
Artamonov M. I. K voprosu o proiskhozhdenii skifskogo iskusstva. SGE. 1962. 22. S. 30–35.
4. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Ленинград: Изд-во Ленинградского университета. 1974. 156 с.
Artamonov M. I. Kimmeriitsy i skify (ot pojavleniya na istoricheskoi arene do kontsa IV v. do n. e.). Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. 1974. 156 s.
5. Безверхин А. С. Мистериальная структура пифагорейской школы. Вестник Бурятского государственного университета. 2015. 6. С. 3–7.
Bezverkhin A. S. Misterial'naya struktura pifagoreiskoi shkoly. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. 6. S. 3–7.
6. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка. 140 с.
Bessonova S. S. Religioznye predstavleniya skifov. Kiev: Naukova dumka. 140 s.
7. Геродот. История в девяти книгах / (перевод) Г. А. Стратановского. Ленинград: Наука, 1972. 600 с.
Herodotus. Istoriya v devyati knigakh / (perevod) G. A. Stratanovskogo. Leningrad: Nauka, 1972. 600 s.
8. Грач А. Д. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей. // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии (Скифо-сибирский «звериный» стиль). Москва: Институт археологии, 1972. С. 29–30.
Grach A. D. Proizvedeniya skifo-sibirskogo iskusstva v predelakh etnokul'turnykh zon aziatskikh stepei. // Tezisy докладov III Vsesoyuznoi konferentsii po skifo-sarmatskoi arkheologii (Skifo-sibirskii «zverinyi» stil'). Moskva: Institut arkheologii, 1972. S. 29–30.
9. Добровольский Л. С., Сыдыков Е. Б., Умиткалиев У. У., Каженова Г. Т. Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны. Поволжская археология. №10 (43). 2023. С. 113–126. DOI: 10.24852/pa2023.1.43.113.126.
Dobrovolskii L. S., Sydykov E. B., Umitkaliev U. U., Kazhenova G. T. Semantika obrazov «grifonogippokampa» i «rogatoi ryby» v skifskom zverinom stile vostochnoevropейskoi zony. Povolzhskaya arkheologiya. №10 (43). 2023. S. 113–126. DOI: 10.24852/pa2023.1.43.113.126.
10. Добровольский Л. С. Апотропеические образы восточноевропейского скифского звериного стиля. Вестник антропологии. 2. 2023. С. 86–104. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104.
Dobrovolskii L. S. Apotropicheskie obrazy vostochnoevropейskogo skifskogo zverinogo stilya. Vestnik antropologii. 2. 2023. S. 86–104. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104.

11. Добровольский Л. С. Симпосиастические образы восточноевропейского скифского звериного стиля. Вестник антропологии. 2024 (в печати).
Dobrovol'skii L. S. Simposiasticheskie obrazy vostochnoeuropeiskogo skifskogo zverinogo stilya. Vestnik antropologii. 2024 (v pechati).
12. Добровольский Л. С., Умиткалиев У. У. Семантика сюжета терзания копытного кошачьим хищником и грифоном в восточноевропейском скифском зверином стиле. Археология Евразийских степей (в печати).
Dobrovol'skii L. S., Umitkaliev U. U. Semantika syuzheta terzaniya kopytnogo koshach'im khishchnikom i grifonom v vostochnoeuropeiskom skifskom zverinom stile. Arkheologiya Evraziiskikh stepei (v pechati).
13. Канторович А. Р. Сцены преследования, терзания и поглощения в восточноевропейском скифском зверином стиле (проблема интерпретации и статистические показатели). ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис. Сборник научных статей / отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. Москва: ИА РАН, 2020. С. 192–231.
Kantorovich A. R. Stseny presledovaniya, terzaniya i pogloshcheniya v vostochnoeuropeiskom skifskom zverinom stile (problema interpretatsii i statisticheskie pokazateli). DIALOG 2017–2018. Dikhotomiya iskusstva v arkeologii: lokus, obrazy, genezis. Sbornik nauchnykh statei / отв. red. E. S. Levanova, N. Yu. Smirnov. Moskva: IA RAN, 2020. S. 192–231.
14. Королькова Е. Ф. Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов). АСГЭ. 2015. 40. С. 157–188.
Korol'kova E. F. Sledy nevidannykh zverei (k probleme traktovki fantasticheskikh obrazov). ASGE. 2015. 40. S. 157–188.
15. Королькова Е. Ф. Хищник и жертва: формула «Смерть – Жизнь». ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис. Сборник научных статей / отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. Москва: ИА РАН, 2020. С. 17–31.
Korol'kova E. F. Khishchnik i zherstva: formula «Smert' – Zhizn'». DIALOG 2017–2018. Dikhotomiya iskusstva v arkeologii: lokus, obrazy, genezis. Sbornik nauchnykh statei / отв. red. E. S. Levanova, N. Yu. Smirnov. Moskva: IA RAN, 2020. S. 17–31.
16. Кузина Н. В. Элевсинские сакральные традиции и культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. (6). С. 178–182.
Kuzina N. V. Elevsinskie sakral'nye traditsii i kul't Dionisa v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. (6). S. 178–182.
17. Кузьмина Е. Е. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии (Скифо-сибирский «звериный» стиль). Москва: Институт археологии, 1972. С. 51–52.
Kuz'mina E. E. O sinkretizme obrazov skifskogo iskusstva v svyazi s osobennostyami religioznykh predstavlenii irantsev // Tezisy dokladov III Vsesoyuznoi konferentsii po skifo-sarmatskoi arkeologii (Skifo-sibirskii «zverinyi» stil'). Moskva: Institut arkeologii, 1972. S. 51–52.
18. Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе. СА 1976б. (3). С. 68–71.
Kuz'mina E. E. O semantike izobrazhenii na Chertomlytskoi vase. SA 1976b. (3). S. 68–71.
19. Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979. С. 78–83.
Kuz'mina E. E. Stsena terzaniya v iskusstve sakov // Etnografiya i arkeologiya Srednei Azii. Moskva, 1979. S. 78–83.
20. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. Москва: Мысль. 1996. 975 с.
Losev A. F. Mifologiya grekov i rimlyan. Moskva: Mysl'. 1996. 975 s.
21. Макаров И. А. Орфизм и греческое общество в VI–IV вв. до н.э. Вестник древней истории. 1999. № 1 (228). С. 8–19.
Makarov I. A. Orfizim i grecheskoe obshchestvo v VI–IV vv. do n.e. Vestnik drevnei istorii. 1999. № 1 (228). S. 8–19.

22. Полидович Ю. Б. Пластина – обкладка горита из кургана первой половины V в. до н.э. у с. Ильичёво (Крым) // (Ред.) Л. С. Клочко, Ю. Б. Полидович. Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки», Київ: Фенікс, 2017. С. 89–108.
- Polidovich Yu. B. Plastina – obkladka gorita iz kurgana pervoi poloviny 5 v. do n.e. u s. P'ichevo (Krym) // (Red.) Klochko L. S., Polidovich Yu. B. Muzeini chitannya. Materiali naukovoї konferentsii «Yuvelirne mistetstvo – poglyad kriz' viki», Kіiv: Feniks, 2017. S. 89–108.
23. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. Москва: Наука. 1977. 214 с.
- Raevskii D. S. Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruksii skifskoi mifologii. Moskva: Nauka. 1977. 214 s.
24. Раевский Д. С. Мир скифской культуры. Москва: Языки славянских культур. 2006. 598 с.
- Raevskii D. S. Mir skifskoi kul'tury. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2006. 598 s.
25. Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии. ВДИ. 1978. (1). С. 87–105.
- Rusyayeva A. S. Orfizm i kul't Dionisa v Ol'vii. VDI. 1978. (1). S. 87–105.
26. Скржинська М. В. Скiфiя та елiнський свiт Пiвнiчного Причорномор'я в «iсторiї» Геродота. Археологiя. (1). 1991. С. 33–46.
- Skrzhins'ka M. V. Skifiya ta ellins'kii svit Pivnichnogo Prichornomor'ya v «Istorii» Gerodota. Arkheologiya. (1). 1991. S. 33–46.
27. Федоров-Давыдов Г. А. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства. Успехи среднеазиатской археологии. 1975. 3. С. 23–28.
- Fedorov-Davydov G. A. O stsenakh terzanii i bor'by zverei v pamyatnikakh skifo-sibirskogo iskusstva. Uspekhii sredneaziatskoi arkheologii. 1975. 3. S. 23–28.
28. Farkas A. Interpreting Scythian Art: East vs. West. *Artibus Asiae*. 1977. (39) 2, 124–138.
29. Hartner W. The Earliest History of the Constellations in the Near East and the Motif of the Lion-Bull Combat. *Journal of Near Eastern Studies*. 1965 (24) 1/2, 1–16.
30. Hartner W., Ettinghausen R. The Conquering Lion, the Life Cycle of a Symbol. *Oriens*. 1965 (17), 161–171.

Dobrovolskyi L. S., Umitkaliev U. U. Orphian myth in the art of the Scythians of the North Pontic area

The subject of the study is the debatable problem of the semantics of the motive of tormenting an ungulate by a feline predator and a griffin. The study is carried out on the basis of the previously established correspondence of the bestiary of six Scythian multi-figured scenes with the figurative composition of the Orphic myth about Dionysus-Zagreus torn apart by the Titans, in order to identify religious, cult and philosophical symbolism in these compositions, as well as to draw a parallel between Orphic concepts and Scythian religious-mythological representations. The compositions contain the Apollonian-Dionysian symbolism of Orphic-Pythagoreanism and express Orphic cosmogony, eschatological ideas of the immortality of the soul, anti-somatism and metempsychosis, as well as the ideas of heavenly harmony, religious chosenness, progressive reincarnation and apotheosis of those who are attached to the sacraments. The ideas of unity and plurality, disintegration and reunification, death and rebirth are embodied in the symbolism of the image of a deer. The ideas of Orphism and Pythagoreanism about the immortality of the soul are consonant with the worldviews of the nomads about the cycle of life and sacrifice in the name of the world order. The scene of animals tormenting each other, traditional for the whole Scytho-Siberian animal style, symbolizing the idea of sacrifice, is used for sacral images of the struggle of Zagreus, who fought the Titans in zoomorphic guise, and images of a special version of the Orphic myth – about the connection of parts of Zagreus and his resurrection by Apollo. The Apollonian-Dionysian philosophy of Orphic-Pythagoreanism is embodied by the symbolism of the Eastern European Scythian animal style in the artistic interpretation of the myth of Zagreus on the ritual objects of the funeral rite in the Scythian royal burial mounds of the Northern Black Sea region, which gives us reason to assume that among the Scythians the royal ideas of the Pythagoreans about the religious election of the leader and the eschatological doctrine about the special status of the most powerful

citizens and their descendants, as well as about the existence of a closed elite religious and cult community practicing like the Pythagorean clubs within the territory occupied by the royal Scythians.

Keywords: Apollonian-Dionysian philosophy, Eastern European Scythian animal style, Orphism, Pythagorean club, North Pontic area, royal Scythians.

УДК 94(73)+930“1930-1940”

**МАКСВЕЛЛ ХИКС СЭВЕЙЛЛ. ИМПЕРСКАЯ ШКОЛА КОЛОНИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
(ЧАСТЬ I: 1930–1940-е ГОДЫ)**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Исследование посвящено определению взглядов М. Х. Сэйвелла на зарождения внешне-политического курса североамериканского государства, которые он разработал в 1930–1940-е гг. Актуальность обусловлена состоянием изученности темы, которая характеризуется низкой степенью проработанности в историографии. Для раскрытия темы был сформирован круг источников, включающий труды ученого, рецензии на его работы, материалы Американской исторической ассоциации, документы Стэнфордского университета. Концептуальная рамка методологии исследования была сформирована парадигмой по средству сочетания принципов историзма, объективности и системности, комбинации историко-биографического, историко-хронологического и компаративистского методов. По результатам исследования были сделаны следующие выводы. М. Х. Сэйвелл способствовал расширению в американской исторической науке представлений о необходимости изучения истоков внешней политики США в колониальную эпоху: хронологические рамки были отодвинуты в период, предшествовавший началу Войны за независимость. Интерпретация ученого поддерживала концепт единства трансатлантической истории. Что давало возможность администрации Ф. Д. Рузвельта готовить общество к вовлечению Соединенных Штатов во Вторую мировую войну.

Ключевые слова: генезис внешней политики США, имперская школа колониальной истории, историография, М. Х. Сэйвелл, Э. Б. Грин.

Профессор Максвелл Хикс Сэйвелл (1896–1979) снискал признание в американской исторической науке уже с первых своих публикаций в середине 1930-х гг. [26, р. 24; 27, р. 12]. Причина внимания к его творчеству в последующие десятилетия XX–XXI вв. была не только связана с высоким качеством трудов, но также и с тем, что он занимался колониальными истоками внешней политики США – предметно-тематическим полем, не пользовавшимся популярностью в научных кругах. Это обстоятельство привело к парадоксальному положению: приобретенный авторитет не привел к критическому осмыслению. В результате, наработки ученого стали атрибутами ссыльного аппарата работ, источниками заимствований фактов, но не объектом детального изучения [30, р. 13, 149, 164; 31, р. 13, 149, 164; 35, р. 1, 2–29; 38, р. 10, 12; 41, р. 104, 125, 163, 285, 286, 295, 304, 306, 310, 313, 316, 317, 318, 331, 354, 390, 394, 406, 408, 409; 46, р. 218, 263; 65, р. 234–236; 66, р. 13, 17, 20, 23, 24; 67, р. 218]. В свою очередь, в советской и российской американистике идеи М. Х. Сэйвелла не получили широкого распространения. Его наследие было невостребованно авторами обобщающих трудов 1950–2000-х гг. [3–

7; 12; 15]; только в единичных диссертациях 2000-е гг. по европеистике соискатели уделили внимание творчеству историка [1; 8]¹. В специализированных трудах взгляды ученого были, преимущественно, проигнорированы [9–11; 14] или приведены формально [13]. Несмотря на признание, идеи М. Х. Сэвейлла, в общем, и его интерпретация генезиса внешней политики США, в частности, не получили должной проработанности. В целом, из фокуса внимания исследователей «выпали» два концептуальных аспекта его творчества: с одной стороны, не был проведен анализ раннего периода его деятельности (середина 1930-х гг. – начало 1940-х гг.), а, с другой – концептуальным упущением выступает отсутствие контекста зарождения и эволюции его интерпретации. Как следствие, взгляды ученого не раскрываются в рамках научного направления, в частности, и американской науке, в целом; не определяется влияние политической системы и глобальной политики. Восполнение этих пробелов обуславливает актуальность исследования.

Целью работы выступает определение взглядов М. Х. Сэвейлла на зарождение внешнеполитического курса североамериканского государства, которые он разработал в 1930–1940-е гг. Задачами исследования выступают: выявить академический и политический контекст формирования интерпретации темы ученым; проанализировать академическую стратегию внедрения взглядов историка.

Источниковую базу составляют четыре группы документов: 1) труды М. Х. Сэвейлла [47–63]; 2) рецензии на его работы [28–29; 32; 34; 39–40; 42; 44–45; 64; 69]; 3) материалы Американской исторической ассоциации [43]; 4) документы Стэнфордского университета [16–25].

В соответствии с целью и задачами исследования, методология работы была построена в рамках парадигмы интеллектуальной истории при помощи комбинации принципов историзма, объективности и системности, а также сочетания историко-биографического, историко-хронологического и компаративистского методов.

* * *

В первой трети XX в., тем временем пока на Среднем Западе, в Висконсинском университете, укреплялись позиции «прогрессивистской школы», а по стране набирала влияние «националистическая школа», в Колумбийском университете развивалась «имперская школа колониальной истории». Сподвижником этого процесса был Эвартс Бутелл Грин (1870–1947) – профессор, заведующий кафедрой истории (до 1939 г.), специалист по колониальному периоду, ученик Э. Чаннинга и А. Б. Харта в Гарвардском университете².

---

¹ Открытием взглядов американского ученого для российского читателя стало диссертационное исследование Ю. Г. Акимова «Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.» (2003), опубликованное отдельным монографическим изданием под названием «От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.» (2005). Концепция труда была построена на основе дискуссии с американским ученым, которая, не затрагивала тему генезиса внешней политики США [2, с. 17–18].

² Под научным руководством Э. Чаннинга и критической оценкой А. Б. Харта, Э. Б. Грин защитил диссертацию по колониальному периоду на тему «Провинциальный губернатор» (1893) [37, р. 26].

Во второй половине 1920-х гг. Э. Б. Грин курировал научную деятельность докторанта М. Х. Сэвейлла. На протяжении 1926–1932 гг., одновременно с проведением исследования по теме диссертации «Джордж Морган, строитель колонии» (1932) [50], соискатель работал инструктором истории в alma mater. Несмотря на Великую депрессию, после завершения работ в архивах Испании (1930–1931), он успешно защитил исследование. С 1932 г. стал работать в Стэнфордском университете, где специализировался на международных отношениях в Северной Америке и внешней политики США¹. Его первые публикации по этой проблематике стали выходить с 1934 г. [47–48; 61; 62].

В отличие от авторов других направлений первой трети XX в., свою особую позицию в историографии М. Х. Сэвейлл обозначил в статье «Колониальное происхождение американских дипломатических принципов» (1934) на страницах журнала «Pacific Historical Review»². В ней был сформулирован ключевой тезис: «<...> идеи, лежащие в основе постоянных основ американской дипломатии, были уже старыми, даже традиционными, задолго до американской независимости; что эти идеи так же стары, как европейское поселение в Америке, потому что они возникли из потребностей, которые были присущи географическому положению колоний здесь; и что они развивались одновременно в Америке и в Европе, из межколониальных отношений английских, испанских, голландских и французских колоний, с одной стороны, и из приспособления европейской дипломатии к новой международной обстановке, представленной появлением колониальных империй в Западном полушарии, с другой» [47, р. 335].

Такой взгляд представлял собой вызов интерпретации зарождения внешней политики, который предлагали исследователи «националистической школы» и «прогрессивной школы». Отказываясь признавать состоятельность утверждения о начале дипломатии с учреждения Комитета секретной корреспонденции 29 ноября 1775 г. и отправления 2 марта 1776 г. С. Дина в Европу [Ibid., р. 334], М. Х. Сэвейлл бросил вызов концепту «националистической школы», над развитием которого вел работу С. Ф. Бимис. Основную идею об исключительно американском

¹ Стечение обстоятельств привели М. Х. Сэвейлла, как в Стэнфордский университет, так и в новое научное поле. Поступив на работу в вуз в октябре 1932 г., М. Х. Сэвейлл получил специализацию по американской истории: в 1934 г. ему поручили читать курс лекций по истории Канады, от которого отказался профессор Карл Фремонд Брэнд (1892–1981); в 1935 г. он вошел в состав группы по подготовке предмета «История Западной цивилизации». В последствии он отвечал за организацию преподавания этой дисциплины в вузе, число ежегодных слушателей которой в течении трех лет превысило 2 тыс. Изматывающая административная работа привела к тому, что в 1938–1939 гг. М. Х. Сэвейлл взял саббатикал и отправился в Европу, работать с архивами Великобритании и Франции. После этой поездки, в 1940–1941 учебном году он решил отказаться от курирования дисциплины «История Западной цивилизации», которая занимала много времени, однако, эти планы не осуществились, и он продолжил совмещать эту работу с научными изысканиями по истории дипломатии в Западном полушарии до 1944 г. [16, р. 295, 299; 17, р. 343; 17, р. 343; 18, р. 327; 19, р. 35; 20, р. 368; 21, р. 305; 22, р. 289–290; 23, р. 288; 24, р. 377; 25, р. 359].

² Предварительно, свои идеи были апробированы на XXIX-ом ежегодном собрании Тихоокеанского отделения Американской исторической ассоциации (Рид-колледже, Портленд, штат Орегон, 28–29 декабря 1933 г. [43, р. 109].

происхождении внешнеполитического курса Соединенных Штатов, он парировал идеей соединения начал: «<...> ранняя дипломатия Соединенных Штатов становится синтезом американских, английских и европейских элементов. Это также означает, что история американских дипломатических идей на самом деле начинается не в 1776 году. Напротив, она берет свое начало с открытия Америки и появления международной доктрины двух сфер. Постоянными основами американской внешней политики являются те концепции, которые выросли из опыта европейских наций и колоний в их усилиях по управлению международной судьбой Нового Света. Они были заложены в течение первых двух столетий освоения, аннексии и заселения Северной Америки» [Ibid., p. 349]. В этом концепте генезис внешней политики США не происходил в изоляции от Европы, а был обусловлен развитием дипломатии в «Старом свете» [Ibid., p. 350]. Это суждение было следствием критического отношения М. Х. Сэвейлла к постулату о географической изолированности Америки, на основании которой историки «националистической школы» построили свою аргументацию.

1930-е гг. стали временем, когда М. Х. Сэвейлл выбрал стратегию критики оппонентов при помощи рецензий на их труды. Первый, кто попал под его негативную оценку был С. Ф. Бимис. Монография «Дипломатическая история Соединенных Штатов» (1936) вызвала откровенную реакцию у исследователя: «<...> собственная философия американской дипломатии» – этой фразой он показывал несостоятельность претензии С. Ф. Бимиса на то, что им была создана работа, воплощавшая идеалы поколений историков [52, p. 146]. Претензии на доминирование «националистической школы» им не принимались. По мнению М. Х. Сэвейлла «Г-н Бемис является традиционалистом и изоляционистом в своей интерпретации американской внешней политики» [Ibid., p. 148], поскольку он идеализировал ранний период истории внешней политики, считая ее эталонной и правильной, но при этом уклонился от создания новой интерпретации [Ibid., p. 147].

М. Х. Сэвейлл подверг критике и «прогрессистскую школу». В частности, взгляды ученика Ф. Дж. Тернера – профессора истории в Виргинском университете Томаса Перкинса Абернети (1890–1975) [33, p. 1–13], изложенные в книге «Западные земли и Американская революция» (1938), вызвали негодование по причине ее незавершенности: «Никто никогда не будет читать эту книгу для чистого удовольствия. С другой стороны, никто из тех, кто заинтересован в экспансии на запад в Соединенных Штатах между 1749 и 1789 годами, не может позволить себе не читать ее. Название – неправильное. Книга должна была называться «Притязания Вирджинии на западные земли и влияние этих притязаний на американскую революцию». Как таковое, это мастерское исследование; но оно не включает в себя все, что предлагается его названием» [58, p. 469]¹.

---

¹ Спустя десятилетия М. Х. Сэвейлл подвергал жесткой критике и учеников Т. П. Абернети. В частности, в 1958 г. в Виргинском университете была защищена докторская диссертация «Англо-испанское соперничество в Северной Америке, 1492–1763» Джеймса Лейча Райта – младшего (1929–1986), которую М. Х. Сэвейлл выделил за ее качество и делал ссылки на нее наравне с работами своих докторантов 1960-х гг. [63, p. 122, 580, 584]. Однако, когда в 1971 г. на основе изыскания была

Борьба за научную интерпретацию фактов, побуждала М. Х. Сэвейлла критиковать также и непрофессиональных историков. Например, Генри Плезантс – младший (1884–1963) – врач по специальности, открывший в себе способности к написанию истории Американской революции – после того, как издал книгу «Томас Мейсон, приключения» (1934) привлек внимание М. Х. Сэвейлла. Аматерство вызвало неприкрытое осуждение: «Во всяком случае, историческое обозрение этого издания должно основываться на том малом объеме истории, который в ней содержится; большая ее часть должна быть отброшена как не имеющая материала для серьезного рассмотрения изучающим историю. <...> в книге есть некоторые атрибуты истории, но нет ничего существенного. Как роман, ее стоит прочитать. Как история, она совершенно бесполезна» [56, р. 591].

Негативные отзывы были адресованы и в сторону наработок иностранных коллег. В частности, это имело отношение к труду британского историка, профессора Оксфордского университета Ричарда Пареса. Его монография «Война и торговля в Вест-Индии, 1739–1763» (1936) критиковалась за отсутствие испанских архивных документов [57, р. 538]. Нехвалебная рецензия отображала стремление подчеркнуть обособленность американской исторической науки от британской историографии.

Отстаивая точку зрения М. Х. Сэвейлла не пренебрегал и укреплением связями с историками, которых он считал единомышленниками. Джон Тейт Лэннинг (1902–1976) – профессор Университета Дьюка, ученик Г. Ю. Болтона – получил высокую оценку от него в рецензии на книгу «Дипломатическая история Джорджии» (1939). В частности, в документе подчеркивалось то, что ранее не было указано ни одному автору: «В целом, однако, это похвальный экскурс в область дипломатической истории Америки до 1763 года. Остается надеяться, что другие ученые пойдут и сделают то же самое» [55, р. 132]. И это несмотря на то, что по признанию М. Х. Сэвейлла, автор использовал испанские архивы, но полностью проигнорировал французские источники. Узость привлечения источников, как это было в случае с британским историком Р. Паресом, не использовавшим испанские документы, было достаточно для критики и отсутствия рекомендации его книги в качестве примера для других историков. Усиление влияния т. н. «Болтоновской школы» в американской науке, особенно на Западе, где работал М. Х. Сэвейлл, давали ему все основания искать союзников. Аналогичное прослеживалось и в положительной рецензии на «превосходную книгу», как это он сам сформулировал, Уолтера Луиса Дорна (1894–1961) – профессора истории Университета штата Огайо – «Соревнование за Империю, 1740–1763» (1940). Симпатию вызывала

опубликована монография «Англо-испанское соперничество в Северной Америке», он дал негативную рецензию: «Эта книга – не история дипломатии. Дипломатические отношения, действительно, упоминаются случайно, но только с разочарывающей небрежностью и, в некоторых случаях, вводящими в заблуждение небольшими неточностями. <...> В самом прямом смысле это локальная история. Она довольно подробно описывает историю событий на небольшом отрезке гораздо масштабной сцены. Но перспектива более широкой арены, то есть общего эпического соперничества двух евроамериканских империй в Америке, не появляется» [53, р. 329–330].

близость взглядов: связанность Европы и Америки, влияния европейского баланса сил на Западное полушарие, меркантилизм как основа дипломатии – были общими понятиями для двух исследователей [54, р. 591–593].

Рецензионная активность преследовала прагматичную цель – подготовить основание для появления ряда работ, в которых М. Х. Сэвейлл развил идеи, высказанные им в середине 1930-х гг. Первой среди них, стала статья «Американский баланс сил и европейская дипломатия, 1713–78» в коллективной монографии, посвященной памяти его научного руководителя – «Эпоха Американской революции; этюды, написанные Эвартсом Бутеллом Грином» (1939). В публикации он утверждал: для генезиса внешней политики особое значение имел «колониальный баланс сил», от которого напрямую зависело европейское равновесие, поскольку соотношение сил в Америке определяло континентальное равновесие «Старого света» [59, р. 140, 168–169]. Одновременно в журнале «The Canadian Historical Review» была опубликована статья «Дипломатическая подготовка к Семилетней войне в Америке» (1939). В подстрочном примечании, им отмечалось: «Ограниченность пространства делает невозможным обсуждение в данной статье разветвлений американских вопросов в запутанном клубке европейской дипломатии того периода. Эта статья касается только европейской дипломатии, поскольку она затрагивала сугубо американские вопросы» [48, р. 17]. Вместе со статьей 1934 г. публикации создавали концепт по интерпретации международных отношений в Северной Америке до образования США, а также интерпретации генезиса внешней политики североамериканского государства. Однако распространение своего подхода было предпринято уже в начале 1940-х гг.

В преддверии публикационной активности, еще в 1937 г. М. Х. Сэвейлл написал негативную рецензию на работу историка-прогрессиста профессора Университета Иллинойс Теодора Кальвина Пиза (1887–1948) «Англо-французские пограничные споры на Западе, 1749–1763» (1936), поставив ему в вину узость взгляда на исторический процесс [51, р. 436]. Появление рецензии было неизбежностью, поскольку на ее основе выстраивалась актуальность масштабного труда М. Х. Сэвейлла – «Дипломатическая история канадской границы, 1749–1763» (1940). Эта работа стала первым монографическим изданием, в которой он выразил свои теоретические наработки 1930-х гг. При этом акцент делался на том, что Семилетняя война (1756–1763) являлась результатом отношений колоний европейских государств друг с другом, а не держав Старого света. К моменту выхода монографии, ее автор снискал авторитет в академических кругах, что привело к отсутствию негативных рецензий на его труд [28, р. 62–65; 29, р. 230–231; 32, р. 394–395; 34, р. 256; 39, р. 224–227; 40, р. 410–412; 42, р. 626–627; 44, р. 400; 45, р. 357–358; 64, р. 225; 68, р. 96].

Дополнительным обстоятельством отсутствия критики было и то, что книга являлась частью большого политического проекта: монография публиковалась в рамках серии «Отношения Соединенных Штатов и Канады». Издательство серии осуществлялось под руководством Фонда Карнеги за международный мир, а сама серия была инициирована в 1932 г. Джеймсом Томсоном Шотвеллом (1874–1965),

который написал возвышенным слогом вступительную статью к монографии М. Х. Сэвейлла [36, р. 189]. Причастность Дж. Т. Шотвелла – авторитетнейшего историка 1910–1940-х гг., обладавшего контактами с администрацией президента Ф. Д. Рузвельта – подчеркивала принадлежность М. Х. Сэвейлла к элитарной группе профессионалов. В работе над рукописью книги также приняли участие С. Ф. Бемис и Т. А. Бейли [61, р. XIV], что в совокупности вело к признанию авторитета ученого его коллегами, обеспечив ему положение равного среди первых.

Следует обратить внимание на то, что Дж. Т. Шотвелл способствовал выделению трех историков, поскольку они укладывались в рамки его профессионального мировоззрения, как поколение специалистов «Новой истории» (термин, введенный Джеймсом Харви Робинсоном): еще на рубеже XIX – XX вв., Дж. Т. Шотвелл под воздействием европейского интеллектуального развития, в частности, идей немецкого историка Карла Готгарда Лампрехта (1856–1915) настаивал на замещении Ранкианской школы научной истории, более научным подходом, построенным на основе таких постулатов, как беспристрастность, максимальная объективность, отказ от морализаторства, использование первоисточников, привлечение методов других наук, проведение масштабных исследований, поддержание связи между историей и современностью, превращение истории в силу прогресса и реформ [36, р. 37].

Окончательное закрепление статуса М. Х. Сэвейлла произойдет в результате публикации книги «Основы американской цивилизации» (1942). Одной из причин ее появления был следующий аргумент: «<...> мы берем на себя ответственность за новую трактовку американской колониальной истории, заключается в том, что ни один из опубликованных до сих пор текстов не содержит сколько-нибудь значительного трактования дипломатических аспектов ранней американской истории. Мне кажется, что рассматривать дипломатическую историю американских колоний так же важно, как включать дипломатическую историю в любой отчет об эволюции Соединенных Штатов после обретения независимости. Мало того, что колонии были важны для дипломатической истории Европы, но следует также подчеркнуть, что в своих отношениях друг с другом, с метрополией и с колониями других наций, таких как Франция, Голландия и Испания, британские колонии формулируют определенные эмбриональные дипломатические идеи и практики, которые впоследствии развились в дипломатическую политику Соединенных Штатов» [62, р. V]. При этом следует обратить внимание на то, что во вступительной статье автора им выражалась благодарность коллегам за помощь. В числе таковых был научный руководитель – Э. Б. Грин, а также Т. А. Бейли, но не было С. Ф. Бемиса [Ibid., р. VII]. В таком символическом сочетании научных связей прослеживалась специализация «имперской школы колониального периода», которая не только укрепила свои позиции в американской историографии, но и отстаивала свое право на интерпретацию зарождения внешней политики США во второй четверти XX в. Дальнейшее закрепление этой специализации произошло уже после завершения Второй мировой войны, в результате которого последовало повторное издание трудов М. Х. Сэвейлла в ранние 1950-е гг. и

поздние 1960-е гг. [49; 60] – в период конструирования трансатлантического единства и укрепления американской идентичности в период холодной войны.

* * *

Труды 1930–1940-х гг. М. Х. Сэвейлла обозначили разграничительную линию специализации научных школ в США, где «имперская школа колониальной истории» резервировала за собой преобладание в изучении истоков внешней политики североамериканского государства в его колониальный период.

Стратегия внедрения оценки темы была осуществлена через механизм критического рецензирования трудов, что дало возможность показать упущения в американской науке, с одной стороны, и обосновать необходимость пересмотреть хронологические рамки истории внешней политики США. Интерпретация, основанная на результатах колониального опыта, особенно, полученного в годы Семилетней войны (1756–1763), корректировала доминировавшее в первой трети XX в. утверждения («националистической школы», «прогрессистской школы»), определявших истоки исключительно с национального опыта Войны за независимость (учреждения Комитета секретной корреспонденции 29 ноября 1775 г. и отправления С. Дина в Европу 2 марта 1776 г.).

Не только высокий уровень профессионализма трудов историка приводил к тому, что его интерпретация, основанная на архивных материалах американских и европейских архивах, но и стечение двух системообразующих факторов способствовали внедрению его инновационного взгляда. Во-первых, сказывалось то, что оценки М. Х. Сэвейлла развивали тезис о единстве атлантического пространства: концепт ученого поддерживал курс администрации президента Ф. Д. Рузвельта на вовлечение страны в международную политику. Во-вторых, оказывало воздействие на состояние эволюции американской исторической науки, в которой расширилось влияние академического подхода к изучению истории.

В целом, стараниями М. Х. Сэвейлла закрепилось в американской исторической науке понимание важности изучения колониального периода в исследовании генезиса внешней политики Соединенных Штатов.

Список использованных источников и литературы

1. Акимов Ю. Г. Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: дис. ... доктора ист. наук / Юрий Германович Акимов. – СПб., 2003. – 592 с.
Akimov YU. G. Anglo-francuzskie otnosheniya i sopernichestvo v Severnoj Amerike v XVII – nachale XVIII v.: dis. ... doktora ist. nauk / YUrij Germanovich Akimov. – Sankt-Peterburg, 2003. – 592 s.
2. Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. / Юрий Германович Акимов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 565 с.
Akimov YU. G. Ot mezhkolonial'nyh konfliktov k bitve imperij: anglo-francuzskoe sopernichestvo v Severnoj Amerike v XVII – nachale XVIII v. / YUrij Germanovich Akimov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2005. – 565 s.
3. Американская цивилизация как исторический феномен = American civilization as a historical phenomenon: Восприятие США в амер., западноевроп. и рус. обществ. мысли / [Ин-т всеобщей истории РАН]; Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Наука, 2001. – 493 с.

Amerikanskaya civilizatsiya kak istoricheskij fenomen = American civilization as a historical phenomenon: Vospriyatие SSHA v amer., zapadnoevrop. i rus. obshchestv. mysli / [Ros. akad. nauk. In-t vseobshchej istorii]; Otv. red. N. N. Bolhovitinov. – Moskva: Nauka, 2001. – 493 s.

4. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография / Николай Николаевич Болховитинов. – Москва: Наука, 1980. – 405 с.

Bolhovitinov N. N. SSHA: problemy istorii i sovremennaya istoriografiya / Nikolaj Nikolaevich Bolhovitinov. – Moskva: Nauka, 1980. – 405 s.

5. Ефимов А. В. Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражд. войны. [1492–1870 гг.] / Алексей Владимирович Ефимов. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 439 с.

Efimov A. V. Ocherki istorii SSHA: Ot otkrytiya Ameriki do okonchaniya grazhd. vojny. [1492–1870 gg.] / Aleksej Vladimirovich Efimov. – Moskva: Uchpedgiz, 1958. – 439 s.

6. Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма: (Доимпериалист. эпоха) / Алексей Владимирович Ефимов. – Москва: Наука, 1969. – 695 с.

Efimov A. V. SSHA. Puti razvitiya kapitalizma: (Doimperialist. epoha) / Aleksej Vladimirovich Efimov. – Moskva: Nauka, 1969. – 695 s.

7. История США: в 4 т. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – Москва: Наука, 1983-. – Т. 1. 1607–1877 / Оtv. ред. Н. Н. Болховитинов [и др.]. – 1983. – 687 с.

Istoriya SSHA: v 4 t. / AN SSSR, In-t vseobshchej istorii. – Moskva: Nauka, 1983-. – Т. 1. 1607–1877 / Otv. red. N. N. Bolhovitinov [i dr.]. – 1983. – 687 s.

8. Киселёв А. А. Эволюция центральной британской колониальной администрации в XVII–XVIII вв.: дисс. ... кандидата исторических наук / Александр Александрович Киселёв. – Волгоград, 2008. – 303 с.

Kiselyov A. A. Evolyuciya central'noj britanskoj kolonial'noj administracii v XVII–XVIII vv.: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk / Aleksandr Aleksandrovich Kiselyov. – Volgograd, 2008. – 303 s.

9. Краснов Н. А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: ПАИМС, 2000. – 424 с.

Krasnov N. A. SSHA i Franciya: diplomaticheskie otnosheniya, 1775–1801 gg. / Nikolaj Andreevich Krasnov. – Moskva: PAIMS, 2000. – 424 s.

10. Плешков В. Н. Дипломатия американской революции / Владимир Николаевич Плешков, Александр Александрович Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Международные отношения, 1994. – С. 11–47.

Pleshkov V. N. Diplomatiya amerikanskoj revolyucii / Vladimir Nikolaevich Pleshkov, Aleksandr Aleksandrovich Fursenko // Istoriya vneshnej politiki i diplomatii SSHA, 1775–1877 / Otv. red. N. N. Bolhovitinov. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. – S. 11–47.

11. Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений) / Владимир Николаевич Плешков. – Ленинград: Наука, 1984. – 301 с.

Pleshkov V. N. Vneshnyaya politika SSHA v konce XVIII veka (Ocherki anglo-amerikanskih otnoshenij) / Vladimir Nikolaevich Pleshkov. – Leningrad: Nauka, 1984. – 301 s.

12. Согрин В. В. Критические направления немарксистской историографии США XX века / Владимир Викторович Согрин. – Москва: Наука, 1987. – 268 с.

Sogrin V. V. Kriticheskie napravleniya nemarksistskoj istoriografii SSHA XX veka / Vladimir Viktorovich Sogrin. – Moskva: Nauka, 1987. – 268 s.

13. Трояновская М. О. Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775–1823) / Мария Олеговна Трояновская. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2010. – 328 с.

Troyanovskaya M. O. Diskussiya po voprosam vneshnej politiki SSHA (1775–1823) / Mariya Olegovna Troyanovskaya. – Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2010. – 328 s.

14. Фофанова А. Р. Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781–1787 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Фофанова Анна Романовна. – Москва, 2018. – 298 с.

Fofanova A. R. Vneshnyaya politika SSHA v period dejstviya Statej Konfederacii: 1781–1787 gg.: dis. ... kand. ist. nauk / Fofanova Anna Romanovna. – Moskva, 2018. – 298 s.

15. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США / Александр Александрович Фурсенко. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 416 с.

Fursenko A. A. Amerikanskaya revolyuciya i obrazovanie SSHA / Aleksandr Aleksandrovich Fursenko. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978. – 416 s.

16. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1932 / The Stanford University. – Stanford: Published by Stanford University, 1932. – 474 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/xs316sk1023> (date of access: 23.08.2021).

17. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1933 / The Stanford University. – Stanford: Published by Stanford University, 1933. – 533 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/rs219sn7254> (date of access: 28.05.2021).

18. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1934 / The Stanford University. – Stanford: Published by Stanford University, 1934. – 523 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/tz032xs0526> (date of access: 29.05.2021).

19. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1935. – Stanford: Published by Stanford University, 1935. – 533 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/pd496wr9396> (date of access: 28.05.2021).

20. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1939. – Stanford: Published by Stanford University, 1939. – 513 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/rf049ng0020> (date of access: 23.05.2021).

21. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1944. – Stanford: Published by Stanford University, 1944. – 513 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/nn258th0502> (date of access: 28.07.2021).

22. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. – Stanford: Published by Stanford University, 1945. – 504 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/mf545bt2032> (date of access: 27.05.2021).

23. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. – Stanford: Published by Stanford University, 1946. – 544 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/dz233yh9603> (date of access: 25.07.2021).

24. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1941 // Stanford University Bulletin. – 1940. – Iss. 7, №5 – 579 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/dc789ck5301> (date of access: 22.08.2021).

25. Annual report of the president of Stanford University for the academic year ending. 1940 // Stanford University Bulletin. – 1941. – [?]. – 569 p. – URL: <https://exhibits.stanford.edu/stanford-pubs/catalog/jg687sw2719> (date of access: 28.05.2021).

26. Bailey T. A. A diplomatic history of the American people / Thomas A. Bailey. – New York: F. S. Crofts & Company, 1940. – 806 p.

27. Bemis S. F. Diplomacy of the American revolution / Samuel Flagg Bemis. – Magnolia: Peter Smith, 1957. – 293 p.

28. Burpee L. J. [Review] / Lawrence J. Burpee // Minnesota History. – 1941. – Vol. 22, №1. – P. 62–65. – Rev. op.: Savelle M. The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963 / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.

29. Corey A. B. [Review] / Albert B. Corey // New York History. – 1941. – Vol. 22, №2. – P. 230–231. – Rev. op.: Savelle M. The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963 / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.

30. Gilbert F. The beginnings of American foreign policy: to the farewell address / Felix Gilbert. – New York: Harper & Row, 1965. – 172 p.

31. Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.

32. Gipson L. H. [Review] / Lawrence Henry Gipson // The American Historical Review. – 1942. – Vol. 47, №2. – P. 394–395. – Rev. op.: Savelle M. The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963 / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.

33. Graves W. H. Thomas Perkins Abenethy / William H. Graves // Historians of the American frontier: a bio-bibliographical sourcebook / edited by John R. Wunder. – Westport: Greenwood Press, 1989. – P. 1–13.

34. Harper L. A. [Review] / Lawrence A. Harper // *Pacific Historical Review*. – 1941. – Vol. 10, №2. – P. 256. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
35. Herring G. C. *From colony to superpower: U.S. foreign relations since 1776* / George Cyril Herring. – New York: Oxford University Press, 2008. – 1035 p.
36. Josephson H. James T. Shotwell and the rise of internationalism in America / Harold Josephson. – Rutherford: Fairleigh Dickinson U.P., 1975. – 330 p.
37. Joyce D. D. *Edward Channing and the Great Work* / Davis Darrell Joyce. – Dordrecht: Springer Netherlands 1974. – 242 p.
38. Kaplan L. S. *Colonies into nation: American diplomacy, 1763–1801* / Lawrence S. Kaplan. – New York: Macmillan, 1972. – 331 p.
39. Le Duc T. H. [Review] / Thomas H. Le Duc // *The Journal of Economic History*. – 1941. – Vol. 1, №2. – P. 224–227. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
40. Leopold R. W. [Review] / R. W. Leopold // *The New England Quarterly*. – 1941. – Vol. 14, №2. – P. 410–412. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
41. Mapp P. W. *The Elusive West and the Contest for Empire, 1713–1763* / Paul W. Mapp. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – 455 p.
42. Overman W. D. [Review] / William D. Overman // *The Mississippi Valley Historical Review*. – 1941. – Vol. 27, №4. – P. 626–627. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
43. *Proceedings of the Twenty-Ninth Annual Meeting of the Pacific Coast Branch of the American Historical Association* // *Pacific Historical Review*. – 1934. – Vol. 3, №2. – P. 109–112.
44. R. P. [Review] / R. P. // *The English Historical Review*. – 1942. – Vol. 57, No. 227. – P. 400. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
45. Rothney G. O. [Review] / Gordon O. Rothney // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. – 1942. – Vol. 66, №3. – P. 357–358. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
46. Sadosky L. J. *Revolutionary Negotiations: Indians, Empires, and Diplomats in the Founding of America* / Leonard J. Sadosky. – Charlottesville: University Press of Virginia, 2009. – 275 p.
47. Savelle M. *Colonial Origins of American Diplomatic Principles* / Max Savelle // *Pacific Historical Review*. – 1934. – Vol. 3, №3. – P. 334–350.
48. Savelle M. *Diplomatic Preliminaries of the Seven Years' War in America* / Max Savelle // *Canadian Historical Review*. – 1939. – Vol. 20, №1. – P. 17–36.
49. Savelle M. *Foundations of American civilization: a history of colonial America* / Max Savelle. – New York: Holt, 1951. – 773 p.
50. Savelle M. *George Morgan, colony builder: thesis ...* Ph.D. *United States History* / Max Savelle. – New York: Columbia University Press, 1932. – 266 p.
51. Savelle M. *Review of Anglo-French Boundary Disputes in the West, 1749–1763* ed. by Theodore Calvin Pease / Max Savelle // *The Canadian Historical Review*. – 1937. – Vol. 18, №4. – P. 436–437.
52. Savelle M. *Reviewed Work(s): A Diplomatic History of the United States.* by Samuel Flagg Bemis / Max Savelle // *Political Science Quarterly*. – 1938. – Vol. 53, №1. – P. 146–148.
53. Savelle M. *Reviewed Work(s): Anglo-Spanish Rivalry in North America* by J. Leitch Wright / Max Savelle // *The William and Mary Quarterly*. – 1972. – Vol. 29, №2. – P. 328–330.
54. Savelle M. *Reviewed Work(s): Competition for Empire* by Walter Dorn / Max Savelle // *The Hispanic American Historical Review*. – 1940. – Vol. 20, №4. – P. 591–593.
55. Savelle M. *Reviewed Work(s): The Diplomatic History of Georgia* by John Tate Lanning / Max Savelle // *Political Science Quarterly*. – 1939. – Vol. 54, №1. – P. 131–132.
56. Savelle M. *Reviewed Work(s): Thomas Mason, Adventurer* by Henry Plesants / Max Savelle // *The Mississippi Valley Historical Review*. – 1935. – Vol. 21, №4. – P. 591.

57. Savelle M. Reviewed Work(s): *War and Trade in the West Indies, 1739–1763* by Richard Pares / Max Savelle // *The Hispanic American Historical Review*. – 1938. – Vol. 18, №4. – P. 535–538.
58. Savelle M. Reviewed Work(s): *Western Lands and The American Revolution* by Thomas Perkins Abernethy / Max Savelle // *Political Science Quarterly*. – 1938. – Vol. 53, №3. – P. 469–470.
59. Savelle M. *The American balance of power and European diplomacy, 1713–78* / Max Savelle // *The Era of the American Revolution; studies inscribed to Everts Boutell Greene* / Ed. by Richard Brandon Morris. – New York, Columbia University Press, 1939. – P. 140–169.
60. Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary, 1749–1763* / Max Savelle. – New York: Russell & Russel, 1968. – 172 p.
61. Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary, 1749–1763* / Max Savelle. – New Haven: Yale University Press, 1940. – 172 p.
62. Savelle M. *The Foundations of American Civilization. A history of colonial America* / Max Savelle. – New York: H. Holt and company, 1942. – 773 p.
63. Savelle M. *The international approach to Early Angloamerican history 1492–1763* / Max Savelle // *The reinterpretation of early American history; essays in honor of John Edwin Pomfret* / Ed. by Ray Allen Billington. – San Marino: Huntington Library, 1966. – P. 201–231.
64. Spector M. [Review] / Marion Spector // *The Pacific Northwest Quarterly*. – 1941. – Vol. 32, №2. – P. 225. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.
65. *The Cambridge History of American Foreign Relations: in 4 vols.* – Vol. 1: *The Creation of a Republican Empire, 1776–1865* / Bradford Perkins. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 254 p.
66. Van Alstyne R.W. *The Rising American Empire* / Richard Warner Van Alstyne. – Oxford: Basil Blackwell, 1960. – 215 p.
67. Van Alstyne R. W. *The Significance of the Mississippi Valley in American Diplomatic History, 1686–1890* / Richard W. Van Alstyne // *The Mississippi Valley Historical Review* – 1949. – Vol. 36, №2. – P. 215–238.
68. Wittke C. [Review] / Carl Wittke // *The Journal of Modern History*. – 1941. – Vol. 13, №1. – P. 96. – Rev. op.: Savelle M. *The diplomatic history of the Canadian boundary: 1749–1963* / Max Savelle. – New Haven: Yale Univ. Press, 1940. – 172 p.

Dorofeev D. V. Max Hicks Savelle. Imperial school of colonial history: historiography of the genesis of us foreign policy (Part i: 1930–1940)

The study is devoted to the definition of M. H. Savell's views on the origins of the foreign policy of the North American state, which he developed in the 1930s and 1940s. Relevance is due to the state of knowledge of the topic, which is characterized by a low degree of elaboration in historiography. To reveal the topic, a range of sources was formed, including the works of the scientist, reviews of his works, materials of the American Historical Association, documents of Stanford University. The conceptual framework of the research methodology was formed by the paradigm through a combination of the principles of historicism, objectivity and consistency, a combination of historical-biographical, historical-chronological and comparative methods. According to the results of the study, the following conclusions were made. M. H. Saveyll contributed to the expansion of ideas in American historical science about the need to study the origins of US foreign policy in the colonial epoch: the chronological framework was pushed back in the period preceding the outbreak of the War of Independence. The scientist's interpretation supported the concept of unity of transatlantic history. Which made it possible for the F. D. Roosevelt administration to prepare society for the involvement of the United States in World War II.

Keywords: genesis of US foreign policy, Imperial school of colonial history, historiography, M. H. Saveyll, E. B. Green.

УДК 93/94

«МЕЧТА О РАЗДЕЛЕ ПОМЕЩИЧЬЕЙ ЗЕМЛИ» ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1861 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

Зарубина К. А.

*Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация
E-mail: kris1996z@mail.ru*

Рассматриваются некоторые итоги отмены крепостного права в России, анализируются цели, содержание крестьянской реформы, её предпосылки. На основе архивных материалов подробно исследованы общественные настроения крестьян, как подавляющего большинства населения страны, после отмены крепостного права (на примере Курской губернии). Показано, что большая часть сельского населения после крестьянской реформы 1861 г. чувствовали себя «обворованными» и ожидали нового «правильного» «передела» помещичьей земли. Своё недовольство реализуемым внутрисполитическим курсом крестьянство, как правило, демонстрировало в пассивной форме, однако нередким было и активное сопротивление помещикам, местным властям.

Ключевые слова: крестьянство, крестьянская реформа, крепостное право, земельные наделы, помещики, общественные настроения.

Введение. 19 февраля 1861 г. в Санкт-Петербурге император Александр II подписал известный Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» [13, с. 128], а также «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» [1, с. 141]. Это стало важнейшим событием многовековой истории российского государства, знавшего крепостное право несколько столетий. Ещё в Судебнике 1497 г. было учреждено «правило» Юрьева дня (наложено ограничение на переход крестьян от одного помещика к другому). Далее в 1550 г. (по Судебнику 1550 г.) была увеличена плата за пожилое. В XVII в. принято Соборное Уложение 1649 г., введившее бессрочный сыск беглых крестьян, ранее учреждены, так называемые, запovedные и урочные лета.

XIX век в истории российского государства был ознаменован крестьянской реформой. Обнародован манифест об отмене крепостного права был 5 марта 1861 г. В знак особой благословенности утверждённого нормативного правового акта, его текст был зачитан в многочисленных храмах Российской империи после обедни в Прощённое воскресенье (в отдалённых местностях – в течение месяца). В Михайловском манеже данный документ император Александр II прочитал лично перед народом.

---

¹ НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

Целью крестьянской реформы, по утверждению членов комиссии по подготовке и претворению в жизнь данного преобразования, стало предупреждение или ограничение неизбежных столкновений, «которые бы могли нарушить общественный порядок и спокойствие государства», остаться всё по-прежнему [10, с. 966]. Не смотря на то, что крепостническая система в отдельных аграрных регионах страны еще в полной мере не потеряла возможности к саморегуляции и не достигла той черты, за которой начинался ее распад, крепостническая система уже давно была не в состоянии адекватно ответить на вызовы времени [15, с. 326–325].

Согласно Манифесту «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», крестьянам были присвоены гражданские права. С этого момента крестьяне могли свободно вступать в брак, самостоятельно заключать договоры, вести судебные дела, приобретать недвижимое имущество на своё имя. Подчеркнём, что крестьянам даровалась юридическая свобода, однако земля оставалась помещичьей собственностью, крестьянство переводилось в состояние «временнообязанных» до того момента, пока крестьяне полностью не выкупили землю. Крестьянская реформа имела огромное историческое значение. Она открывала возможность для дальнейшего развития рыночных отношений в России, давала старт ряду иных важнейших преобразований, направленных на создание в российском государстве гражданского общества.

Так, крепостное право, сковывавшее развитие российского государства на протяжении столетий, было отменено. Вместе с этим замечательным памятником русской истории, по утверждению современников, «Россия вступила в новый период своего существования» [12, с.266]. Крестьяне получили долгожданную свободу. Однако земли крестьянство получило явно не столько, сколько оно того желало. Не смотря на то, что крестьянская реформа первоначально была встречена ликованием, в дальнейшем отношение население к ней изменилось. «Низы» не понимали «благих намерений» правительства и сущности данного преобразования, считая, что крестьян попросту обворовали. Особо негативные настроения среди населения распространялись в исконно аграрных чернозёмных регионах России, поскольку именно в этой зоне крестьяне получили меньше всего земли. К таким регионам, как раз и относилась Курская губернии, типичная российская провинция, расположенная в Европейской части России.

Цель исследования – проанализировать влияние крестьянской реформы 1861 г. на общественные настроения крестьянства, как подавляющего большинства населения Российской империи (на примере Курской губернии).

Основная часть. По оценкам историков-краеведов, в Курской губернии после отмены крепостного права крестьяне получили меньше земли, чем обрабатывали до проведения реформы. Согласно данным отдельных исследований, курские помещики «отрезали» у крестьян после отмены крепостного права около 22 % земли [14, с. 24]. При этом оставленные наделы, как правило, имели низкую плодородность и небольшой размер [11, с. 77]. Выкупные платежи существенно

превышали стоимость земли. Часть крестьян перевели в разряд дворовых, затягивая их освобождение от зависимости.

Недовольство сельских обывателей реализуемыми правительством преобразованиями выражалось в разных формах. В первую очередь, стоит отметить, что после отмены крепостного права крестьяне читали и распространяли пропагандистскую литературу, в которой поднимались злободневные для сельского населения вопросы, а именно, не решённый аграрный вопрос. Так, например, по сообщению уездной земской управы в исследуемый период на имя крестьянина г. Белгород Курской губернии Ивана Бавыкина пришло письмо с воззванием «О прирезке земли мужикам», в котором подробнейшим образом описывались причины «недополучения» крестьянами земли. В результате было возбуждено дознание. Свидетели и сам подозреваемый сообщали о том, что о письме ничего не знали, в итоге И. Бавыкин был отдан под особый надзор полиции [4, л. 7]. Вот выдержка из другого воззвания: «...Братья крестьяне! Знайте, что имеете право владеть всей землёй, которую вы обрабатываете. Но начальство и помещики хитрят и обманом, и насилием отняли её у вас. Вас обманули, отпустили на волю. Вместо всей земли задаром, вам дали только малую часть и то за большой выкуп, да ещё обложили вас разными податями. А лучшую вашу землю забрали себе помещики и казна. Вас так обобрали, что 20 губерний крестьян сейчас голодают, а другие страдают малоземельем, разве это справедливо, что старые трудятся, терпя нужду, а которые ничего не делают, живут во всяком богатстве? Мало того, всякие пань, князья, земские начальники живут вашим потом и кровью, обирают вас...» [7, л. 110].

С годами агитационно-пропагандистская деятельность только усиливалась. Вот такое письмо в 1901 г. пришло от неизвестного на имя крестьянина из Дмитриевского уезда Курской губернии, текст не был зачитан перед односельчанами из-за малограмотности адресата, однако с ним ознакомились сельский писарь, учитель и священник. «...Старые люди верили, что по единому мнению, царскому слову правда мужитская заблестит, как солнце. Но давно уже крестьяне не верят царскому слову. Умер царь Александр II, не сказавши этого слова... Тринадцать лет царствовал царь Александр III. Ждали крестьяне, что он скажет это слово, но он умер не сказавши. Седьмой год пошёл, как вступил на престол царь Николай, но слова нет... Царь не ваш, царь дворянский и купеческий и не от царя нам дожидаться передела помещичьей земли. Царь тогда лишь вас послушается и отдаст вам помещичьи поля, луга и лесные уголья, когда вы это громко потребуете. До вас, верно, дошёл уже слух, как в столицах и больших городах ваши же братья – фабричные рабочие требуют от царя и от царского правительства облегчения в работе. Требуйте же и вы вместе с ними облегчения себе, требуйте, чтобы землёй владел тот, кто её пашет, а не тот, кто лишь умеет сосать рабочую кровь и блаженствовать на украденные у народа деньги...» [5, л. 17–18].

В 1902 г. из поступающих в департамент полиции сведений усматривалось, что распространение среди сельского населения империи революционных изданий

осуществлялось, в большинстве случаев, следующим образом. В том или ином районе появлялись неизвестные молодые люди, которые разбрасывали из вагонов и экипажей имеющуюся у них литературу революционного содержания или раздавали таковые встречным крестьянам, рекомендуя читать их и передавать для чтения другим. Из обращения Департамента полиции: «...Упомянутые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, причём даже наблюдались случаи публичного чтения таких изданий целой толпе крестьян. По ознакомлении крестьян с содержанием означенной литературы, среди них возникают толки о предстоящем разделе помещичьей земли...» [3, л. 176–177].

С целью недопущения распространения подобной «литературы» посредством почтово-телеграфной связи, сотрудники этих контор нередко проверяли корреспонденцию, вынимая из почтовых ящиков возвания, прокламации и т.п. Пакеты при этом вскрывали [7, л. 7, 11]. В распространении такой литературы чаще всего участвовали эсеры и социал-демократы [9, с. 34–39].

Отдельно стоит отметить, что выражение недовольства сельских обывателей «неправильным» разделом земли после проведения крестьянской реформы чаще выражалось в устной форме. В ходе бесед с односельчанами крестьяне нередко осуждали правительство и все его преобразования. Например, в 1892 г. в с. Мелихино Щигровского уезда Курской губернии крестьянка П. К. Щеховцова в местном трактирном заведении после ссоры из-за увеличения платы за аренду земли произнесла «дерзкие оскорбительные слова против Особы Государя Императора и Государыни Императрицы». За это крестьянку в соответствии с нормами действующего законодательства приговорили к аресту при местном волостном правлении сроком на 10 дней [2, л. 1–3]. В начале XX в. крестьянин д. Генераловки Белгородского уезда Курской губернии Е. Б. Титенко распространял слухи, имеющие политически «зловредную» цель, о предстоящем разделе земли. За это Е. Б. Титенко отдан под особый надзор полиции по месту постоянного жительства [4, л. 3].

В 1904 г. 22 августа псаломщик церкви села Шипова Обоянского уезда Курской губернии Павел Владимирович Каракулин, будучи в сильном опьянении, проходил по селу и роптал, что в церкви в тот день не было службы, поэтому он не получил дохода. Подстрекаемый другим крестьянином он укорил его в ответ: «Царь боится от нас награды, земли нам не даёт, и его не надо бояться и ему служить...» [8, л. 105]. А псаломщик с. Песчаное того же Обоянского уезда Курской губернии А. Спесивцев в 1902 г. подстрекал односельчан к неповиновению помещикам, бунту во время обедни, сказав, что «не мужиков нужно разорять, а панов, они поразграбили всю землю...» [6, л. 280].

Также встречались случаи не «пассивного», а «активного» сопротивления власти со стороны курских крестьян, обусловленные несогласием сельского населения с разделом земли. Так, по замечаниям исследователя В. Н. Фурсова, льговские крестьяне в 1864 г., убежденные в «ложном толковании Положений 19 февраля 1861 г.» местной властью отказались выплачивать выкупные взносы,

«принять признанные ими по разверстанию угодий земли». Подобные случаи неповиновения властям в связи с несогласием крестьян с положениями реформы встречались и в других местностях [16, с. 122–131]. Ярким примером массовых крестьянских волнений было локальное выступление крестьян Дмитриевского уезда Курской губернии весной 1861 г., когда в «отместку» за реформу крестьяне отказались нести повинности своему помещику графу Шереметьеву. Другой пример – выступления крестьян сёл Крупец (Путивльский уезд), Плаксино (Курский уезд), слободы Космодемьянской (Корочанский уезд), в ходе которых селяне отказались подписывать Уставные грамоты [17].

Заключение. Таким образом, крестьяне Курской губернии большей частью негативно встретили отмену крепостного права, однако винили в этом, как правило, не верховную, а местную власть. Сельские обыватели ввиду малограмотности и низкого уровня правовой культуры считали, что их обмануло не правительство, а помещики, и «настоящий» манифест «о крестьянской свободе» всё ещё не опубликован. Чаще всего недовольство реализуемым внутреннеполитическим курсом крестьян проявлялось в ходе устных бесед, чтении революционных листовок, воззваний, прокламаций, иной литературы, активно распространяемой представителями левыми общественно-политическими движениями (чаще всего эсерами и социал-демократами). Однако встречались эпизоды и открытого неповиновения местной власти, которая, по мнению безграмотного крестьянства, «прятала» от народа настоящий Манифест об отмене крепостного права.

Список использованных источников и литературы

1. Высочайше утвержденное Общее Положенье «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Ч. 1. С. 141. № 36657.
2. *Vysochajshe utverzhdennoe Obshee Polozhenie «O krest'janah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti»* от 19 fevralja 1861 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe*. Т. 36. Ч. 1. С. 141. № 36657.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1 Оп. 1 Д. 3830 Л. 1–3.
Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (dalee – ГАКО). F. 1 Op. 1 D. 3830 L. 1–3.
4. ГАКО. Ф. 1642 Оп. 1 Д. 135 Л. 176–177.
ГАКО. F. 1642 Op. 1 D. 135 L. 176–177.
5. ГАКО. Ф. 1642 Оп. 1 Д. 139 Л. 7.
ГАКО. F. 1642 Op. 1 D. 139 L. 7.
6. ГАКО. Ф. 1642 Оп. 1 Д. 143 Л. 17–18.
ГАКО. F. 1642 Op. 1 D. 143 L. 17–18.
7. ГАКО. Ф. 1642 Оп. 1 Д. 149 Л. 280.
ГАКО. F. 1642 Op. 1 D. 149 L. 280.
8. ГАКО. Ф. 1642 Оп. 1 Д. 160 Л. 110.
ГАКО. F. 1642 Op. 1 D. 160 L. 110.
9. ГАКО. Ф. 795 Оп. 1 Д. 50 Л. 105.
ГАКО. F. 795 Op. 1 D. 50 L. 105.
9. Зарубина К. А. Пропагандистская и агитационная деятельность эсеров в Курской губернии в конце XIX – начале XX век, как проявление политической преступности // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 34–39.

Zarubina K. A. Propagandistskaja i agitacionnaja dejatel'nost' jeserov v Kurskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vek, kak projavlenie politicheskoi prestupnosti // Omskij nauchnyj vestnik. Serija. Obshestvo. Istorija. Sovremennost'. 2022. T. 7, № 3. S. 34–39.

10. Крестьянское дело в царствование императора Александра II (материалы для истории освобождения крестьян). По официальным источникам составил Александр Скребинский Том первый. Боннь на Рейне. 1862. – 968 с.

Krest'janskoe delo v carstvovanii imperatora Aleksandra II (materialy dlja istorii osvobozhdenija krest'jan). Po oficial'nym istochnikam sostavil Aleksandr Skrebickij Tom pervyj. Bonn# na Rejne. 1862. – 968 s.

11. Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972. – 424 с.

Litvak B. G. Russkaja derevnja v reforme 1861 goda. Chernozemnyj centr 1861–1895 gg. M., 1972. – 424 s.

12. Литвинов М. А. История крепостного права в России. Изд. М. В. Ключкина, 1897. – 367 с.

Litvinov M. A. Istorija krepstnogo prava v Rossii. Izd. M. V. Kljukina, 1897. – 367 s.

13. Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Ч. 1. С. 128. № 36650.

Manifest «O vsemilostivejšem darovanii krepstnym ljudjam prav sostojanija svobodnyh sel'skih obyuatelej» ot 19 fevralja 1861 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroje. T. 36. Ch. 1. S. 128. № 36650.

14. «Реформы в истории России» (к 160-летию отмены крепостного права в России): материалы Всероссийской заочной научной конференции. Курск, 12 марта 2021 г. / под редакцией В. Л. Богданова. – Курск: ООО «Центр рекламы «Лосман», 2021. – 171 с.

«Reformy v istorii Rossii» (k 160-letiju otmeny krepstnogo prava v Rossii): materialy Vserossijskoj zaочноj nauchnoj konferencii. Kursk, 12 marta 2021 g. / pod redakciej V. L. Bogdanova. – Kursk: ООО «Centr reklamu «Lосman», 2021. – 171 s.

15. Рянский Л. М., Рянский Р. Л. Актуальные проблемы источниковедения и истории русской крепостной деревни кануна освобождения (по материалам Черноземного центра) // Вестник ТГУ. 2008. №7. С. 326–335.

Rjanskij L. M., Rjanskij R. L. Aktual'nye problemy istochnikovedenija i istorii russkoj krepstnoj derevni kanuna osvobozhdenija (po materialam Chernozemnogo centra) // Vestnik TGU. 2008. №7. S. 326–335.

16. Фурсов В. Н. Протест крестьян центрально-черноземных губерний в ответ на реформу 1861 года // История: факты и символы. 2017. №3 (12). С. 122–131.

Fursov V. N. Protest krest'jan central'no-chernozemnyh gubernij v otvet na reformu 1861 goda // Istorija: fakty i simvoly. 2017. №3 (12). S. 122–131/

17. Чурилова Г. А. Курская губерния в эпоху буржуазных реформ 60–70 гг. XIX в. и в пореформенное время [Электронный ресурс] URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk012.html> (дата обращения 30.05.2023).

Churilova G. A. Kurskaja gubernija v jepohu burzhuaznyh reform 60–70 gg. XIX v. i v poreformennoje vremja [Elektronnyj resurs] URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk012.html> (data obrashhenija 30.05.2023).

Zarubina K. A. «The dream of dividing the landowner's land» or the public mood of the peasants after the reform of 1861 (based on the materials of the Kursk province)

The article discusses some of the results of the abolition of serfdom in Russia, analyzes the goals, content of the peasant reform, its prerequisites. On the basis of archival materials, the public sentiments of the peasants, as the overwhelming majority of the population of the country, after the abolition of serfdom (on the example of the Kursk province) are studied in detail. It is shown that most of the rural population after the peasant reform of 1861 felt «robbed» and expected a new «correct» «redistribution» of the landowner's land.

The peasantry, as a rule, demonstrated their dissatisfaction with the internal political course being implemented in a passive form, but active resistance to landlords and local authorities was not uncommon.

Keywords: peasantry, peasant reform, serfdom, land plots, landlords, public sentiment.

УДК:398.2

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УБИЙСТВА БОРИСА И ГЛЕБА

Козлов М. Н.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: kmn_75@mail.ru*

Бойцова Е. Е.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: elenaboicova@list.ru*

На основе анализа древнерусских летописей, данных агнографии, текста исландской «Пряди об Эймонде», а также данных археологических исследований представлена реконструкция основных этапов биографии сыновей князя Владимира: Святополка, Бориса и Глеба, а также обозначены причины убийства князей-страстотерпцев. В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учетом хронологии событий, необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа. Авторы приходят к выводам о том, что одной из причин убийства князя Бориса стало его объявление наследником князя Владимира вопреки тогдашним традициям наследования. Другой причиной его гибели стал конфликт с жителями Киева, существенно облегчивший князю Святополку задачу по устранению своего сводного брата. Деятельность, связанная с христианизацией муромских земель стала причиной убийства младшего брата Бориса – князя Глеба.

Ключевые слова: Князь Борис Владимирович, князь Глеб Владимирович, князь Святополк Окаянный, христианизация, погребальная обрядность.

Святые страстотерпцы Борис и Глеб – один из главных православных символов России. В народных преданиях и легендах они стали олицетворением вооруженного добра и воинской доблести [53]. Одна из таких легенд, в которой сообщается о появлении образа святых Бориса и Глеба, плывущего по небу в небесной ладье перед Невской битвой со шведами даже вошла в состав «Жития святого Александра Невского» [33, с. 360].

Характерно также, что святые братья в Древней Руси стали также символами победы христианства над язычеством. Так, после волны антихристианских выступлений в восточнославянских землях 60–80 гг. XII в. князья-Ярославичи построили Борисоглебовские соборы на местах разрушенных святилищ языческих богов. Интересной особенностью этих церквей было наличие в них крещален-баптистерий с отдельным входом и специальными местами для крещения взрослых людей [27, с. 300].

Вместе с тем, образ святых братьев Бориса и Глеба, сложившийся в Древней Руси в народном сознании не соответствовал тому образу, который был создан древнерусскими книжниками в официальной агиографии. В различных вариантах «Жития Бориса и Глеба» они предстают как кроткие символы несопротивления злу, сознательно пожертвовавшие свои жизни ради мира в Древней Руси. Несоответствие образа святых мучеников, сложившегося в народной среде с образом, созданным христианскими книжниками указывает на наличие в их биографиях некоторых героических эпизодов, информация о которых не сохранилась в дошедших до нашего времени письменных источниках.

Детальное исследование основных этапов биографии князей Бориса и Глеба, а также обстоятельств их гибели позволит уточнить многие детали исторических событий того времени.

В дореволюционную эпоху большинство отечественных исследователей не углублялись в причины убийства князей Бориса и Глеба, довольствуясь официальной версией гибели святых братьев [19, с. 158–159], [17, с. 96–97], [11, с. 7–8].

В 1858 г. О. П. Сенковский опубликовал перевод текста скандинавской саги «Прядь об Эймунде» со вступительной статьей и комментариями, в которых выдвинул гипотезу о том, что к убийству святых братьев - Владимировичей мог быть причастен не только Святополк, но и Ярослав [57, с.420–574].

В советский период изучение древнерусской истории проводилось на фоне углубленного исследования социально-экономических процессов, происходивших в то время древнерусских землях. При этом, в целом, концепция об интригах князей Святополка и Ярослава как основной причине гибели Бориса и Глеба осталась доминирующей [1, с. 129–130], [6, с. 27–28], [18, с. 78–79], [25, с. 1077–1079], [55, с. 212–213], [20, с. 238–240].

Белорусский исследователь Г. М. Филист в 1990 году акцентировал внимание исследователей на необходимость учитывать при реконструкции исторических событий 1015–1019 гг. религиозные процессы, происходившие в тогдашнем обществе, при этом всю свою монографию он посвятил доказательству тому, что князь Святополк был язычником [54].

В постсоветский период основная концепция, доминирующая в советской исторической науке изменилась незначительно. Так, подавляющее большинство современных исследователей придерживаются концепции о том, что организаторами убийства могли быть как Святополк, так и Ярослав и доподлинно установить заказчика убийств в настоящее время невозможно [52], [12, с. 65–66]; [26, с. 219–232], [29, с. 177, 183].

Н. Ю. Котляр предположил, что в интригах, в результате которых погибли Борис и Глеб мог принять активное участие также князь Мстислав Владимирович [22, с. 35-39].

По мнению Е. Ю. Томсетт (Советкиной) убийство князя Глеба может иметь иные причины, чем убийство князя Бориса и, эти два преступления, по ее мнению, вообще могут быть не связаны между собой [51, с. 36-43].

Таким образом, несмотря на огромный интерес к теме убийства князей Бориса и Глеба в отечественной исторической науке, в настоящее время не существует единой консолидированной точки зрения относительно причин убийства святых братьев. Историческая реконструкция событий, связанных с гибелью братьев – Владимировичей – основная цель данной статьи.

Начало XI века один из самых драматических периодов в истории Древней Руси. Данные археологии свидетельствуют о продолжении в этот период в восточнославянских землях процессов христианизации, которые нашли свое отражение в смене погребальной обрядности, разрушении языческих городищ-святилищ и их поселений-спутников, а также массовой миграции населения из Среднего Поднепровья в северо-восточные и западные районы Руси. «Повесть временных лет» с 1000 до 1015 гг. практически не сообщает никакой исторической информации за исключением односложных сообщений о смерти того или иного представителя высшей восточнославянской элиты.

Огромное значение приобретают, таким образом, жития святых XI – XII вв. – цикл письменных памятников о Борисе и Глебе («Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», летописная «Повесть о Борисе и Глебе»), «Житие Авраамия Ростовского», «Житие Леонтия Ростовского», «Житие Константина и Муромского». Несмотря на тот факт, что все эти источники подвержены некоторой агиографической стилизации, они все же содержат бесценную информацию об исторических событиях начала XI в. [13, с. 528].

Некоторые уникальные исторические рассказы содержатся в поздних древнерусских летописях XVI – XVII вв. В частности, в Тверской летописи, а также «Степенной книге царского родословия» сообщаются детали исторических событий начала XI в., которых нет в других источниках.

Интересная информация, проливающая свет на историю христианизации Ярославского Поволжья в конце X – начале XI вв., содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. По мнению И. О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [50, с. 35–40].

Важную роль в реконструкции событий, связанных с убийством Бориса и Глеба сыграли также зарубежные источники: «Хроника» Титмара Мерзенбургского и исландская «Прядь об Эймунде», в которых можно найти описание событий, произошедших в 1015 гг. в древнерусских землях [48; 57].

Значимую роль в реконструкции событий 1015 года играют также материалы археологических исследований древнерусских могильников конца X – начала XI вв.

Прежде чем установить причины и обстоятельства убийства князей Бориса и Глеба необходимо в общих чертах очертить основные вехи их биографий, а также биографию их старшего брата Святополка – главного подозреваемого в организации их убийства в официальной отечественной исторической науке.

А. Ф. Литвина и Успенский Ф. Б. обратили внимание исследователей на тот факт, что имена всех сыновей Владимира, за исключением Святополка, Бориса и

Глеба заканчиваются на слог «слав». При этом имя Святополка состоит из основ имен Ярополка и Святослава, что можно трактовать как «сын Ярополка», «внук Святослава» [24, с. 49–51]. Такая гипотеза достаточно правдоподобна. У славянских народов даже в раннехристианскую эпоху существовала традиция перед крещением давать детям родовые имена умерших предков, души которых должны были стать небесными покровителями младенцев. Не случайно, даже древнерусские князья в повседневной жизни носили вплоть до начала XIII в. языческие имена.

Таким образом, находит косвенное подтверждение сообщение «Повести временных лет» о том, что Владимир женился на беременной жене своего брата Ярополка.

По мнению Г. М. Филиста Святополк не имел никаких прав на киевский престол, так, как был племянником Владимира, а не его сыном [54, с. 23]. С данным предположением нельзя согласиться. Так, племянники действительно не могли наследовать княжение при наличии живых сыновей, но во всех древнерусских летописях говорится о том, что Владимир вступил в брак с гречанкой ранее, чем родился Святополк. Таким образом, он был официально усыновлен Владимиром и имел те же права, что и остальные сыновья.

В отечественной науке нет единой точки зрения относительно происхождения Бориса и Глеба. Так, С. М. Соловьев и польский исследователь А. В. Поппэ опираясь на опубликованную Татищевым В. Иоакимовскую летопись, пришли к выводу, что матерью Бориса и Глеба была греческая принцесса Анна. Опираясь на это предположение, они сделали вывод о том, что суть конфликта между князем Борисом и старшими братьями заключалась в том, что Владимир ставил христианский брак выше языческого. Таким образом, по их мнению, возник «Заговор обойденных сыновей Владимира», поднявших мятеж в начале против своего отца [45, с. 194–195; 31, с. 308–315].

Д. А. Боровков при этом утверждает, что матерью Бориса и Глеба названа византийская принцесса Анна также и в Тверской летописи [3, с. 19–20]. Однако в данном источнике ничего подобного нет. Так, в единственной фразе, содержащей упоминание о происхождении князей Бориса и Глеба в Тверской летописи можно найти информацию о том, что у них была одна мать, но не указано, что это была принцесса Анна: «умръша же старъйшему Вышеславу въ Новгородъ, посади (Владимир – Авт.) Ярослава въ Новгородъ, а Бориса въ Ростовъ, а Гльба в Муромъ, бѣста бо единою матерья, и живяста въкупъ [35, с. 113].

Таким образом, о родстве князей Бориса и Глеба с византийской принцессой Анной нам сообщает лишь крайне ненадежная Иоакимовская летопись. В большинстве древнерусских летописей и памятниках агиографии сообщается о том, что матерью Бориса и Глеба была некая болгарыня [56; 37, с. 138].

Опираясь на данный факт, отечественные исследователи в большинстве своем принимают гипотезу о том, что святые братья родились от брака Владимира с болгарыней [3, с. 19].

По нашему мнению, при анализе происхождения Бориса и Глеба следует принять во внимание тот факт, что в отличие от своих братьев, Борис и Глеб

упоминаются в летописях под именами, не имеющими хождения в среде восточнославянской воинской элиты. Родовое имя Борис князю-мученику могли дать в честь болгарского царя Бориса II, умершего в 977 г., а Глеб мог получить свое родовое имя в честь младшего брата своего деда Святослава – Глеба, упоминаемого в Иоакимовской летописи.

Не имеют аналогов среди имен русских князей и крестильные имена братьев-страстотерпцев. Согласно тексту «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба»: «Блаженному Борису в крещении дано было имя Роман. Святому Глебу в крещении дано было имя Давид» [56].

М. Д. Приселков опираясь на крестильные имена Бориса и Глеба – Роман и Давид, предположил, что они даны в честь представителей западно-болгарской династии. По его мнению, крестильное имя Роман, Борис мог получить в честь Романа – сына болгарского царя Бориса II, а имя Давид было дано Глебу в честь Давида – сына царя Самуила [32, с. 28].

Таким образом, информация, размещенная в большинстве древнерусских летописей о том, что матерью Бориса и Глеба была знатная болгарыня, находит подтверждение. Гипотеза С. М. Соловьева и А. В. Поппэ о происхождении Бориса и Глеба от матери – княгини Анны можно признать несостоятельной. Борис и Глеб родились в языческом браке, как и остальные сыновья Владимира.

Точные даты рождения Бориса, как и его брата Глеба неизвестны. В дошедших до нашего времени письменных источниках нет на этот счет абсолютно никакой информации.

Уже первое распределение уделов князем Владимиром между сыновьями в 988 году вызывает недоумение. Так, князь Святополк вопреки традиции старшинства получил не Ростов, а захолустный племенной центр дреговичей на реке Припять – Туров. Ростов же князь Владимир передал его младшему брату Ярославу: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьскъ, а Святополка Турове, а Ярослава Ростовъ» [30, с. 52]. Если не брать во внимание такие крупные города, как Любеч, Чернигов и Смоленск, которые, по видимому, напрямую управлялись наместниками из Киева, то Ростов вполне соответствовал статусу третьего по величине города Древней Руси после Киева и Новгорода. Таким образом, находит подтверждение фраза из «Сказания, страдания и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» о том, что Святополк «не любил Владимир» [44].

Согласно данным археологии в конце X в. (то есть в период, когда здесь предположительно правил князь Святополк) курганные могильники туровских дреговичей сменились захоронениями на горизонте, что полностью соответствует христианской обрядности [42, с. 118]. Данный факт может послужить косвенным свидетельством того, что Святополк, находясь на княжении в Турове успешно способствовал христианизации местных жителей.

После смерти старших братьев Святополка – Изяслава и Вышеслава произошло новое перераспределение земель, в результате которого второй по значимости город Новгород, ожидаемо, получил Ярослав. Он, же, вероятно, и стал официальным наследником князя Владимира. Борис тогда получил в свой удел Ростов, а Глеб –

Муром. Святополк в данном отрывке летописи вовсе не упоминается: «Умершу же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревехъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [30, с. 54].

Г. М. Филлист предположил, что Владимир не отправил Святополка в Новгород потому, что якобы тот был язычником, а в Новгороде к тому времени уже сложилась христианская элита [54, с. 26].

С данным предположением нельзя согласиться. Во-первых, Владимир отправлял своих сыновей в окраинные земли для усиления христианизации и язычника он бы наместником никуда бы не назначил. Во-вторых, Новгород, сравнительно недавно был окрещен, и в городе оставалось немало скрытых сторонников язычества, в том числе и среди местной элиты. Так, согласно «Повести временных лет» когда в Новгород в 1071 году пришел волхв, то его поддержало все население города, а местного епископа только князь Глеб Святославич и его дружина: «Сиць волхвъ всталъ при Гльбѣ в Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы богъ, многы прельсти, мало не всего града. И бысть мятежь в град и вси веряша ему, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася надвое: князь бо Гльбѣ и дружина его идоша и стаха у епископа, а людьє вси идоша за волхва» [30, с. 78].

Таким образом, для исключения Святополка из системы распределения уделов должна была существовать другая причина. Несколько проясняет данную ситуацию отрывок из «Хроники» Титмара Мерзенбургского. Согласно данному источнику, один из сыновей Владимира женился на дочери князя Болеслава. Вместе с ним прислали Рейнберна, епископа Кольберга. Владимир узнал о готовящемся против себя заговоре и приказал посадить своего сына, его жену и католического епископа в тюрьму. После смерти отца находящийся в неволе сын Владимира, бросив жену, якобы, бежал в Польшу [48, с. 72].

Единственным сыном Владимира, женатым на дочери польского короля Болеслава Храброго был князь Святополк. Таким образом, можно предположить, что именно он принял участие в заговоре против отца, за что был лишен всех прав и уделов и посажен в тюрьму. К сожалению, Титмар из Мерзенбурга не указал дату заключения Святополка. Судя по сообщениям «Повести временных лет» и летописи Татищева В. это произошло между 988 г. (передачи ему удела с центром в Турове) и 1010 г., (согласно Татищевской летописи в этом году умер князь Вышеслав) [47, с. 64].

Находился ли в заключении Святополк накануне смерти отца или был выпущен из неволи уже после смерти Владимира мы не знаем. Вполне возможно, что соответствует действительности сообщение Титмара Мерзебургского о том, что Святополк просидел в тюрьме вплоть до смерти отца в 1015 г. Так, в данном источнике сообщается, что гнев Владимира на заговорщиков был настолько велик, что он, не побоявшись внешнеполитических осложнений, приказал заточить в неволю дочь польского короля Болеслава Храброго и католического епископа.

Однако согласиться с фразой из «Хроники» о том, что после смерти отца Святополк бежал в Польшу мы не можем. Как верно заметил Назаренко А. В. признать ее подлинной, означает признать фальсификацией всю картину событий 1015–1018 гг., рисуемую древними источниками [28, с. 454]. Скорее всего, Титмар Мерзенбургский в данном случае допустил неточность.

Г. М. Филист предположил, что Святополк никогда не был крещен и оставался язычником до конца своих дней [54, с. 26].

С данной гипотезой также нельзя согласиться. Так, Святополк не смог бы жениться на дочери короля Болеслава, будучи язычником. Известно, что вышеназванный король был фанатичным католиком. Так, польский хронист Галл Аноним сообщает о нем следующее: «Он так упорно уничтожал закосневших в язычестве в Селезии, Поморье и Пруссии, а обратившихся в истинную веру поддерживал, что построил там много церквей и поставил епископов при помощи папы или, вернее, их поставил папа при его поддержке [4, с. 76]. Схожие данные можно найти и в Хронике Титмара из Мерзенбурга, который несмотря на свою глубокую неприязнь к Болеславу, отмечал: «Немалые средства поступали из Польши в распоряжение Рима через Познаньского епископа, находившегося в непосредственном подчинении папе [48, с. 76].

Зятя-язычника у одного из самых больших врагов польских языческих общин в то время быть не могло. Вместе с тем, данные Титмара Мерзенбургского косвенно свидетельствуют о том, что Святополк под давлением тестя перекрестился из православной в католическую веру. Во всяком случае, Титмар Мерзенбургский назвал католического епископа, прибывшего вместе со Святополком и его женой в Киев его названным отцом. Епископ, согласно данным германского хрониста оказался очень проворен и: «взрастил для всемогущего Господа новую ветвь на бесплодном древе, то есть привил чрезвычайно бестолковому народу слово святой проповеди» [48, с. 76]. Видимо, он пытался перекрещивать местных жителей из православной веры в католическую, за что и был посажен в темницу князем Владимиром.

Интересно, что Владимирский летописец сообщил о том, что после смерти отца: «Святополкъ же нача княжити в Киевѣ, и приведе люди собѣ в вѣру» [38, с. 37]. Речь в данном отрывке может идти лишь о перекрещивании, то есть о переводе православных киевлян в католичество. Таким образом, находит объяснение глубокая неприязнь Православной Церкви к Святополку.

Аргумент Г. М. Филиста о том, что Святополк не мог быть католиком, поскольку в то время еще не существовал католицизм, не может быть взят во внимание. Христианская община действительно официально распалась на православную и католическую в 1054 г., но западная и восточные христианские церкви сложились задолго до этой даты. В начале XI в. между Римом и Константинополем уже шла ожесточенная война за сферы влияния в восточной Европе.

В то время как Святополк находился в неволе, Борис пытался окрестить свой новый удел. Ростовская земля в то время включала огромные территории: в

междуречье Волги и Оки и районе Белоозера. Населены эти земли были преимущественно финно-угорскими народами. Славянская колонизация здесь только начиналась. С севера и востока сюда продвигались новгородские славяне, кривичи и вятичи, с юга – переселенцы из Поднепровья.

Судя по дошедшим до нас письменным свидетельствам и данным археологии первая волна христианизации, прокатившаяся по Древней Руси в конце 80-ых гг. X в., своих целей не достигла. Так, Никоновская летопись и целый ряд других источников сообщает о том, что в 992 князь Владимир был вынужден организовать военный поход в Северо-Восточную Русь под предводительством митрополита Михаила: «Иде Михаил митрополит по Русской земле и до Ростова, с четырма епископы Фотием патриархом, и с Добрынею и с Анастасом; а друзии епископы Фотеевы в Киеве пребываху. И учаше митрополит всех с епископы веровати в единого бога в троице славимаго, и научи и наказа богоразумию и благочестию многих, и крести без числа людей, и многиа церкви въздвиже, и презвитеры и диаконы постави, и клиросы устрои, и уставы благо честне устави. И бысть радость велика в людех, и множашеся вероющеи, и повсюду прославлявшеся имя Христа бога» [34, с. 64]. Однако, судя по всему, и после похода митрополита Михаила в Ростовских землях оставалось немало язычников.

Согласно «Сказанию о построении града Ярославля» предшественник Бориса князь Ярослав накануне своего отъезда в Новгород столкнулся с некими «злыми язычниками» из поселения Медвежий угол. Они не подчинялись княжеской власти и грабили купцов, идущих по Волге. Дружина Ярослава разбила лады язычников, и они поклялись Велесом, что будут служить Ярославу. Однако пришедших вскоре к Медвежьему углу христианских священников они прогнали, а на самого князя спустили медведя. Князь приказал построить недалеко от Медвежьего угла город Ярославль с несколькими христианскими церквями» [23, с. 111–113].

Таким образом, сменивший в 1010 г. князя Ярослава князь Борис должен был здесь столкнуться при христианизации местных жителей с не меньшими трудностями, чем его старший брат.

Даже в тогдашнем центре Ростовского удела согласно «Житию Авраамия Ростовского» еще в начале XI в. жили язычники, почитавшие бога Велеса: «Видев же преподобный Авраамие прелесть идольскую сущю во граде Ростове, не убо бе еще граждане прияша святое крещение. Но чюдски живуще и покланяющесе идолу камену Велеса». В качестве покровителя святителя Авраамия, при котором на месте идола Велеса была построена церковь Иоанна Богослова в «Житие» упоминается князь Борис Владимирович [14].

Борис, согласно данным «Жития Леонтия Ростовского» прибыл в Ростов вместе с новым епископом Илларионом. Подробности его деятельности в роли ростовского князя мы не знаем, однако княжение его было не из легких. Так, согласно тексту «Жития Леонтия Ростовского», сменивший епископа Федора епископ Илларион вскоре сбежал из Ростова, не выдержав издевательств местных язычников: «За премногую добродетель Леонтий епископом поставлен бысть градоу Ростову, имже

преж бывшии ту епископи, Феодор и Ларион избегоша, и не терпяще неверствия и многодосаждения людей [49, с. 7].

Вместе с тем, согласно данным археологии, значительная часть населения Северо-Восточной Руси в конце X – начале XI приняла христианство. Так, в славянских курганах Верхнего Поволжья, а также бассейнов рек Мологи, Суды и Шексны трупосождения сменились трупоположениями, а в начале XI в. этот обряд захоронения стал в Северо-Восточной Руси господствующим [7, с. 21, 24–25, 27–29].

В настоящее время невозможно установить степень участия князей Ярослава и Бориса в деле христианизации Северо-Восточной Руси, но несомненно, что они оба оказали значительное влияние на данный процесс. Согласно «Книги Степенной русских царей» Борис в своих землях: «Благочество господствуя и неверныя въ веру обращаая». При этом сообщается, что он был в ратехъ храборъ» [37, с. 138].

В не менее сложную ситуацию попал князь Глеб, отправленный князем Владимиром в 1010 году в Муром. В начале XI в. на месте летописного Муромского княжества находилось несколько десятков поселений финно-угорского племени меря с довольно крупным городком в центре, населенным представителями финно-угорских племен [2, с. 223–226], [9, с. 33–42].

Христианизация здесь проходила также сложно, как и в Северо-Восточной Руси. Так, в «Житие Константина Муромского» сообщается о том, что князь Глеб Владимирович, получив благословение от отца своего Владимира: «Поиде ко граду Мурому и став под градом, и в Муроме граде неверные люди многие исполчишася и укрепишася, и стояв под градом Муромом и отиде. И невернии людие князю Глебу не здашася, и благоверный князь Глеб тех неверных людей не одолев, от града Мурома отиде 12 поприщ и жит ту в пределах муромских два лета [43, с. 101].

Как проводилась христианизация в других поселениях княжества установить сложно. В племени летописной муромы в дохристианский период хоронили умерших в основном по обряду ингумации в грунтовых могильниках (останки людей, захороненных по обряду кремации исследователи обнаружили лишь в 16% захоронений) [16].

Единственным возможным маркером перехода местного населения от язычества к христианству является смена меридианного направления трупоположения (головой на север), на трупоположение головой на запад (что соответствует христианской обрядности). Массовый переход к обряду трупоположения головой на запад в муромских могильниках начался в первой половине XI в. и продолжился вплоть до конца XII в. [10].

Таким образом, можно предположить, что несмотря на неудачи в христианизации самого Мурома, князю Глебу удалось крестить значительную часть муромского племени.

К сожалению, на данный момент не представляется возможным определить когда князь Борис оставил свой удел и прибыл в Киев. Так, в Никоновской и Тверской летописях сообщается о том, что князь Борис находился при своем

больном отце еще до набега печенегов [35, с. 113], [34, с. 69]. Сходные данные сообщает и «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» [56].

Согласно летописи Татищева В. после смерти Вышеслава в 1010 году Глеб получил Муром – вотчину, Бориса. Сам же Борис пребывал при отце неотлучно [47, с. 64]. В том же источнике можно найти информацию о том, что Владимир задолго до своей смерти объявил Бориса своим наследником [47, с. 65].

Данному сообщению можно верить. Так, князю Ярославу не было бы никакого смысла начинать междоусобный конфликт с больным отцом, если бы не появился новый наследник киевского престола. Князь Святополк в то время был лишен всех прав и находился в неволе, а сам князь Ярослав после смерти Владимира первоначально должен был унаследовать киевский престол. Показательным выступает также тот факт, что именно Борис возглавил киевскую дружину в походе на печенегов. Согласно древнерусским традициям возглавить киевскую дружину мог только великий князь.

Таким образом, можно предположить, что князь Владимир, вопреки установившейся в Древней Руси традиции передаче наследственных уделов сделал своим наследником князя Бориса, нарушив при этом права его старших братьев Святополка и Ярослава. Это спровоцировало конфликт между братьями в будущем и предопределило убийство наемниками князя Святополка его сводного брата Бориса.

Вместе с тем, лишение прав на наследство князей Святополка и Ярослава, возможно, было не единственной причиной убийства князя Бориса. Так, в Тверской летописи, например, сообщается о том, что Святополк, придя к власти в Киеве, возвращал имения и раздавал «отпусты», то есть прощения: «Святополкъ съде въ Киеве по отци, и призва Кианы, и многи дары имъ раздаа, и отпусты и имения возврати» [35, с. 123]. Учитывая тот факт, что Владимир перед смертью тяжело болел, можно предположить, что еще до прихода печенегов русские земли в Киеве произошел какой-то мятеж и подавлять его пришлось официальному наследнику князя Владимира то есть князю Борису.

На протяжении всего XI в. мятежи в Древней Руси носили антихристианский характер. Примером в этом отношении может послужить упомянутое в «Повести временных лет» антихристианское восстание в Суздале 1024 года: «В льто 6532 год въсташа вольсьви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бьсованию, глаголющее, яко сии держать гобино. Бъ мятежь великъ и голодь по всей той странъ. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъймавъ волхвы, расточи, а другыя показни [30, с. 64–65]. Как видно из данного источника, часть мятежников Ярослав казнил, часть лишил имущества (имения). Если предположить, что Борису незадолго до гибели пришлось подавлять подобное антихристианское восстание в Киеве, то вполне возможно, что он, как и его старший брат, спустя семь лет в Суздале, казнил часть мятежников, а у остальных отобрал имущество. Возможно, что эти «имения», которые некогда конфисковал Борис и возвращал Святополк.

Святополк, нуждаясь в поддержке киевлян, мог провести какие-то послабления для тайных язычников или двоеверцев, живущих в Киеве. Согласно Радзивилловской летописи Святополк терпимо относился к скomorохам и они развлекали его на пирах: «Люте бо граду (Киеву-Авт.) стало в немже князь унь, любяи вино пити с гусями и со младыми свѣтници, сяковыа даеть богъ за грехи [39, с. 61].

В Софийской первой летописи и Летописце Переяславля Суздальского автор внезапно сообщает о том, что вышгородские бояре попадут в ад не только как убийцы князя Бориса, но и как язычники, забывшие бога: «Оканнии же они оубиини възвратятя грѣшници въ адъ, яко язѣци забывающеи Бога [40, с. 41; 41, с. 50].

В пользу предположения о том, в Киеве во второй половине 10-ых годов XI вв. происходила жесткая борьба между язычниками и христианами свидетельствует сообщение из «Повести временных лет» о том, что после того, как Ярослав разбил Святополка в 1017 году и пришел в Киев, там «погорь церкви» [30, с. 63]. Назаренко А. В. обратил внимание исследователей на тот факт, что во многих древнерусских летописях данная фраза составляет часть испорченного сообщения о неких событиях, вычеркнутых из текста летописей [28, с. 471]. Вполне возможно, что первоначально в летописях сообщалось об антихристианских выступлениях киевлян, повлекших поджоги христианских церквей.

Информацию о пожаре в киевских церквях в 1017 г. сообщает и Титмар из Мерзенбурга [48, с. 89].

Таким образом, можно предположить, что князь Борис накануне смерти князя Владимира подавил какое-то народное антихристианское выступление в Киеве и этим вызвал неприязнь у местного населения.

Показательно в этом отношении выглядит сообщение из Тверской летописи о том, что когда тело несчастного Бориса привезли в ладье в Киев, то местные жители не приняли его: «И привезшее на Днѣпръ, вложиша его (Бориса – Авт.) въ лодию, и припувшѣ съ нимъ подъ Киевъ; Кыане же не приаша его, но отринууша прочь. И привезшее тѣло его отай, положиша у церкви святого Василия, въ Вышегородъ, въ землю погребоша [35, с. 128].

Неприязнь киевлян к князю Борису умело использовал князь Святополк, решивший повысить их расположение к себе дорогими подарками: «Святополкъ же оканный нача княжити Киевъ. Созвавъ люди, нача даяти овъмъ корзна, а другим кунами, и раздай множество» [30, с.58].

Для чего ему понадобилось задабривать жителей Киева поясняет «Степенная книга царского родословия» согласно которой, Святополк раздавал киевлянам подарки для того, чтобы они присягнули ему на верность: «И созва къ себѣ Кияны и даяше имъ многа имения, дабы ему присягу имели» [37, с. 140].

Как видно из вышеприведенных источников, убийству князя-мученика предшествовало собрание киевлян, на котором они признали князем Святополка, но при этом все же сильно опасались Бориса с киевской дружиной. Отказавшись от князя Бориса киевляне фактически стали соучастниками его убийства.

Согласно летописной версии «Жития Бориса и Глеба» именно лояльность киевлян стала главным козырем Святополка в борьбе с Борисом. Так, перед

убийством Бориса его оставила киевская дружина, а непосредственными участниками убийства стали вышгородские бояре – жители пригорода Киева: «Борису же възвратившюся съ войскомъ, не встретивъ печенегъ, всть приде к нему: «Отець ти умерль». Рьша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Киевъ на столъ отни». Он же рече: «Не буди мнъ възняти руки на брата своего старьшаго. И се слышавше вой разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроky свои. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородскыъ болярць, и рече имъ: «Не повьдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса». Послании же придоша на Лтьо ночью, и подьстуттиша ближе, и се нападоша акы зврье дивии около шатра, и насунуша й копы, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ [30, с. 59].

Обращает на себя внимание пассивное поведение личной ростовской дружины Бориса, называемой в летописном списке «Жития» отроками. В разных вариантах «Жития Бориса и Глеба» они либо вовсе не упоминаются после ухода киевской дружины, либо сообщается, что они «испугашеся» вышгородских бояр и были перебиты уже после гибели князя Бориса. В Степенной книге русских царей Борис сам отпустил от себя свою дружину: «И тако увьщеваая всехъ и целовавъ отпусти ихъ и вси хотяше удержатися и не можаше. И вси печалию смющени разоидошеся [37, с. 142].

В тогдашней Руси, чем больше была территория княжества, тем больше было в дружине воинов [8, с. 64–65]. Дружина ростовского князя, контролирующего огромную территорию, должна была состоять как минимум из нескольких тысяч воинов. Испугаться нескольких бояр (даже если они пришли на Альту с вооруженными слугами) никак не могли. Осмелился же заступиться за своего князя, согласно «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» лишь один воин-венгр по происхождению по имени Григорий [56].

Таким образом, можно предположить, что Бориса предали не только киевские воины, но и собственная ростовская дружина. К сожалению, на данный момент невозможно установить причины ее предательства.

Интересно, что текст «Саги об Эймунде» в целом не противоречит летописному рассказу об убийстве Бориса. Так, согласно данному источнику, войско Бориса разбежалось, не приняв боя с противником: «И было так, как думал Эймунд конунг, – все войско Бурислава конунга ушло и разошлось в несогласии» [57, с. 76].

Таким образом, второй причиной убийства князя Бориса стал конфликт с жителями тогдашнего Киева и предательство воинов из киевской и ростовской дружин.

Об убийстве князя Глеба «Повесть временных лет» сообщает следующим образом: Святополкъ же оканьный помысли въ собъ, рекъ: «Се убихъ Бориса; како бы убити Гл'ьба?». И приымъ помысль Каиновъ, с лестью посла къ Гл'ьбу, глаголя сиче: «Поиди вборзъ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми». Гл'ьбъ же вборзъ вс'ьдъ на конь, с малою дружиною поиде, б'ьбо послушливъ отцо. И приде Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зр'еемо, и ста на Смядин'ъ в насадь. И сиче ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на

погублене Гл'ьбу. И ту абье послании яша корабль Гл'ьбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Гл'ьбови уныша. Оканый же посланный Горяс'рь повел'е вборз'ь заръзати Гл'ьба. Поваръ же Гл'ьбовъ, именовъ Торчинъ, вынезь ножъ, заръза Гл'ьба, акы агня непорочно. Глебу же убьену бывшу и повержену на брез'ь межи двома колодама, посемъ же вземше везоша й, и положиша й у брата своего Бориса у церкви святого Василья [30, с.60-61].

Согласно «Сказания и страдания и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» убийство младшего брата Бориса свершилось 5 сентября 1015 года в урочище Смядынъ недалеко от Смоленска [44].

Е. Ю. Томсетт обратила внимание исследователей на тот факт, что князь Глеб, который должен был ехать в Киев из Муромских земель, выбрал для этого странный маршрут. Смоленск находился прямо в противоположном направлении по пути в Новгород. По мнению исследовательницы, Глеб и не собирался ехать в Киев [51, с. 37].

Вызывает сомнение и дата убийства князя Глеба. Так, во многих древнерусских летописях не указывается откуда отправился в Киев Глеб перед своей гибелью. Примером может послужить текст «Повести временных лет» в котором сообщается о его последнем путешествии следующим образом: «Гл'ьбъ же вборз'ь вс'ьдъ на конь, с малою дружиною поиде, б'ь бо послушливъ отцю [30, с. 60]. Лишь в нескольких поздних источниках, в частности, в «Степенной книге царского родословия» можно найти информацию о том, что он отправился в Киев из Мурома [37, с. 145].

Однако в «Житие Константина Муромского» сообщается о том, что в своей вотчине князь Глеб пробыл всего лишь два года: «Благоверный князь Глеб тех неверных людей не одолев, от града Мурома отиде 12 поприщ и жит ту в пределах муромских два лета» [43, с. 101].

Если сообщенная Татищевской летописью дата смерти князя Вышеслава – 1010 год соответствует действительности, то князь Глеб покинул свой Муромский удел не в 1015 году, а еще в 1012 году. Таким образом, и убит он был в 1012 году.

В 1012 г. был жив и здоров князь Владимир, а князь Святополк, скорее всего, находился в неволе и никак не мог организовать убийство своего брата. Кроме того, как верно заметила Томсетт Е. Ю., убивать князя Глеба Святополку не было никакого смысла. После гибели князя Бориса следующими по старшинству князьями были Всеволод, Святослав и Мстислав [51, с. 38].

Характерно, что как и в случае с князем Борисом, собственная дружина не стала защищать князя Глеба. Напротив, один из его слуг стал непосредственным убийцей князя. В «Повести временных лет» дружинники Глеба фактически представлены трусами («Отроци Гл'ьбови уныша») [30, с. 60–61]. Данная фраза не может быть признана достоверной. Никакие убийцы не могли бы испугать дружину профессиональных воинов. Пассивность муромской дружины князя Глеба была вызвана какой-то другой причиной.

В «Степенной книге царского родословия» приводится другая версия, согласно которой Глеб, предчувствуя свою гибель, сам приказал дружинникам и слугам

оставить его [37, с. 147]. Видимо, автора данного документа также смутил факт предательства дружины Глеба и он придумал логичное тому объяснение, которое также не может быть принято. Если бы Глеб действительно распустил свою дружину и слуг, то его бы не смог убить собственный повар Торчин.

Непосредственным организатором убийства Глеба, согласно «Повести временных лет» и ряда других письменных источников выступил некий Горясер, по приказу которого Глеба убил его слуга [30, с. 60–61; 56]. Горясер имя не христианское и имеет не славянские, а иноязычные корни (норманнские, финно-угорские или тюркские) [51, с.38].

На финском языке фраза «приносящий жертву» звучит как «Ghrauksen» [21, с. 289–290]. Финское слово «Ghrauksen» вполне возможно трансформировалось в русских источниках в имя собственное «Горясер». В таком случае Горясер это не имя убийцы, а должность одного из жрецов финского племени мурома, отправленного к дружинникам и слугам князя Глеба с сообщением о смертном приговоре их князю. В начале XI в. даже недавно окрещенные люди признавали право языческих жрецов и шаманов на ритуальное убийство.

Примером этому может послужить летописный рассказ из «Повести временных лет», в котором под 1071 годом сообщается о приходе в Белоозеро двух волхвов: «Бывши бо единою скудости в Ростовьст'ьѣ области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Ведаемъ кто обилье держить». И пойдоста по Волз'ь, кдѣ приидуча в погосте ту же нарекаете лучши'ь жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя [30, с.76]. Как мы видим из данного отрывка «Повести временных лет» недавно окрещенные белозерцы приводили языческим жрецам на смерть близких им женщин – матерей, сестер и жен.

Таким образом, находит объяснение пассивность дружинников князя Глеба, не защитивших своего князя.

В пользу предположения о том, что убийство Глеба было совершено язычниками свидетельствует и способ убийства. Так, в «Степенной книге царского родословия» сказано, что слуга Торчин перерезал Глебу горло подобно жертвенному животному: «И сия святому рекшу прежереченный поваръ святого Глеба, ему же имя Торчинъ, закла по гортани ножемъ господина своего» [37, с. 147–148].

Характерно, что тело несчастного князя похоронили согласно языческим обычаям на распутье «Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод» [56]. В языческую эпоху за пределами родовых могильников хоронили преступников или святотатцев [15, с. 399–414].

Для язычников того времени считалось большим успехом взять в плен и принести в жертву высокопоставленного врага. Особенно страшно перед смертью они истязали христианских священнослужителей и представителей власти, отличившихся в борьбе с язычеством. Так, в 1203 году во время одного из антихристианских восстаний финского племени эстов жители Гольма схватили своего священника Иоанна, отрубили ему голову и отнесли в чашу, а тело порезали

на куски [5, с. 43]. Можно предположить, что убийство князя Глеба на глазах у его дружинников было частью обряда языческого жертвоприношения высокопоставленного врага и было организовано жрецами племени мурома в качестве мести за мероприятия, связанные с распространением христианства в муромских землях.

Интересно, что уже авторы поздних летописей не были уверены в том, что заказчиком убийства князя Глеба был Святополк. Так, в Летописи Авраамки Святополк указывается как организатор убийца лишь князя Бориса: «Того же мьсяца июня 24 убиень бысть Борисъ отъ Святополка, а Гльбъ убиень бысть сентября 5 [36, с. 40].

Таким образом, можно предположить, что через два года после назначения князем в муромские земли князь Глеб хотел покинуть свой удел, но был достигнут врагами и убит в смоленской земле по приказу служителей языческого культа. Гибель князя Глеба была никак не связана с интригами князя Святополка и убийством князя Бориса.

В целом, можно сделать вывод о том, что одной из причин убийства князя Бориса стало его объявление наследником князя Владимира, вопреки тогдашним традициям наследования. Другой его причиной стал конфликт с жителями Киева, существенно облегчивший князю Святополку задачу по устранению своего сводного брата.

Деятельность, связанная с христианизацией муромских земель стала причиной убийства младшего брата князя Бориса князя Глеба. Введу того, что оба брата-стастнотерпца оказали большое положительное влияние на христианизацию древнерусских земель они стали в народном сознании восточных славян символом воинской доблести и победы над язычеством.

Список использованных источников и литературы

1. Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М.: Наука, 1971. – 134 с.
Aleshkovsky M. X. The Tale of Bygone years. The fate of a literary work in Ancient Russia. – Moscow: Nauka, 1971. – 134 p.
2. Богатов (Муром) И. П. О времени возникновения г. Муром // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 223–226
Bogatov (Murom) I. P. About the time of the emergence of the city of Murom // Soviet Archeology. – 1959. – №. 3. – P. 223–226
3. Боровков Д. Тайна гибели Бориса и Глеба. – М.: Вече, 2014. – 320 с.
Borovkov D. The mystery of the death of Boris and Gleb. – М.: Veche, 2014. – 320 p.
4. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Перевод Л. М. Поповой. – М.: Наука, 1961. – 254 с.
Gall Anonymous. Chronicle and deeds of Polish princes or rulers / Translation by L. M. Popova. – М.: Science, 1961. – 254 p.
5. Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. Пер. Е. В. Чешихина-Ветринского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига. Лиесма, 1876. – Т. 1. – С. 65–285.
Henry of Latvia. Chronicles of Livonia. Per. E. V. Cheshikhin-Vetrinsky // Collection of materials and articles on the history of the Baltic region. Riga. Liesma, 1876. – Т. 1. – P. 65–285.

6. Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XII вв. – Киев: Наукова думка, 1988. – 137 с.
Golovko A. B. Ancient Rus' and Poland in political relations of the X – first third of the XII centuries. – Kyiv: Naukova Dumka, 1988. – 137 p.
7. Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X-XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 210 с.
Golubeva L. A. All and Slavs on White Lake X-XIII centuries. – М.: Nauka, 1973. – 210 p.
8. Горский А. А. Древнерусская дружина. (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). – М.: Прометей, 1989. – 124 с.
Gorsky A. A. Old Russian squad. (On the history of the genesis of class society and the state in Rus'). – М.: Prometheus, 1989. – 124 p.
9. Горюнова Е.И. Муромский могильник // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 1953. – Вып. 52. – С. 33–42
Goryunova E. I. Murom burial ground // Brief communications of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. – 1953. – Issue. 52. – P. 33– 42
10. Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муром VII – XI вв.– Йошкар-Ола: МарГУ, 1990 – Электронный ресурс. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20070307081228/http://www.museum.murom.ru/wwwmus/archaeol/gr_z90.
- Grishakov V.V., Zeleneva Yu. A. Muroma VII – XI centuries.- Yoshkar-Ola: MarGU, 1990. – Electronic resource. Access mode: https://web.archive.org/web/20070307081228/http://www.museum.murom.ru/wwwmus/archaeol/gr_z90.
11. Грушевський М. С. Історія України-Руси. – Київ: Наукова думка, 1991. – Т.1. – 648 с.
Hrushevskiy M. S. History of Ukraine-Rus. – Kyiv: Naukova dumka, 1991. – Vol.1. – 648 p.
12. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 399 с.
Danilevsky I. N. Ancient Rus' through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries). – М.: Aspect-Press, 1999. – 399 p.
13. Дмитриев Л. А. Комментарии к «Сказанию о Борисе и Глебе» // Библиотека литературы Древней Руси. – Т.1: XI – XII века. – СПб.: Наука, 1997. – С. 527–531.
Dmitriev L. A. Comments on «The Tale of Boris and Gleb» // Library of Literature of Ancient Rus'. – Т.1: XI – XII centuries. – St. Petersburg: Nauka, 1997. – P. 527–531.
14. Житие Авраамия Ростовского. Электронный ресурс. Точка доступа: https://ruvera.ru/lib/prepodobnyj_avramij_rostovskij.
Life of Abraham of Rostov. Electronic resource. Access point: https://ruvera.ru/lib/prepodobnyj_avramij_rostovskij
15. Зеленин Д. К. Древнерусский языческий культ «заложенных» покойников // Вестник АН СССР. – 1917. – Т. 11, №7. – С. 399–414
Zelenin D. K. Ancient Russian pagan cult of «pledged» deceased // Vestnik AN USSR. – 1917. – Vol. 11, № 7. – P. 399–414
16. Зеленцова О. В., Швецова А. А., Милованов С. И. Новый муромский могильник в правобережье Оки. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/novyuy-muromskiy-mogilnik-v-pravoberezhe-oki>
Zelentsova O. V., Shvetsova A. A., Milovanov S. I. New Murom burial ground on the right bank of the Oka. Electronic resource. Access point: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/novyuy-muromskiy-mogilnik-v-pravoberezhe-oki>
17. Иловайский Д. Становление Руси. – М.: АСТ, 2003. – 860 с.
Povaisky D. Formation of Rus'. – М.: AST, 2003. – 860 p
18. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 210 с.
Ilyin N. N. Chronicle article of 6523 and its source. (Analysis experience). – М.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. – 210 p.
19. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003. – Т. 1. – 422 с.
Karamzin N. M. History of the Russian State. – М.: EKSMO, 2003. – Т. 1. – 422 p.

20. Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X – XI вв. – М.: Наука, 1964. – 412 с.
Korolyuk V.D. Western Slavs and Kievan Rus in the X – XI centuries. – М.: Nauka, 1964. – 412 p.
21. Куусинен М. Э. Оллькайнен В. М. Сьрьялайнен Ю. Э. Новый большой русско-финский словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 844 с.
Kuusinen M. E. Ollykainen V. M. Syryalainen Yu. E. New large Russian-Finnish dictionary. – М.: Russian language, 1999. – 844 p.
22. Котляр Н. Ф. Князь Окаянный? Был ли Святополк убийцей своих братьев Бориса и Глеба // Родина. – 2000. – № 12. – С. 35–39.
Kotlyar N. F. Prince Damned? Was Svyatopolk the murderer of his brothers Boris and Gleb // Rodina. – 2000. – №. 12. – S. 35–39.
23. Лебедев А. Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. – Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1877. – 32 с.
Lebedev A. N. Temples of the Vlasevsky parish in Yaroslavl. – Yaroslavl: Printing house of the Provincial Zemstvo Council, 1877. – 32 p.
24. Литвина А. Ф. Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
Litvina A. F. Uspensky F. B. The choice of a name among Russian princes in the X – XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy. – М.: Indrik, 2006. – 904 p.
25. Лященко А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия Академии Наук СССР. Сер. VI. – 1926. – Т. XX, № 12. – С. 1061–1086.
Lyashchenko A. I. «Eumundar Saga» and Russian chronicles // News of the USSR Academy of Sciences. Series VI. – 1926. – Т. XX, №. 12. – P. 1061–1086.
26. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 292 с.
27. Монгайт А. Л. Раскопки старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Наука, 1953. – С. 289–320.
Mongait A.L. Excavations of old Ryazan // In the footsteps of ancient cultures. Ancient Rus'. – М.: Nauka, 1953. – P. 289–320.
28. Назаренко А. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 781 с.
Nazarenko A. Ancient Rus' on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, trade, political relations of the 9th–12th centuries. – М.: Languages of Russian Culture, 2001. – 781 p.
29. Петрухин В. Я. Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с.
Petrukhin V. Ya. From the history of Russian culture. Т. 1. Ancient Rus'. – М.: Languages of Russian Culture, 2000. – 760 p.
30. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
The Tale of Bygone Years / Ed. and from before V. P. Adrianova-Peretz. – М.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 239 p.
31. Поппэ А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2003. – Т. 54. – С. 308–315
Poppe A.V. Earthly destruction and heavenly triumph of Boris and Gleb // Proceedings of the department of ancient Russian literature. – St. Petersburg: 2003. – Т. 54. – P. 308–315
32. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII вв. – СПб.: Наука, 2003. – 245 с.
Priselkov M.D. Essays on the church-political history of Kievan Rus of the X – XII centuries. – St. Petersburg: Nauka, 2003. – 245 p.
33. ПСРЛ. Т.5. Псковские и софийские летописи. – СПб.: Типография Э. Праца, 1851. – 278 с.
PSRL. Т.5. Pskov and Sofia chronicles. – St. Petersburg: Printing house of E. Pratz, 1851. – 278 p.

34. ПСРЛ. Т. 9. Русская летопись по Никонову списку. – Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 734 с.
PSRL. T. 9. Russian chronicle according to Nikon's list. – Ch. 1. – M.: Izd-vo AN USSR, 1962. – 734 p.
35. ПСРЛ. Т.15. Тверская летопись. – СПб.: Типография Демиса, 1863. – 505 с.
PSRL. T.15. Tver Chronicle. – St. Petersburg: Demis Printing House, 1863. – 505 p.
36. ПСРЛ. Т.16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. – СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1889. – 70 с.
PSRL. T.16. Annals of the Chronicle, called Chronicles of Abraham. – SPb.: Typography F. Eleonskogo, 1889. – 70 p.
37. ПСРЛ Т.21. Книга Степенная царского родословия. – Часть 1. – СПб.: Типография М. Александрова, 1908. – 343 с.
PSRL T.21. Book Degree of the Royal Genealogy. – Part 1. – St. Petersburg: M. Alexandrov's Printing House, 1908. – 343 p.
38. ПСРЛ. Т.30 Владимирский летописец. – М.: Наука, 1965. – 240 с.
PSRL. T.30 Vladimir Chronicler. – M.: Nauka, 1965. – 240 p.
39. ПСРЛ. Т.38 Радзивилловская летопись. – Л.: Наука, 1989. – 178 с.
PSRL. T.38 Radzivilov Chronicle. – L.: Nauka, 1989. – 178 p.
40. ПСРЛ. Т.39 Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. – М.: Наука, 1994. – 208 с.
PSRL. T.39 The first Sofia Chronicle according to the list of I. N. Tsarsky. – M.: Nauka, 1994. – 208 p.
41. ПСРЛ Т.41. Летописец Переяславля Суздальского. – М.: Археографический центр, 1994. – 205 с.
PSRL T.41. Chronicler of Pereyaslavl of Suzdal. – M.: Archaeographic Center, 1994. – 205 p.
42. Седов В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
Sedov V.V. Eastern Slavs in the VI – XIII centuries. – M.: Nauka, 1982. – 327 p.
43. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. – М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. – 494 с.
Serebryansky N. Old Russian princely lives. – M.: Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1915. – 494 p.
44. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/>
Legend and suffering and praise to the holy martyrs Boris and Gleb. Electronic resource. Access point: <https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/>
45. Соловьев С. М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. – Книга 1. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1-2. – 798 с.
Solovyov S. M. History of Russia since ancient times in eighteen books. – Book 1. – M.: Mysl, 1988. – Т. 1-2. – 798 p.
46. Татищев В. Н. История Российская. – М.: АСТ, 2003. – Т. 1. – 571 с.
Tatishchev V.N. Russian History. – M.: AST, 2003. – Т. 1. – 571 p.
47. Татищев В. Н. История Российская. М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 735 с.
Tatishchev V.N. Russian History. M.: AST, 2003. – Т. 2. – 735 p.
48. Титмар Мерзебургский. Хроника. – М.: Русская панорама, 2009. – 245 с.
Thietmar of Merseburg. Chronicle. – M.: Russian Panorama, 2009. – 245 p.
49. Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О.М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Белозерскому монастырю. – Ярославль. Типография Стросова, 1892. – 321 с.
Titov A. A. Life of St. Leonty Bishop of Rostov. From the list made by O.M. Bodyansky from a 15th-century manuscript belonging to the Kirillov Belozersky Monastery. – Yaroslavl. Stroev Printing House, 1892. – 321 p.
- Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О.М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Белозерскому монастырю. – Ярославль. Типография Стросова, 1892. – 321 с.
Titov A. A. Life of St. Leonty Bishop of Rostov. From the list made by O.M. Bodyansky from a 15th-century manuscript belonging to the Kirillov Belozersky Monastery. – Yaroslavl. Stroev Printing House, 1892. – 321 p.

50. Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах // Труды третьего областного историко-археологического съезда во Владимире. – Владимир: Тип. Губернского правления, 1909. – С. 35–40
Tikhomirov I.A. About some Yaroslavl coats of arms // Proceedings of the third regional historical and archaeological congress in Vladimir. – Vladimir: Type. Provincial government, 1909. – pp. 35–40
51. Томсетт Е. Ю. (Советкина) Загадка убийства Глеба Муромского, сына Владимира Святого: свидетельства русских и иностранных источников // European journal of humanities and social sciences. – 2021. – №2. – С. 36–43.
Tomsett E. Y. (Sovetkina) The mystery of the murder of Gleb of Muromsky, son of Vladimir the Holy: evidence from Russian and foreign sources // European journal of humanities and social sciences. – 2021. – №. 2. – P. 36–43.
52. Топчий В. Кто убил Бориса и Глеба. Электронный ресурс. Точка доступа <https://proza.ru/2009/10/22/999> Дата обращения 15.08.2023
Topchy V. Who killed Boris and Gleb. Electronic resource. Access point <https://proza.ru/2009/10/22/999> Access date 08/15/2023
53. Топоров В. Н. Сказания о Борисе и Глебе. Электронный ресурс. Точка доступа <https://sedmitza.ru/text/1152713.html>. Дата обращения 17.08.2023
Toporov V.N. Tales of Boris and Gleb. Electronic resource. Access point <https://sedmitza.ru/text/1152713.html>. Access date 08/17/2023
54. Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. – Минск: Беларусь, 1990. – 156 с.
Philist G. M. History of the «crimes» of Svyatopolk the Accursed. – Minsk: Belarus, 1990. – 156 p.
55. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). – М.: Издательство МГУ, 1986. – 412 с.
Khoroshev A. S. Political history of Russian canonization (XI - XVI centuries). – М.: Moscow State University Publishing House, 1986. – 412 p.
56. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба Электронный ресурс. Точка доступа: <https://www.anosinomonastir.ru/articles/prepodobnyu-nestor-letopisets-chtenie-o-zhitii-ubienii-i-chudesakh-blazhennykh-strastoterptsev-boris.html>
Reading about the life and death of Boris and Gleb Electronic resource. Access point: <https://www.anosinomonastir.ru/articles/prepodobnyu-nestor-letopisets-chtenie-o-zhitii-ubienii-i-chudesakh-blazhennykh-strastoterptsev-boris.html>
57. Эймундова сага // Собрание сочинений Сенковского О. И. (Барона Брамбеуса) с портр. и жизнеописанием авт. Т. V. –СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1858. – С. 420–574
Eymund's saga // Collected works of O.I. Senkovsky (Baron Brambeus) with portrait. and biography of the author. T. V. – St. Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1858. – P. 420–574

M. N. Kozlov, E. E. Boytsova On the question of the reasons for the murder of Boris and Gleb

Based on the analysis of ancient Russian chronicles, hagiographic data, the text of the Icelandic “The Strand of Eymond”, as well as archaeological research data, a reconstruction of the main life stages of the sons of Prince Vladimir Svyatopolk, Boris and Gleb is presented, and the main reasons for the murder of the passion-bearing princes are identified.

In the process of research, special methods of cognition were used (historical-analytical and problem-chronological). The materials that form the basis of the study have been studied and analyzed taking into account the chronology of events and the need to obtain historical information from the scientific sources being studied. When comparing different theoretical views on the analyzed problems, the method of comparative and retrospective analysis was used.

The authors come to the conclusion that one of the reasons for the murder of Prince Boris was his announcement as the heir of Prince Vladimir, contrary to the then traditions of inheritance. Another reason was the conflict with the residents of Kyiv, which significantly made it easier for Prince Svyatopolk to

eliminate his half-brother. Activities related to the Christianization of the Murom lands became the reason for the murder of Prince Boris's younger brother, Prince Gleb.

Keywords: Prince Boris Vladimirovich, Prince Gleb Vladimirovich, Prince Svyatopolk the Accursed, Christianization, funeral rituals.

УДК 378.4 47(КРЫМ)

**П. А. ДВОЙЧЕНКО В ТАВРИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО-ГИДРОГЕОЛОГА**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

В научный оборот вводятся новые архивные документы личного происхождения о работе в Таврическом университете крупного крымского гидрогеолога Петра Абрамовича Двойченко (1883–1945). Восстановлены неизвестные ранее страницы биографии крупного крымоведа, связанные с работой в первом крымском университете. Раскрыта роль ученого в организации работы Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма, его контакты с академиком В. И. Вернадским. Дополнены данные о крымском научном окружении В. И. Вернадского. Показано, что Вернадский не только спасал в конце 1920 года университет в Крыму, но и пытался при содействии Двойченко довести ряд интересных и экономически перспективных для региона проектов, разработанных в Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма.

Ключевые слова: П. А. Двойченко, Таврический университет, крымоведение, Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма.

Образованный в суровом для страны 1918 году Таврический университет объединил в своих стенах для совместной работы сотни крупных отечественных ученых. Участие крупных российских научных деятелей в становлении первого

Петр Абрамович Двойченко

крымского университета до сих пор до конца не рассмотрено. Открывающиеся новые архивные бумаги позволяют все ярче осветить «золотые» для нашего вуза 1918–1920 годы, когда университетские кафедры были наполнены выдающимися представителями мировой научной элиты [1, с 144–145]. Среди малоизвестных имен, разработка биобиблиографии которых проводилась в последние годы, выделим Петра Абрамовича Двойченко (1883–1945). Имя крупного гидрогеолога долгое время находилось в забвении. Он был репрессирован. Образ ученого в истории крымоведения ярко проявился при восстановлении нами круга окружения академика В. И. Вернадского во время его работы в Таврическом университете. Изучая архивные бумаги, связанные с личными и научными крымскими коммуникациями

Вернадского, удалось определить незаурядную роль Двойченко в симферопольский период деятельности академика. Кроме службы в вузе Вернадский активно занимался научными исследованиями. Совместно с П. А. Двойченко, которого академик знал по предыдущим посещениям полуострова, они совершал экспедиции по разным районам Крыма [2].

П. А. Двойченко был избран приват-доцентом Таврического университета в феврале 1919 года по рекомендации профессора Николая Ивановича Андрусова. При новой власти он сохранил и должность губернского гидрогеолога, которую занимал с досоветского времени. Петр Абрамович с интересом разработал и читал в вузе курсы кристаллографии и минералогии на физико-математическом, агрономическом и медицинском факультетах [3, л. 5–6]. Наставником молодого преподавателя стал почвовед-геоботаник, профессор Георгий Николаевич Высоцкий (1865–1940). Специалист Комитета земельных дел Украины, защитивший в 1917 году Новороссийском университете диссертацию на степень доктора агрономии, 16 октября 1918 года Советом Таврического университета Высоцкий был избран на должность ординарного профессора по кафедре почвоведения. Однако в Крым он смог выехать из Киева только через год – в сентябре 1919-го. Ученый возглавил кафедру почвоведения Таврического университета, а в мае 1920 года и кафедру лесоводства [4, л. 78 об.]. Большую методическую помощь Двойченко в разработке новых курсов любезно оказал и служивший в университете с апреля 1920 года академик В. И. Вернадский. Он предложил начинающему преподавателю рекомендательные списки литературы для подготовки к лекциям, а также поделился имевшейся в его распоряжении научной литературой [5, с. 75].

Георгий Николаевич Высоцкий. 1912 год

*П. А. ДВОЙЧЕНКО В ТАВРИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО-ГИДРОГЕОЛОГА*

В мае – августе 1920 года, с приходом в университет В. И. Вернадского, Двойченко принимал активное участие в организации и деятельности созданной академиком Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма. Комиссия возникла изначально как структура в Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы, но почти сразу приобрела статус отдельной общественно-научной структуры. По задумке Вернадского она управлялась автономным Советом, куда входили представители Таврического университета, Таврической научной ассоциации и Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Организация была создана В. И. Вернадским по аналогии с Комиссией по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, организованной по его же инициативе в 1915 году.

Здание Таврического губернского земства в Симферополе

Председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма был избран В. И. Вернадский, а секретарем – Е. В. Вульф. Заседания этого

*Вернадский В. И. Портрет
Е. С. Зарудной-Ковос (Кавос)*

научно-практического сообщества проходили в период проживания Вернадского в Симферополе два раза в месяц в здании бывшего приюта графини А. М. Адлерберг, переданном Таврическому университету (ул. Пушкинская, 18). П. А. Двойченко, знавший местные природные ресурсы, был особенно востребован для работы по изучению полезных ископаемых. Занимаясь организацией Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма, Вернадский постоянно советовался с ним по вопросам залегания полезных ископаемых. Представленная крымским геологом информация позволяла оперативно показывать ответственным чиновникам канцелярии Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России полезность производимых учеными исследований и организовывать финансирование производимых работ.

Двойченко занимался организационными вопросами функционирования комиссии [6, с. 86, 91, 109]. В сложнейшее время революционных катаклизмов Вернадский и Двойченко умудрились организовать заявки от кооперативов (с предоплатой производимых работ) на исследование кила и местных хлебных злаков. Кроме того, они добились финансирования своих опытов от администрации П. Н. Врангеля [7, с. 7].

Понимая необходимость совмещения практической и теоретической составляющих, В. И. Вернадский обратился к Правителю и Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России П. Н. Врангелю с идеей издания фундаментального научного сборника о производительных силах Крыма. Он предлагал подготовить для сборника статьи об использовании силы ветров, месторождениях серы, кила, рыболовстве в Азовском море. Предполагалось рассмотреть именно те сферы природных богатств, которые могли помочь в развитии автономной экономической жизни полуострова. В той политической ситуации первой половины 1920 года это было крайне актуально. В. И. Вернадский просил выделить три миллиона рублей для издания книги [8]. Но по понятным причинам (безденежье и сложная военно-политическая обстановка) идея издания большой книги осталась нереализованной. Однако материал для нее целым рядом ученых университета тогда готовился.

Уже на втором заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма П. А. Двойченко (совместно с профессором А. А. Байковым) выступил с докладом «О крымском угле». Петр Абрамович в своей

части сообщения познакомил собравшихся с историей геологического изучения Крыма [9, с. 81]. Актуальность этих исследований в условиях необходимости организации автономной жизни полуострова трудно переоценить. Эти наработки, кстати, через десятилетие, с началом первой пятилетки, вновь станут актуальными. В умах местной интеллектуальной элиты они возродятся и зазвучат на трибунах научных съездов и конференций. Только почему-то, как это часто бывает, никто не вспомнит, кто первым этот вопрос начал разрабатывать...

Вместе с В. И. Вернадским в мае – летом 1920 года П. А. Двойченко совершил ряд пеших многодневных экспедиций по полуострову для сбора минералов. Отсюда и завязалась дружба двух неординарных деятелей эпохи. Как следствие этих «ученых экскурсий» был открыт Минералогический кабинет Таврического университета, которым стал заведовать Двойченко. На страницах дневника В. И. Вернадского в это время фамилия Двойченко упоминается неоднократно. 14(27) апреля 1920 года Владимир Иванович отметил: «Ужасно трудно работать – ничего нет. Еще Двойченко удивительно много сумел сделать» [10, с. 70]. Практически ежедневно крымский геолог консультировал Вернадского по различным аспектам истории изучения геологии полуострова, посвящал академика в работы по подготовке геологической карты региона [11, с. 459–460]. В том числе он подробно знакомил Владимира Ивановича с результатами их совместных исследований, проведенных еще с К. К. Фохтом, так к тому времени не изданных [12, с. 73].

Здание приюта графини А. М. Адлерберг. Здесь располагался ректорат Таврического университета

К этому бурному периоду работы Двойченко в Университете и началу его активной организационной деятельности по совместным с Вернадским ученым и коммерческим проектам относится первое из дошедших до нас писем П. А. Двойченко к В. И. Вернадскому. Оно не датировано. Текст относится, согласно упоминанию событий в дневнике В. И. Вернадского [13, с. 90.], к 9(22) июня 1920 года. Послание написано в Симферополе. Профессор Вернадский тогда проживал за городом. Он переехал с «жуткого места» возле городского рынка в тихое имение «Салгирка», где в помещениях Помологической станции расположился агрономический факультет и были лаборатории для научной работы.

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Весьма сожалею, что не встретился с Вами. Пришел в земство я тотчас же после Вашего ухода. Опоздал на 1/2 часа не по своей вине, но надеялся Вас застать, т. к. Вы обещали быть между 10 и 11 часами, а в 10 1/2 я уже был в управе. Вел продолжительную беседу с А. А. Стевенем по поводу музея. Оболенский назначил совещание на пятницу вечером. Я протестую в виду того, что в пятницу общее собрание комиссии. Полагаю, что заседание отложат, но трагизм в том, что в субботу или пятницу Оболенский уезжает. Керосин обещают, но самого Рихтера в земстве нет и потому окончательного ответа дать нельзя. Сегодня говорил с дядькой того г[осподина] Синани, который уехал за границу. Сейчас он в Париже, откуда поедет в Лондон. Никаких способов сношения нет и, кажется, наш дополнительный заказ к нему в руки не попадет. Надо искать способов пересылки письма. В четверг к 5 час[ам] буду в Салгирке, этого я не забыл. Бумаги все я написал и посылаю с Владимиром.

Глубоко уважающий Вас П. Двойченко» [14, л. 1].

Остановимся на затронутых в послании событиях и персоналиях. Речь в письме про Естественно-исторический музей Таврического губернского земства, который располагался в нескольких комнатах земской управы. Экспонаты там уже не помещались, а посетители при осмотре, пробираясь вдоль витрин, толкали друг друга. Давно назрела необходимость выделения для уникального собрания другого, просторного отдельного здания, о чем Вернадский неоднократно беседовал с председателем Таврического губернского земства Владимиром Андреевичем Оболенским (1869–1951). Такой разговор состоялся, как свидетельствует дневниковая запись Вернадского, и в этот день [15, с. 90].

Упомянут внук основателя Никитского ботанического сада Х. Х. Стевена и сын первого председателя Таврической ученой архивной комиссии А. Х. Стевена (1844–1910) Александр Александрович Стевен (1879–1920) – бывший министр продовольствия, торговли и промышленности, а также одновременно исполнявший обязанности министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественных работ во втором краевом правительстве С. С. Крыма, который служил в 1920-м председателем продовольственного (затем – аграрного) отдела Таврической губернской земской управы. Очевидно, он имел возможность повлиять на ситуацию с размещением музея. На это указывает и сам Вернадский, отметивший в дневнике:

«Двойченко в назначенный час не пришел. Послал ему письмо с Владимиром. <...> Написал Дв[ойченко], чтобы подействовал на Стевена» [16, с. 90].

По приглашению В. И. Вернадского в Крыму в это время проводил полевые исследования гидрогеолог Роман Романович Выржиковский (1891–1937) – выпускник естественного отделения Университета Святого Владимира. Он служил геологом в Одесском отделении Комитета военно-технической помощи. Работы велись по программе Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма совместно с П. А. Двойченко. Целью было выявление полезных ископаемых для возможного существования полуострова в условиях самостоятельного государственного образования [17, л. 1]. Спустя время, в 1927 году, в письме к В. И. Вернадскому Выржиковский отмечал, что смог тогда открыть новое месторождение угля в Крыму Камбич-Дере «теоретически предвиденное П. А. Двойченко» [18, л. 3].

Здание бывшего Воронцовского дома в имени Салгирка, где проживала семья Вернадских

С избранием В. И. Вернадского ректором Таврического университета 10 октября 1920 года и появлением у него массы хлопот, связанных с организацией работы вуза, на Петра Абрамовича перешел ворох работ по организации профинансированных кооператорами и правительством научных проектов. Именно он вел всю переписку и фактически являлся секретарем Вернадского по работе

Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма. Ситуация резко поменялась в ноябре 1920 года, когда Симферополь, а потом и весь полуостров был захвачен красными. Таврический университет объявлен закрытым. В. И. Вернадский вступил в диалог с Крымревкомом и смог найти аргументы для продолжения работы университета в новом формате. Благодаря этому выжила и смогла потом вернуться в академические центры страны профессура, а также студенчество [19, с. 34–44]. Это было крайне сложно. Вторым существовавшим в Крыму вуз – Боспорский университет в Керчи был бесцеремонно и безапелляционно разогнан красными [см. подробнее: 20].

Беспокоясь о судьбе начатых значительных работ по изучению полезных ископаемых полуострова после занятия Крыма большевиками, Вернадский поручил Двойченко подготовить специальную записку новым властям (председателю Крымревкома). Предложенный коллегой текст академику не понравился. Он его практически полностью переписал (отредактировал). Обращаясь к Бела Куну, В. И. Вернадский изложил историю появления Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма и рассказал о проведенной работе по подготовке фундаментального издания «Естественно-производительные силы Крыма», которое уже новые власти он просил издать (выделить средства) весной 1921 года. Он подробно раскрыл структуру предполагаемой книги и практическую ее ценность для дальнейшего экономического процветания полуострова. Отдельно В. И. Вернадский просил профинансировать работы членов Комиссии, среди которых первым номером назвал «составленные приват-доцентом П. А. Двойченко и готовых к печати таблиц и карт Крыма. Необходимо заметить, что ни геологической, ни минералогической карты Крыма нет, а для решения всех практических задач это совершенно необходимая и первостепенная работа. Прошу обеспечить П. А. Двойченко несколько месяцев (2–3) для окончательной отделки этой работы» [21, с. 91].

Верил ли Вернадский, что существует хотя бы лучик надежды в удовлетворении его просьб о финансировании научных работ Двойченко и выпуску книги. Безусловно, этим обращением к новой власти он защищал ближайшее окружение от возможной расправы, которая массово творилась по всему полуострову. Письмо В. И. Вернадского, адресованное к академику-минералогу Александру Евгеньевичу Ферсману 18 января 1921 года раскрывает обширные планы академика. А тон письма говорит о том, что он видел перспективу их реализации. В письме упоминается Двойченко, который читает в университете минералогию. Вернадский просит Ферсмана организовать доставку в Симферополь учебных и научных изданий в этой области наук. Академик констатировал: «В Комиссии по изучению производительных сил Крыма, где я председателем, сейчас идет энергичная работа. Издаем Сборник выпусками. Сданы в печать: 1) Попов. Металлы Крыма (кроме железа), 2) Качерин. Белый уголь Крыма. Сдается в ближайшее время. 3) Пузанов. Морской промысел Крыма и 4) Байков. Террасы Крыма. Готовится ряд очерков. Отдельно идут: Карты осадков (Вознесенский), геологическая карта Крыма и отдельно Керченского полуострова (с таблицами)

(Двойченко), ботаническая карта и очерк Яйлы (Вульф), определитель крымской флоры (Кузнецов). Начали работу в большом масштабе над килом. Сегодня выезжает для добычи Выржиковский. Работа под руководством моим, Байкова и Лучицкого. Над серой и нефтью работает Мокринский. Химическую часть бешуйской нефти и крымского угля обрабатывает Байков. Дубровский поставил опыты над использованием соломы и злаков для изготовления бумаги; пытаемся организовать местные фабрики. Я начинаю анализ рыб. Здесь жду интереснейших результатов» [22, с. 98–99]. К сожалению, в связи с внезапным отъездом Вернадского, который фактически был выслан из Крыма, данные издательские проекты не были реализованы. Часть исследований будет напечатана в последующем десятилетии (например, работы А. А. Байкова, И. И. Пузанова).

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Академик Василий Бартольд в историческом крымоведении: неизвестные страницы научной биографии // Вопросы истории.– Москва, 2022.– № 7(2).– С. 139–152.
Nepomnyashnij A. A. Akademik Vasilij Bartol'd v istoricheskom kry`movedenii: neizvestny`e stranicy nauchnoj biografii // Voprosy` istorii.– Moskva, 2022.– № 7(2).– S. 139–152.
2. Непомнящий А. А. Крымские корреспонденты академика В. И. Вернадского (1920–1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– Екатеринбург, 2021.– Т. 23, № 3.– С. 70–86.
Nepomnyashnij A. A. Kry`mskie korrespondenty` akademika V. I. Vernadskogo (1920–1930-e gg.) // Izvestiya Ural`skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarny`e nauki».– Ekaterinburg, 2021.– T. 23, № 3.– S. 70–86.
3. СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 212.
SPbF ARAN, f. 155, op. 2, d. 212.
4. ГАРФ, ф. Р-4959, оп. 1, д. 24.
GARF, f. R-4959, op. 1, d. 24.
5. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: Январь 1920 – март 1921 / Сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская и др.– Киев: Наукова думка, 1997.– 321 с.
Vernadskij V. I. Dnevnik, 1917–1921: Yanvar` 1920 – mart 1921 / Sost. S. N. Kirzhaev, A. V. Memelov, V. S. Neapolitanskaya i dr.– Kiev: Naukova dumka, 1997.– 321 s.
6. Там же.
Tam zhe
7. Вернадский В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники.– Петроград, 1921.– № 4.– С. 3–12.
Vernadskij V. O nauchnoj rabote v Kry`mu v 1917–1921 gg. // Nauka i ee rabotniki.– Petrograd, 1921.– № 4.– S. 3–12.
8. Комиссия по изучению производительных сил // Таврический голос.– Симферополь, 1920.– № 240(390).– 31 мая (13 июня).
Komissiya po izucheniyu proizvoditel`ny`x sil // Tavricheskij golos.– Simferopol`, 1920.– № 240(390).– 31 maya (13 iyunya).
9. Лавров В. В. В. И. Вернадский и общество научных знаний: из ранней истории деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, Украины и Крыма, 1915–1921 гг.: 100-летию создания КЕПС России посвящается / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского.– Пенза, 2016.– 292 с.
Lavrov V. V. V. I. Vernadskij i obshhestvo nauchny`x znaniy: iz rannej istorii deyatel`nosti Komissii po izucheniyu estestvenny`x proizvoditel`ny`x sil Rossii, Ukrainy` i Kry`ma, 1915–1921 gg.: 100-letiyu sozdaniya KEPS Rossii posvyashhaetsya / Kry`mskij federal`ny`j un-t im. V. I. Vernadskogo.– Penza, 2016.– 292 s.

10. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: Январь 1920 – март 1921 / Сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская и др.– Киев: Наукова думка, 1997.– 321 с.
Vernadskij V. I. Dnevniky, 1917–1921: Yanvar` 1920 – mart 1921 / Sost. S. N. Kirzhaev, A. V. Memelov, V. S. Neapolitanskaya i dr.– Kiev: Naukova dumka, 1997.– 321 s.
11. Непомнящий А. А. «Сделался в Крыму излишним»: перипетии судьбы профессора П. А. Двойченко (по материалам переписки с В. И. Вернадским) // Научный диалог.– Екатеринбург, 2023.– Т. 12, № 2.– С. 454–473.
12. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: Январь 1920 – март 1921...
Vernadskij V. I. Dnevniky, 1917–1921: Yanvar` 1920 – mart 1921
13. Там же.
Tam zhe
14. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 506.
15. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: Январь 1920 – март 1921...
Vernadskij V. I. Dnevniky, 1917–1921: Yanvar` 1920 – mart 1921
16. Там же.
Tam zhe.
17. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 376.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 376.
18. Там же.
Tam zhe.
19. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.
Istoriya Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentax i fotografijax / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashhij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.
20. Непомнящий А. А. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН.– М., 2020.– Вып. 72.– С. 391–404.
Nepomnyashhij A. A. Bosporskij universitet: «Neobxodimost` sozdaniya takogo centra yavlyayetsya sejchas nasushhnoj potrebnost`yu» // Dialog so vremenem: al`manax intellektual`noj istorii / In-t vseobshhej istorii RAN.– M., 2020.– Vy`p. 72.– S. 391–404.
21. Лавров В. В. Указ. соч.
Lavrov V. V. Ukaz. soch.
22. Вернадский В. И. Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману / Сост. Н. В. Филиппова; предисл. И. И. Тучкова, А. А. Ярошевского.– М.: Наука, 1985.– 272 с.
Vernadskij V. I. Pis`ma V. I. Vernadskogo A. E. Fersmanu / Sost. N. V. Filippova; predisl. I. I. Tuchkova, A. A. Yaroshevskogo.– M.: Nauka, 1985.– 272 s.

Nepomnyashchy A. A. P. A. Dvoichenko at the Taurida University: unknown pages of the biography of a hydrogeologist

New archival documents of personal origin about the work of a major Crimean hydrogeologist Pyotr Abramovich Dvoichenko (1883–1945) at the Taurida University are being introduced into scientific circulation. Previously unknown pages of the biography of a major Crimean scholar related to work at the first Crimean university have been restored. The role of the scientist in the organization of the work of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of the Crimea, his contacts with Academician V. I. Vernadsky are revealed. The data on the Crimean scientific environment of V. I. Vernadsky are supplemented. It is shown that Vernadsky not only saved the university in Crimea at the end of 1920, but also tried, with the assistance of Dvoichenko, to bring a number of interesting and economically promising projects for the region developed in the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of the Crimea.

Keywords: P. A. Dvoichenko, Taurida University, Crimean Studies, Commission for the Study of the Natural Productive Forces of the Crimea.

УДК910.4(495):929

ЕВГЕНИЙ ДЕ ВИЛЬНЁВ: НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ И ЕГО «ГРЕЧЕСКИЙ ДНЕВНИК, 1825–1826 ГОДЫ»

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Беднарчик Г. И.

*Колледж Черниховски
г. Нетания, Израиль
E-mail: gadbed@yahoo.fr*

О дороссийском периоде жизни Евгения Францевича (Эжена) де Вильнёва (1803 – 1870-е) – неперменного члена Феодосийского центрального карантина, заведующего Феодосийским музеем древностей, одного из первых археологов, исследовавших античные и средневековые памятники Крыма, автора книги «Исторический и художественный альбом Тавриды» – ещё недавно мы почти ничего не знали. Открытием для нас стали фрагмент, посвящённый де Вильнёву, в сочинении француженки Адели Оммер де Гелль и ранее не фигурировавшие в отечественной литературе книга Эжена де Вильнёва «Греческий дневник: 1825–1826 годы», опубликованная в Брюсселе в 1827 г., а также заметка в «Journal des débats politique set littéraires» за 1827 г. Перевод Г. И. Беднарчиком этих текстов с французского языка на русский (который мы здесь и представляем) позволил не только узнать подробности жизненных перипетий де Вильнёва до его появления в России (как выяснилось, он был одним из героев освободительной борьбы греков против турецкой зависимости), но, что важно, получить дополнительные свидетельства о событиях в Европе 1820-х гг., причём из рук активного участника этих событий.

Ключевые слова: французы в России (XIX век), Евгений Францевич (Эжен) де Вильнёв, Греческая война за независимость 1820-х годов, Таганрог, Феодосия.

*Над Грецией прошли врагов знамёна,
Огонь и сталь её терзали лоно...*

Но жив твой вечный дух среди пепла и камней...

О Греция! Восстань же на борьбу!

Дж. Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда. 1812–1818 гг.

«Нам посчастливилось повстречать в Таганроге француза, жизнь которого могла бы послужить сюжетом для очередного произведения Александра Дюма, так как сама природа будто нарочно постаралась сделать из него героя литературного романа. Своей красотой схожий с Антиносом, наделённый природой богатым воображением, он обладал неуёмной жадностью следовать за самыми фантастическими

и героическими поворотами своей жизни» (пер. с франц. Г. И. Беднарчика) [15, р. 54–55. См. также пер. с франц. А. В. Миргородского: 5].

Так французская путешественница Адель Омер де Гелль¹ в книге «Путешествие по степям Каспийского моря и по южной России», опубликованной в Париже в 1860 г., охарактеризовала Эжена (Евгения Францевича) де Вильнёва (1803 – 1870-е) – личность необыкновенную, человека удивительной и непростой судьбы, чьё имя прочно вошло в историю культуры Крыма XIX столетия.

Француз на российской службе², Евгений Францевич де Вильнёв известен нам как неперенный член правления Феодосийского центрального карантина (1848 – 1867/8 гг.), как корреспондент (1848 г.), а затем и действительный член (1851 г.) Одесского общества истории и древностей, как один из лучших заведующих Феодосийским музеем древностей (1849–1865 гг.) и один из первых археологов, исследовавших античные и средневековые памятники Крыма³, наконец, как автор книги «Исторический и художественный альбом Тавриды» [19], созданной совместно с феодосийским художником Викентием Осиповичем Руссеном и выходящей в Париже с 1853 г. в течение нескольких лет [9–13; 14, с. 147 слл.; 19]. В 2015 г. этот альбом, ставший библиографической редкостью, был издан Э. Б. Петровой на русском языке (в переводе с франц. А. В. Карпенко), с комментариями к текстам де Вильнёва и литографиям Руссена, а также с их биографиями [12].

Но о жизни Евгения Францевича до его появления в Крыму долгое время мы знали очень мало – в основном то немногое, что можно было почерпнуть из его же «Исторического и художественного альбома Тавриды» и из архивных документов, в частности тех, что хранятся в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) [См. отсылки на архивные материалы: 12, с. 9–11, 219 слл.; 14, с. 147–149].

Образование де Вильнёв получил во Франции. Являлся членом Парижского исторического института. В 1837 г. в возрасте 34 лет покинул родину и навсегда переехал в Россию. Он занял в Таганроге невысокий пост учителя французского языка в местной мужской гимназии⁴, одновременно в 1840–1842 гг. преподавал французский в местном уездном училище. В 1842 г. в Новороссийском войсковом правлении принял присягу на подданство России. В следующем году получил чин коллежского секретаря. 29 апреля 1844 г.⁵ ушёл в отставку и 12 июня этого же года произведён в титулярные советники «за выслугу лет». Вскоре его причислили к медицинскому департаменту Министерства внутренних дел и 9 августа 1845 г.

¹ Адель – жена учёного-геолога Ксавье Омер де Гелль – много путешествовала вместе с супругом, в том числе по южной России и Крыму (1838–1840 гг.). В 1839 г. они посетили город Таганрог, и Адель рассказала об этом в своей книге [15]. О жизни и сочинениях супругов Омер де Гелль см.: [7; 8].

² «Скорее всего, он принадлежал к обедневшей ветви древнего дворянского рода» [14, с. 147, прим. 53].

³ С 1849 г. он проводил разведки и раскопки в окрестностях Старого Крыма и с 1852 г. – в Феодосии, вскрывая курганы античного времени на горе Тепе-Оба.

⁴ В документах ГАРК Е. Ф. де Вильнёв значится на российской службе с 10 марта 1839 г. (по ст. ст.).

⁵ Все даты приводятся по старому стилю.

командировали в Одесский карантин. 5 июля 1848 г. переместили в Феодосийский центральный карантин. Вот, собственно, и все основные факты биографии Евгения Францевича, которыми мы располагали.

Между тем сравнительно недавно в Интернете появился фрагмент (в переводе с франц. А. В. Миргородского) из упомянутой нами книги Адели Омер де Гелль с рассказом о пребывании супругов Омер де Гелль в Таганроге, об иностранцах, с которыми они там встречались, среди них – француз «господин *de V.*» [15, р. 54–57; 6]. Этот рассказ привлёк внимание Е. А. Шапочки, сотрудницы таганрогской Центральной городской библиотеки, и она безошибочно определила, что «господин *de V.*» и есть Эжен (Евгений Францевич) де Вильнёв [5].

Прочитываем красочный фрагмент из сочинения Адели Омер де Гелль, посвящённый Эжену де Вильнёву (пер. с франц. Г. И. Беднарчика):

«Ещё в возрасте восемнадцати лет, проникнувшись огромной симпатией к делу борьбы греков за независимость, охватившей всю Европу, он поспешил сыграть свою роль в этой романтической революции и принял участие во всех перипетиях и опасностях борьбы между эллинами и турками¹.

Сражаясь на этой войне в качестве то партизана, то моряка, то дипломата, он в разной степени общался с блестящими личностями, настоящими метеорами, освещавшими своими подвигами борьбу за независимость греческого народа. И, в качестве высшего предела счастья, случай, ниспосланный провидением, позволил нашему герою спасти жизнь красавице смирнотке², сердце которой он, естественно, покорил и на которой при первой же передышке женился.

Сразу же после свадьбы молодая пара отправилась в путешествие, посещая все монаршие дворы Европы, где молодую гречанку, благодаря прекрасному костюму смирнотки и точёной фигурке, принимали с большим энтузиазмом. В Москве она настолько понравилась находившейся там в то время императрице, что вокруг стали поговаривать о том, что скоро гречанка станет фрейлиной Её Величества³. С другой стороны, во всех московских салонах только и говорили, что о красавице французе, вскружившем голову всем московским дамам, в результате чего с ним случилось приключение, которое подобно взрыву бомбы оставляет после себя одни лишь руины. Как он выбрался из всего этого живым и здоровым, наш герой и сам не мог объяснить, настолько опасность была велика.

Семейная пара укрылась в Париже, где супруг постарался обрести прочное положение, в котором они оба так нуждались после всех годов, растроченных в путешествиях. Однако счастливая звезда изменила господину де В. (*de V.*), и в один прекрасный день наш герой счёл за счастье согласиться на должность учителя французского языка в Таганроге, которое ему предложили городские власти при

---

¹ Эжен де Вильнёв прибыл в Грецию в возрасте 22-х лет и пробыл там менее двух лет. Адель писала книгу много позже того времени, когда побывала в Таганроге, и могла что-то забыть. О греческой эпопее де Вильнёва и событиях его жизни до переезда в Россию она могла знать по рассказам самого Эжена и его супруги.

² Смирна – греческий город на западном побережье Малой Азии (ныне турецкий город Измир).

³ Александра Фёдоровна, супруга российского императора Николая I.

посредничестве одного из его друзей. Даже если вы обрядите корсара Манфреда¹ в мантию прокурора, это покажется менее странным, чем преобразование космополита в педагога! Судьба богата на чудные капризы, когда она ссылает к берегам Азовского моря два существа, воплощающие своей красотой самые очаровательные образы поэзии и драмы.

Госпожа де В. (*de V.*), благодаря своим тёмно-синим глазам, чёрным как смоль волосам и смуглой коже, соединяла в себе весь левантский шарм и напоминала мне Зулейку или ещё какую-нибудь героиню Байрона. Что касается её мужа, то он больше похож на «Гяура» Ари Шеффера².

Когда мы познакомились с ними, эта пара уже два года, как проживала в Таганроге. Господину де В. (*de V.*) и его жене было около сорока лет, хотя оба выглядели лет на тридцать, не больше³» [15, р. 55–57].

Подтверждением того, что в этом фрагменте Адель Омер де Гелль рассказала о Евгении де Вильнёве и его жене, стали для нас два источника, совсем недавно обнаруженные Г. И. Беднарчиком.

Во-первых, это книга Эжена де Вильнёва «Греческий дневник: 1825–1826 годы», вышедшая из печати в Бельгии в 1827 г. [18]. В ней Евгений Францевич поведал о бурных событиях своей молодости, представ перед нами искателем приключений, борцом за свободу греческого народа и писателем-мемуаристом.

Во-вторых, заметка в парижской «Газете политических и литературных дебатов» за 31 октября 1827 г., в которой сообщалось (пер. с франц. Г. И. Беднарчика): «Господин Эжен де Вильнёв, французский филэллин, сражавшийся в Греции за идеалы христианства и гуманизма, а также его супруга Анжела Кацаити, молодая гречанка из благородной семьи, несколько дней назад имели честь быть представленными королю и наследному принцу Баварии, которые приняли их с большой благосклонностью⁴. Выйдя из королевского замка, молодая гречанка была растрогана до слёз. Она унесёт с собой на родину, куда намерена вернуться вместе с мужем, самое неизгладимое впечатление от встречи с монархом, являющимся кумиром и другом своего народа. О благодеяниях этого великого человека она расскажет своим соотечественникам на развалинах Спарты и Афин» [16].

Теперь у нас нет сомнения в том, что «господин *de V.*» – Эжен де Вильнёв, а «госпожа *de V.*» – Анжела Кацаити, его жена. Заодно мы немало узнали, как складывалась судьба Евгения Францевича до его переезда в Россию, когда годы войны и испытаний сменились мирной жизнью.

---

¹ Манфред – имя героя поэмы Джорджа Гордона Байрона «Манфред» (1817 г.).

² «Гяур» – картина французского художника Ари Шеффера. Образ Гяура навеян героем поэмы Джорджа Байрона «Гяур» (1813 г.).

³ В 1839 г., когда супруги Омер де Гелль находились в Таганроге, Евгению де Вильнёву было 36 лет.

⁴ Супруги Вильнёв были представлены Людовику I, королю Баварии (1825–1848 гг.), и его наследнику – старшему сыну Максимилиану (с 1848 г. – Максимилиан II).

Эжен был одним из тех добровольцев, которые приняли бой греков, почти четыре столетия пребывавших под гнётом Османской империи, как свою собственную, и пришли им на помощь, оставив все свои дела и рискуя собственной жизнью. Вооружённая борьба греческого народа за независимость длилась почти десять лет (1821–1829 гг.) и завершилась победой греков¹. Немаловажную роль в событиях этой войны играли Россия, Великобритания, Франция и добровольцы из этих и других государств.

Что же рассказал о своей греческой эпопее Эжен де Вильнёв?

Он приехал в Грецию в самом начале 1825 г. Пребывание в этой стране и участие в военных действиях – судьбоносный эпизод в его жизни. Там юношеский романтизм сменился уверенностью в правоте своего выбора – стать на защиту униженного и лишённого свободы народа, посвятить себя борьбе за справедливость. Твёрже становился его характер, формировались представления об окружающем мире и людях.

Он не сомневался в том, что зависимость Греции от Турции – «самая ужасная в мире деспотия», и готов был «даже в одиночку сразиться со всей турецкой армией». В дневнике Эжен пишет: «<...> я покинул свою семью и присоединился к греческим фалангам борцов за независимость, чтобы иметь счастье разделить с ними их участь и тяготы борьбы».

Его настолько волновала судьба угнетённого народа, что он не только завоёвывал свободу Греции с оружием в руках, но отправился в Россию с тем, чтобы убедить императора Николая I спасти братьев-греков от турецкого ига.

Помимо того, Греция манила молодого человека своей богатейшей историей и культурой. Очевидно, что ещё раньше, на родине, он увлекался историей, в особенности древней; возможно, античная история составляла часть его образования. Неслучайно он стал членом Парижского исторического института (к сожалению, мы не знаем, с какого времени). В Грецию Эжен прибыл со знанием греко-римской мифологии, поэм Гомера, сочинений Плутарха и других античных авторов. Несмотря на обстановку военного времени, в разных местах, когда удавалось, осматривал древние памятники и явно с удовольствием, а порой и с душевным трепетом, описал в своём дневнике те, что видел. Чего стоит его восклицание: «О Греция! О Афины! Какое глубокое почтение я испытываю к вам!.. Мои дрожащие от волнения ноги едва осмеливаются ступить по этой священной земле... Они опасаются осквернить могилу героя или потревожить отдых какого-нибудь божества».

Посещение тех мест, где могли быть остатки гомеровской Трои (раскопкам Г. Шлимана на холме Гиссарлык, под которым, возможно, были скрыты её руины, предстояло начаться много времени спустя), стало поводом для глубоких раздумий: «Но разве цари, следуя своим низменным страстям, хоть когда-либо задумываются о чём-нибудь?». Воображение переносит Эжена во времена Троянской войны. Он

---

¹ По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Греция получила автономию, а в 1832 г. был подписан Константинопольский договор – и Греция стала независимым государством.

видит Гектора, «предающего огню греческие корабли», «пылкого» Ахилла и «ринувшегося в самую гущу троянцев» Патрокла. И далее: «<...> я следую за Ахиллом в его палатку; вижу лицо этого воина, залитое слезами, смотрящее на труп Патрокла. Вижу несчастного царя Трои, на коленях умоляющего молодого героя выдать ему останки Гектора». Всё описано так зримо, как будто сам де Вильнёв, уже испытавший ужасы военного времени, насмерть стоял рядом с легендарными гомеровскими героями.

Пребывание в Греции углубило его познания, усилило интерес к античной истории, который потом, много времени спустя вылился в нечто большее: Евгений Францевич возглавил Музей древностей в Феодосии и занялся археологическими изысканиями, в первую очередь, на античных памятниках¹.

Не менее важно и то, что в Греции у Эжена де Вильнёва появился интерес к России, ведь её участие в судьбе греческого народа было особенно велико: «<...> дети Спарты и Афин не будут истреблены; сердце Николая² открыто для чести и справедливости», Грецию спасёт героическая русская армия.

Наконец, пребывание в Греции решило судьбу нашего героя: там Эжен нашёл любовь всей своей жизни. Красавица гречанка Анжела Кацаити стала его женой, разделив с мужем все неожиданные перемены в его жизни.

С семьёй Анжелы он познакомился в июне 1825 г. Эжен тяжело болел, и Кацаити по доброте душевной взялись ухаживать за ним. В феврале 1826 г. ему посчастливилось вновь случайно встретиться с этой семьёй и помочь ей в беде. И уже 22 марта этого же года он обвенчался с младшей из сестёр Кацаити – Анжелой.

Здесь нельзя не упомянуть об одном противоречии, обратившем на себя наше внимание. Из рассказа Адели Омер де Гелль следует, что супруги де Вильнёв были примерно одного возраста, что вполне естественно, ведь Эжен женился довольно рано – в 23 года. В документах ГАРК неоднократно упоминается жена члена правления Феодосийского карантинного управления Евгения Францевича де Вильнёва – Ангелина Анастасьева или Ангелия Анастасьевна, православного вероисповедания³, указывается, что брак был бездетным. При этом в ряде списков карантинных чиновников отмечается, что жена Евгения Францевича почти на двадцать лет его моложе [см. например: 1, л. 6; 2, л. 4 об.; 3, л. 6 об.; 4, л. 2 об.]. Это, конечно, случайная ошибка – таковые в документах с подобными сведениями встречаются (ошибка автоматически переносилась из списка в список, которые периодически составлялись и мало отличались друг от друга). Анжела и Ангелина-Ангелия –

¹ Он прибыл в Феодосию из Одессы (где прожил три года) в июле 1848 г. Незадолго до этого Феодосийский музей древностей лишился заведующего и находился в бедственном положении. Одесское общество истории и древностей решило взять музей под свою опеку и предложило именно де Вильнёву занять эту должность, так как ещё во время пребывания в Одессе он зарекомендовал себя как знаток истории, наверняка был знаком с одесскими членами Общества, возможно, выполнял какие-то поручения Общества, связанные с охраной памятников старины. И уже в августе 1849 г. Таврический гражданский губернатор извещал письмом правление Феодосийского карантинного управления Евгения Францевича заведовать музеем. [См.: 12, с. 11–13.]

² Императора Николая I.

³ Е. Ф. де Вильнёв – римско-католического.

идентичные имена, произошедшие от греческого «ангелос», «ангел». Анастасьева, Анастасьевна – отчество, которое получила жена де Вильнёва в России (Анастас – имя греческое, так звали её отца)¹. И Эжена стали именовать, как у нас принято, по имени-отчеству: Евгений Францевич.

«Греческий дневник: 1825–1826 годы» опубликован в 1827 г., то есть вскоре после описанных в нём событий. Очевидно то, что во время пребывания в Греции Эжен де Вильнёв вёл записи, а на обработку текста у него было немного времени. Его книга – не воспоминания о былых событиях, когда кое-что, а иногда и многое уже забыто, а это рассказ, написанный по свежим следам. Отсюда его ценность как исторического источника. Из него мы узнаём не только о жизненных перипетиях автора, но, что важно, получаем дополнительные свидетельства о событиях в Европе исторической значимости, причём из рук активного участника этих событий. Такие свидетельства, как правило, бывают в большей или меньшей мере субъективными. Но ценность их именно в том, что мы получаем восприятие событий через переживания их свидетелей, да и описания такие обычно конкретны, без пренебрежения к мелочам, деталям. А это конкретизирует и, если так можно сказать, очеловечивает наши представления о прошедшем.

«Греческий дневник» – сочинение довольно объёмное, если учесть, что хронологически оно охватывает сравнительно короткий период – два года из жизни его автора и из истории длительной борьбы греческого народа за независимость.

Де Вильнёв подробно описывает своё участие, как добровольца, в освободительной войне греков. В Грецию он прибыл на корабле с командой из 26 греков и сразу погрузился в гущу событий. Знакомство и общение со многими активными деятелями событий военного времени дали возможность быстро войти в курс дел, сориентироваться в обстановке и начать действовать.

Эжена зачислили в греческую армию в звании капитана кавалерии (похоже на то, что к тому времени он уже имел некоторый опыт в военных делах). В книге есть портрет де Вильнёва в греческой военной форме (рисунок неизвестного художника).

Описания военных действий представлены в дневнике со многими подробностями, с указанием на время и место событий, численность военных отрядов. Так рассказать о военных операциях мог только их участник, причём не дилетант в военном деле. Эпизоды, связанные с личным участием де Вильнёва в боевых действиях, яркие, красочные, с налётом романтизма, свидетельствую о том, что он – безусловно, герой! «Насколько счастлив тот, кто выполнил свой долг!» – восклицает Эжен.

Книга пестрит географическими названиями, личными именами. Эжен де Вильнёв быстро сходился с людьми. Среди его знакомых, в том числе ставших друзьями, немало известных в истории личностей. Он даёт чёткие, ёмкие характеристики своим соратникам по борьбе, высоко оценивает душевные качества

---

¹ В документах Феодосийского карантина она, как и другие жёны членов карантина, названа по имени и отчеству, без фамилии. Её фамилия по мужу – де Вильнёв – подразумевалась.

разных людей – и не только тех, с кем бок о бок воевал, но и простых жителей Греции, мужчин и женщин. Это целая галерея портретов – в основном, конечно, греков, но и других европейцев тоже¹.

Вильнёв находился в Греции недолго, какие-то горькие для него и неизвестные нам события заставили его на время уехать с супругой в Россию. Это случилось через несколько месяцев после их женитьбы. Судя по всему, им помогли выехать из Греции его друзья, среди которых были особы высокого ранга².

Пребывание в России навяло воспоминания о наполеоновских временах, о гибели французских солдат вдали от родины. Сердце Эжена переполнено жалостью к своим соотечественникам, которых он считает героями и говорит об их подвигах. Нам, однако, не понять чувства Вильнёва, ведь речь идёт о нашей родине, о России, испытавшей нашествие французских войск. И мы называем героями Отечественной войны 1812 г. русских солдат, но никак не французских.

Книга Эжена завершается «Дополнительными заметками». Они посвящены России, пребыванию супругов де Вильнёв в течение полугода в Москве (с сентября 1826 г.), в них говорится о русских людях, их отношении к событиям освободительной борьбы греков. И нам, конечно, интересен взгляд иностранца на далёкую для Западной Европы Россию – ту самую Россию, которая победила Наполеона и встала на защиту греческого народа.

В Москве Эжена и Анжелу встретили с большой теплотой, на них «обрушился поток приглашений». Супругов де Вильнёв представили княгине Зинаиде Александровне Волконской – хозяйке славившегося тогда литературно-музыкального салона на Тверской. Эжен обращает внимание на то, что «на блестящих приёмах в доме у княгини <...> всегда звучали пожелания свободы для Греции». Всеобщий восторг вызвало греческое происхождение жены Вильнёва. Анжелу, «выросшую под крышей хижины в Аркадии», по рекомендации княгини Волконской принимали в Кремле император Николай I и императрица.

Эжен нашёл новых друзей, почувствовал родство душ с русскими, так же, как и он, болевшими за судьбу Греции. «Я бы мог назвать, – уверяет он, – около

---

¹ С подчёркнутой теплотой пишет де Вильнёв, например, о принце Карле Прусском (1801–1883), сыне короля Пруссии Фридриха Вильгельма II. Примечательно, что свой «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгений Францевич посвятил Карлу Прусскому – в знак «глубокого уважения и благодарности» (принц принял участие в финансировании альбома). Заодно отметим, что альбом издавался по подписке, и де Вильнёв счёл необходимым снабдить книгу списками подписавшихся на неё. Альбом захотели приобрести многие библиотеки и учебные заведения разных городов России, а также многие известные в России и Западной Европе люди [12, с. 45]. Среди них принц Карл Прусский и правительство короля Пруссии, российский император Николай I и его супруга Александра Фёдоровна, цесаревич – будущий император Александр II; перечисляются имена подписчиков – из Петербурга, Мариуполя, Одессы, Харькова, Феодосии, Ялты и из Таганрога, где, конечно, помнили учителя французского языка де Вильнёва. Среди подписавшихся было немало знакомых Евгения Францевича, уверенных в том, что альбом будет интересным и красивым.

² Кажется, в молодости Эжена преследовали неприятности. И в Москве, куда он прибыл с женой из Греции, по воспоминаниям Адели Омер де Гелль, «с ним случилось приключение» – и весьма серьёзное: «опасность была велика».

пятидесяти самых уважаемых московских фамилий, преданных делу освобождения Греции от турецкого ига». Русские офицеры «надеялись вскоре оказаться в Греции».

О русских де Вильнёв пишет с глубоким уважением. Чего стоит только его рассказ о простом русском казаке, сумевшем оценить стойкость и мужество своего врага – умершего на его руках офицера наполеоновской гвардии. Эжен увидел в этом казаке «человека, достойного всяческого почтения».

(Посещение России сыграло важную роль в судьбе супругов де Вильнёв: через некоторое время они перебрались туда насовсем.)

Из России молодая пара направилась в Европу – в Пруссию, Баварию, Нидерланды, Бельгию. По свидетельству Адели Омер де Гелль, несколько лет они жили в Париже¹. Если это так, значит, Эжену всё-таки удалось ещё раз (в последний?) увидеть родные края. А вернуться в Грецию, о чём мечтали супруги, если у них и получилось (в предисловии к дневнику Эжен пишет, что возвращался туда), то ненадолго.

После многочисленных переездов Эжен и Анжела обосновались в России, которая, надо полагать, более всего им понравилась. Закончился период славных дел, впереди их ожидала жизнь спокойная, наполненная мирным трудом. А Грецию они нашли для себя в городке на далёкой южной окраине России, где жило немало греков² и где, что особенно важно, Эжен мог заняться любимым делом – изучением античных и средневековых памятников Феодосии и её округи.

Проследившая судьбу Евгения Францевича де Вильнёва, нам, естественно, хотелось узнать причину, по которой он вынужден был покинуть родину. Ведь это непросто – навсегда поселиться в чужих краях. Можно, конечно, сказать, что немало французов переселялось в Россию в те времена. Но ведь у каждого была на то своя причина. Что же наш герой?

В «Греческом дневнике» он намекает на то, что в его семье произошли какие-то драматические события, однако какие именно – об этом умалчивает. В августе 1825 г., вскоре после приезда в Грецию, на Вильнёва, судя по всему, был составлен донос, против него выдвинуты надуманные обвинения его же соотечественником. «В результате этой подлости теперь я вынужден буду скитаться в поисках гостеприимного приюта», – пишет Эжен. Он говорит о своих страданиях, о том, что больше не увидит близких – матери, сестёр, прощается с Францией.

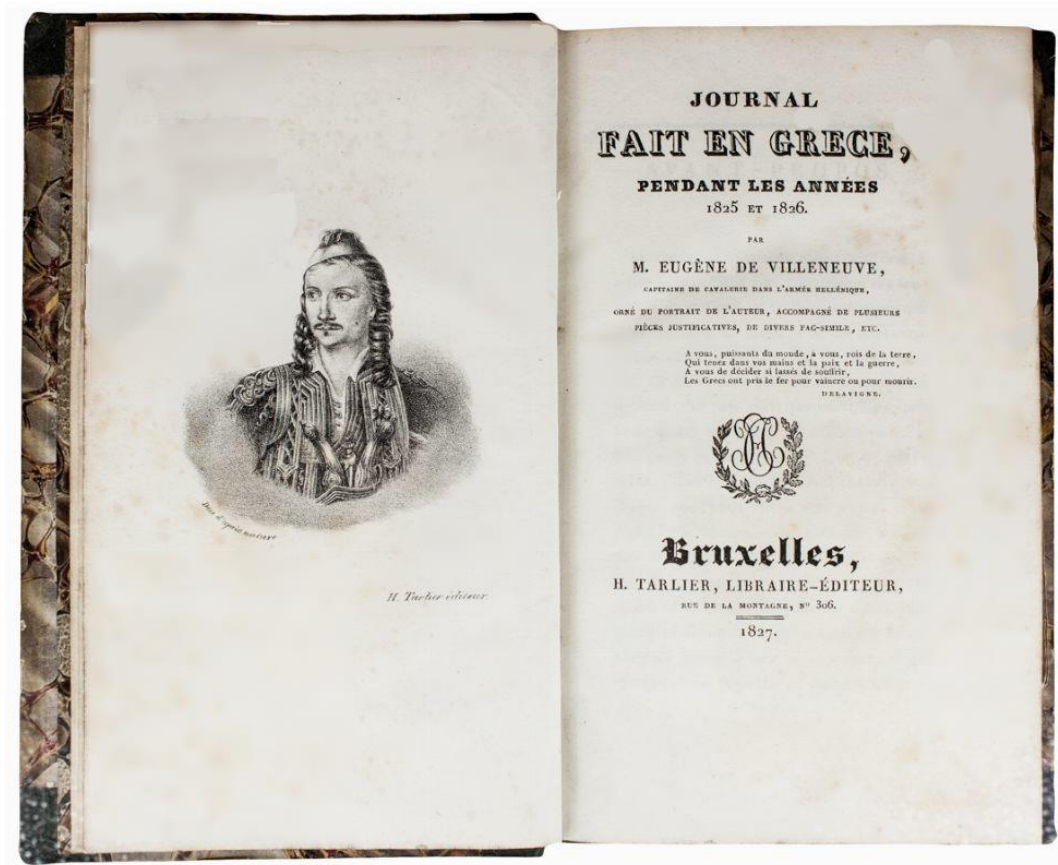
Возможно, полностью связь с родиной Евгений Францевич всё же не потерял. Ведь неслучайно его альбом с историческими памятниками Тавриды вышел в

---

¹ На какие средства супруги разъезжали, нам неизвестно.

² И, заметим, французов. Общение с соотечественниками было для де Вильнёва важным. Неслучайно, прибыв в Феодосию, он вскоре подружился с молодым художником – французом Викентием Руссеном, вместе они осматривали древние руины города, выезжали за его пределы для осмотра и зарисовок архитектурных памятников, копирования древних надписей, Викентий Осипович был помощником Евгения Францевича во время его археологических поисков в Феодосии и её округе [12, с. 37–40]. Наконец, они решили совместно подготовить и издать «Исторический и художественный альбом Тавриды» и успешно осуществили задуманное [19].

Париже, да ещё в столь тяжёлое время – в годы Крымской войны. Очевидно, что ездить во Францию, воевавшую тогда с Россией, он не мог. Возможно, с изданием альбома помогли его родственники, жившие во Франции. Но об этом мы можем только догадываться.

Титульный лист книги Эжена де Вильнёва «Греческий дневник, 1825–1826 годы». Слева – портрет автора в греческой военной форме (подпись под портретом: Рисунок выполнен с натуры)

И ещё: покинув пост заведующего Феодосийским музеем в 1865 г., де Вильнёв в течение некоторого времени оставался на службе в Феодосийском карантине. В документе правления карантина за 1866 г. отмечается, что он получил жалованье за 1–5 апреля этого года – «по день его выезда за границу», но не сказано, по какой причине, куда и на какой срок выезжал Евгений Францевич за пределы России. Быть может, на лечение? Ездил во Францию? Вернулся ли? Кто знает!?

Но, скорее всего, до конца жизни он оставался в России. В документе, направленном из Феодосийского карантина в Таврическую казённую палату в марте 1873 г., говорится, что Евгений Францевич находится в отставке и, «сколько известно, проживает в городе Одессе». Умер он, по-видимому, в 1870-х гг., прожив в России более 30 лет, из них два десятилетия – в Феодосии. [12, с. 28.]

«Греческий дневник» Эжена де Вильнёва, насколько нам известно, не переводился ранее на русский язык и не упоминался в отечественной литературе. Мы публикуем отдельные фрагменты из этой книги – те, которые связаны с личным участием её автора в военных действиях, его встречами с разными людьми, историей его знакомства с будущей женой, а также с пребыванием супругов де Вильнёв в России. Надеемся, что эта публикация будет полезна специалистам, занимающимся историей и культурой Крыма XIX столетия, биографическими исследованиями и мемуаристикой, а также привлечёт внимание специалистов по истории освободительной борьбы греческого народа против Османской империи.

Эжен де Вильнёв

Греческий дневник: 1825–1826 годы¹

*Вам, сильным мира сего, вам, королям земли,
которые держат в своих руках мир и войну.
Вам решать, как относиться к тому, что, устав от страданий,
греки вооружились, чтобы победить или умереть.*
Казимир Делявинь²

Предисловие

[I] «Дневник, который я публикую, не был предназначен для обнародования. Он написан под впечатлением момента, и я его завёл только для того, чтобы сохранить память об этих впечатлениях, подобно путешественнику художнику-любителю, который собирает в свой альбом разрозненные зарисовки посещаемых стран. Но, покинув театр военных действий в Греции, а позже, вернувшись в эту страну и услышав из уст людей, которых я очень хорошо знал, неправду о событиях, свидетелем коих я являлся, ваш покорный слуга счёл своим долгом прервать молчание и предложить вашему вниманию аутентичный

---

¹ Villeneuve Eugène de. Journal fait en Grèce pendant les années 1825 et 1826. Bruxelles: H.Tarlier, Libraire-Éditeur, 1827. 284 p.

На титульном листе за названием книги следует запись: «Дневник, написанный в Греции в 1825–1826 годах господином Эженом де Вильнёвом, капитаном кавалерии эллинской армии, украшенный портретом автора, сопровождаемый несколькими документами, факсимиле и т. д.».

Фрагменты из «Греческого дневника» мы представляем в переводе с франц. Г. И. Беднарчика. Подготовка текста и комментарии – Э. Б. Петровой. Цифры в квадратных скобках – номера страниц в оригинальном издании книги Эжена де Вильнёва.

² Пер. с франц. Г. И. Беднарчика. Казимир Жан Франсуа Делявинь (1793–1843) – французский поэт, драматург.

несистематизированный документальный материал, где каждое событие описано именно в тот момент, когда оно происходило.

[II] Если бы я прислушивался к своему самолюбию больше, чем к моей склонности к справедливости, то я бы использовал эти материалы совсем по-другому. Я бы их расположил в тщательно продуманном порядке; мне, вероятно, захотелось бы изменить или расширить некоторые описания и рассказы с учётом полученных позже дополнительных сведений о прошедших событиях. Одним словом, мой дневник превратился бы в картинную рамку, куда я мог бы вставить всё, что угодно, даже чужое произведение. Именно так я бы и поступил, если бы с самого начала задумал сделать из своего дневника книгу.

Но я хотел показать себя таким, каким я был в то время, описать греков как бы с натуры, рассказать о Греции так, как я её тогда чувствовал. Слово «чувствовать», мне кажется, более всего подходит к рассказу о стране, где прошлое способствует работе воображения, а настоящее говорит само за себя. [III] Возможно, иногда я выражаюсь излишне высокопарно, но зато чистосердечно.

Много найдется тех, кто попытается унижить греков, упрекнуть их во всех возможных грехах, заявить, что они не достойны той свободы, за которую пролито столько крови.

Что касается меня, сражавшегося за свободу Греции и дважды породнившимся с этим народом, имея в виду мою женитьбу на гречанке, навсегда ставшей спутницей моей жизни, то я никогда не позволю очернять нацию, страдания которой заслуживают, по меньшей мере, глубокого сочувствия, даже если свобода и не станет результатом её героических усилий. Протекторат, которым сегодня угрожают Греции, в случае его реализации закрыл бы мне доступ в эту страну. Да и что бы я делал в несвободной Греции, вассале своего смертельного врага, в Греции, обустроенной на турецкий манер?

Но мне верится, что более просвещённая политика европейских кабинетов не даст осуществиться этому проекту, против которого выступают [IV] и жаждущая немедленной мести Турция, и сама Греция, обратившаяся ко всем странам мира. Руководители этих стран должны услышать крик о помощи греческого народа и перестать обращать внимание на робкие советы министров, опасющихся потерять свои посты. На этот крик отчаяния уже благосклонно отозвался король Баварии, этот крик также услышали в Пруссии, вскоре его услышат повсюду, даже несмотря на противодействие со стороны некоторых дипломатов.

Брюссель, август 1827 г.»

26 декабря 1824 г. – 6 мая 1825 г.

Эжен де Вильнёв отбыл в Грецию из французского города Нанси. Прибыл в Анкону (Италия), откуда отправился к Ионическим островам. Вот, что он пишет в

марте 1825 г.: [1] «Я сошёл на берег в Корфу¹. Оттуда направился в Кефалонию, затем в Итаку и, наконец, в Занте²».

[2] «Египетская армия, высадившаяся в Морее, осадила Наваринскую крепость³. Я принял решение сразу же направиться в зону боевых действий, чтобы доказать моим друзьям по борьбе за независимость Греции свою твёрдую решимость отстаивать их идеалы. Для этого я обзавёлся рекомендательными письмами к господину А<лександр> Маврокордатосу и генералу Костасу Боцарису. Со мною были мой слуга из Корфу и 26 греков. <...> В начале мая встречные ветры вынудили нас высадиться в Пиргосе⁴».

Вильнёв встретился с губернатором Пиргоса и услышал от него:

[3] «Греческой армии более не существует, так как 19 апреля египетское войско Ибрагим-паши разгромило у Наварина повстанцев⁵, поэтому молодому чужеземцу следует отправиться в столицу и поступить на службу к греческому правительству».

11 мая 1825 г.

Эжен прибыл в Нафплион – временную столицу Греции⁶. Там его принял Александр Маврокордатос – [11] «умнейший человек, лучший дипломат Греции».

14 мая – 1 июня 1825 г.

Эжен встречается с Георгиосом Кондуриотти и пишет о нём: [17] «Этот совсем простой малообразованный человек с очень большим кошельком принёс огромную пользу греческим патриотам».

Примечательно следующее замечание Эжена: [18] «То, что во Франции рассказывают о Греции, было очень далеко от правды. В греческой армии отсутствует чёткая организация, нет согласия в правительстве, да и чувство патриотизма находится не на самом высоком уровне. Всего лишь один батальон организован на европейский манер».

1–9 июня 1825 г.

Де Вильнёв знакомится со многими греческими военачальниками, среди них – генерал Теодорос Колокотрони: ему [26] «68 лет, он полон энергии и жизненных сил. Его рост 5 футов 6 дюймов, у него худоватое лицо, тяжёлый пристальный

---

¹Корфу (Керкира) – греческий остров в Ионическом море.

²Кефалония и Итака – греческие острова в Ионическом море. Занте (Закинтос) – город на острове Закинф, что тоже в Ионическом море.

³Морея – это полуостров Пелопоннес (Южная Греция). Наваринская крепость – возле Пилоса, города на юго-западе Пелопоннеса, на побережье бухты Наварин.

⁴Покинув Занте 1 мая 1825 г., Вильнёв оказался в Пиргосе – городе на западе Пелопоннеса, недалеко от острова Закинф.

⁵Речь идёт об осаде и взятии крепостей Пилоса турецко-египетскими войсками и флотом в 1825 г. Мухаммеда Али – паша Египта (в 1805–1848 гг.), вассала турецкого султана Махмуда II, – отправил на помощь Турции армию во главе с Ибрагим-пашой. И тот прибыл на Пелопоннес в феврале 1825 г.

⁶Нафплион – город на северо-востоке Пелопоннеса.

взгляд, огромные чёрные усы и развевающиеся на ветру волосы. Он всегда носит пояс с прикрепленным к нему ножом и двумя пистолетами».

Эжен был представлен этому экстраординарному человеку, который заметил, что хотел бы видеть де Вильнёва [29] «не у городских стен, а в полевом лагере, так как принести пользу Греции можно не вблизи Нафплиона, а в виду у врага». Эжен ответил, что «готов пожертвовать своей жизнью ради свободы его родины». «Браво! Bravo!» – воскликнул тот.

9 июня 1825 г.

[36] «Познакомившись с одним греческим генералом, бывшим офицером французской армии, я решил вместе с ним присоединиться к армии Колокотрони. Сделал запрос в военное министерство и получил соответствующее предписание вместе с выражением восхищения перед моими патриотическими чувствами.

[37] Мысль о том, что я направляюсь сражаться с самой ужасной в мире деспотией, разгорячила моё воображение и придало мне столько смелости, что я не ощущал никакого страха даже в одиночку сразиться со всей турецкой армией. Ах! Лишь бы я оказался полезным Греции!..».

11–20 июня 1825 г.

Находясь в те дни в Триполице¹, Эжен тяжело заболел болотной лихорадкой.

20 июня 1825 г.

[38] «Я оправился после ужасной болезни. Меня бы уже не было на свете, если бы не одна приютившая меня греческая семья из Каламаты: отец, мать и двое дочерей². Младшая дочь поила меня лекарствами, [39] приготовленными её родителями, и возносила молитвы к Богородице за моё выздоровление. Никогда не забыть мне её прекрасных голубых глаз, украшенных чёрными ресницами, с беспокойством смотрящих то на меня, то на небо в надежде на божественную поддержку; не забыть мне эти губы, эти руки, всю эту волшебную фигурку, которая как ангел явилась предо мной в Триполице... Одному богу известно, увижу ли я вновь посреди страданий греческого народа членов этой семьи. О, как бы я был счастлив, если бы смог выразить этим людям свою признательность!».

23–26 июня 1825 г.

Эжен вновь в Нафплионе (23 июня): [43] «В двадцатых числах июня, нанеся сокрушительное поражение Колокотрони, египетские войска устремились к греческой столице, над которой нависла смертельная опасность. Были предприняты серьёзные меры по усилению обороны города. Собрав отряд из 150 солдат, готовых умереть за свободу, Д<имитриос> Ипсиланти вывел их за пределы городских

---

¹ Триполице (Триполис) – город в центре Пелопоннеса.

² Это семья Кацаити. В дальнейшем младшая дочь в семье – Анжела – стала женой Эжена де Вильнёва. Каламата – город в юго-западной части Пелопоннеса, на побережье Мессенского залива.

крепостных стен в сторону деревеньки Мулены (Мили), которая располагалась на берегу Нафплионской бухты, [44] вблизи развалин Лерны¹. Рядом с ней находились многочисленные источники чистой воды, что было на руку грекам. Ипсиланти принял решение защищать это место до последнего солдата и окопался на территории деревенских садов, у берега моря.

25 июня в виду деревни показались арабы. Однако их основные колонны направлялись в сторону Аргоса². Находившиеся в арьергарде два батальона египетского войска под непосредственным командованием Ибрагим-паши, стали на отдых вблизи деревни. Вскоре несколько метких выстрелов, произведённых бойцами Ипсиланти, убедили египтян в том, что это место небезопасно для них. Ибрагим-паша отдал приказ атаковать греков и сбросить их в море штыковой атакой.

В этот момент, находясь в Нафплионе, я наблюдал за разворачивавшимися манёврами врага и принял решение вместе с 60-ю солдатами немедленно присоединиться к Ипсиланти. Со мною также были господин Морри, итальянец, господин Майе, грек, секретарь министерства иностранных дел и молодой француз Гарэль. Отец этого отважного юноши сопровождал нас до самого берега моря [45] и, обняв сына, сказал: «Прощай, друг мой, помни, что ты – сын командира Гарэля». Слова, достойные человека, посевшего за время службы во французской армии!

Мы подросли к кульминационному моменту сражения. К тому времени арабы захватили первую линию траншей и греки, судя по всему, уже не верили в победу. Наше неожиданное появление вселило в них надежду на благополучный исход схватки. Греческие храбрецы бросились на врага и через полчаса заставили его отступить в панике. Греческий капитан, бросив ружьё на землю и выхватив саблю, продолжил преследовать арабов. Пуля, задев моё правое бедро, поразила бедро адъютанта Ипсиланти... Ибрагим-паша воссоединился с главными силами своей армии...».

Ипсиланти и де Вильнёв были уверены, что совсем скоро шеститысячное войско Ибрагим-паши вернётся и обрушит на них всю свою мощь. Оба героя были готовы отдать свои жизни за свободу Греции. Но враг пошёл не на деревеньку Мулены, а на оставленный без всякой защиты город Аргос. По возвращении в Нафплион де Вильнёв потребовал от правительства лошадей и, собрав эскадрон из пятидесяти офицеров кавалеристов, произвёл успешную атаку на арабскую кавалерию, после чего арабы окончательно отошли от стен греческой столицы.

12–20 июля 1825 г.

Эжен очень плохо себя чувствует, к нему вернулась лихорадка, и он берёт краткосрочный отпуск, чтобы побыть на островах. В эти дни он знакомится с прославленным адмиралом Константином Канарисом:

---

¹Лерна – древнее поселение на северо-востоке Пелопоннеса, в области Арголида. Археологически там засвидетельствованы памятники эпохи неолита и бронзового века.

²Аргос – город на северо-востоке Пелопоннеса, в области Арголида.

[60] «Я имел честь ужинать с Канарисом, истребителем турецкого флота. Именно этот бесстрашный моряк направил свой брандер на флагманское судно турецкого адмирала, вскричав при этом: «Знай, что тебя поджигает сам Канарис!».

У него импозантное лицо и гордая походка, а в глазах светится храбрость, которая воодушевляет его на борьбу за свободу его любимой родины. Канарису сорок лет. Он в самом расцвете сил. Капитан одного английского фрегата, полный восхищения перед этим необыкновенным человеком, [61] в присутствии своего экипажа вручил Канарису свою шпагу со словами: «Мне запрещено обнажать это оружие – ради блага человечества, поэтому используйте его против свирепых потомков Магомета!».

20–30 июля 1825 г.

Эжен прибывает в Афины, посещает Акрополь, описывает осмотренные древние храмы и другие памятники, демонстрируя явный интерес к ним и хорошие знания истории Греции. Его сопровождает доктор Анарио Петраки – «очень уважаемый в Афинах человек»:

[68] «Вместе с ним мы предавались воспоминаниям о счастливых временах Греции. Перед нашими глазами стояли древнейшие памятники, свидетельствующие о величии и мощи античной Эллады. Нас охватило чрезвычайное волнение. Но это чувство ещё больше усилилось, когда мы обратили свой взор на сегодняшний город. Солнце медленно садилось за горизонт; его лучи пока ещё освещали Акрополь [69] и, казалось, с большим сожалением покидали эти памятные места. Нам захотелось посетить Академию¹. Спустившись от храма Победы², оставив позади себя Стадий³ и проследовав некоторое время вдоль городских стен, мы углубились в сельскую местность и через полчаса оказались на Академическом холме.

На развалинах Академии сегодня стоит небольшая часовня, которую также называли *Академия*. Воздух там необыкновенно чист, а у подножия холма раскинулись плодородные сады.

«Именно здесь, – сказал мне доктор, – именно на этом месте обучались наши самые великие люди, именно здесь наша молодёжь впитывала в себя понятия чести, патриотизма и добродетели. Увы! Что сегодня осталось от научных и гуманитарных знаний наших отцов? Всего несколько памятников, свидетельствующих о нашем невежестве и падении. Ах! Господин де Вильнёв, – воскликнул он, – как же получилось, [70] что такая образованная нация не смогла сохранить своё величие и свою славу?...».

«Всему виной коррупция, – ответил я ему, – как только коррупция распространяется по республике или по империи, происходит трагедия... Однако зачем так горевать по поводу тяжёлых воспоминаний, – заметил я другу, – взгляните на вашу родину, сравните эти Афины, предмет вашей озабоченности, с

---

¹ Это философская школа Платона, находившаяся близ Афин, в роще, посвящённой мифическому герою Академу.

² Ионический храм Ники Аптерос (Бескрылой) на Афинском акрополе.

³ Панафинейский стадион.

тем, какими они были всего лишь пять лет назад, и возрадуйтесь при виде знамени свободы, реющим над ними... Скоро, поднявшись над этими руинами, гордясь осознанием своего прошлого величия, ваша свобода зажжёт новый факел возрождения над всеми греческими городами».

«Афины! Афины! – вскричал мой воодушевившийся друг, – пусть предсказание этого молодого француза сбудется!.. Пусть твои дети станут свободными!..».

[79] «О Греция! О Афины! Какое глубокое почтение я испытываю к вам!.. Мои дрожащие от волнения ноги едва осмеливаются ступить по этой священной земле... Они опасаются осквернить могилу героя или потревожить отдых какого-нибудь божества».

В эти дни де Вильнёв знакомится с ещё одним героем борьбы за свободу Греции – молодым англичанином господином Торлони, ранее служившим офицером в Индии и прибывшим в Грецию вместе с лордом Байроном, умершим там впоследствии¹. О Джордже Байроне де Вильнёв пишет:

[87] «Греки с большим уважением относятся к памяти этого знаменитого поэта, настоящего друга свободы: «О, Байрон, ты умер, но твоё наследие бессмертно... Между тем сегодня мы проливаем горькие слёзы, произнося твоё имя... Подлые и свирепые египтяне, во главе которых стоят ещё более подлые руководители некоторых европейских государств, [88] попирают прах из твоей могилы, уготовленной тебе мировой честью и признательностью! О, Байрон! Разве твой прах не содрогнётся от прикосновения к нему варвара?.. А твоя душа, Байрон! Скажи мне, что она будет переживать, когда подлые рабы потревожат прах господина Марка Боцариса, который до этого спокойно почивал под защитной тенью твоего гения?..²».

30 июля – 5 августа 1825 г.

2 августа де Вильнёв приходит из Афин в деревню Марафон, где посещает античный храм и гробницу Мильтиада³. Ночует в хижине. На рассвете 3 августа он замечает на море несколько кораблей, приближающихся к Марафону. Выясняется, что эти суда турецкие:

[93] «В тот же момент всех жителей деревни предупредили об опасности. Они укрылись в горах. [94] Мне удалось собрать отряд из пятидесяти крестьян, убедив их встать на защиту деревни. Мы окопались на главной деревенской площади и увидели, как, растекаясь по равнине, враг крадёт большое количество лошадей и

---

¹ Английский поэт-романтик Джордж Гордон Байрон (1788–1824) умер от лихорадки в Греции, куда прибыл в 1823 г. с той же целью, что и Эжен де Вильнёв: бороться за свободу греков.

² Марк (Маркос) Боцарис (1790–1823) – герой освободительной войны Греции. Байрон хотел с ним познакомиться, но не успел. Боцарис погиб в битве греков с турками у города Карпениси.

³ В 490 г. до н. э. у местечка Марафон, что на северо-востоке Аттики, произошла одна из главных битв в ходе Греко-персидских войн 500–449 гг. до н. э. Греки во главе с афинским военачальником Мильтиадом выиграли сражение. В честь погибших воинов на Марафонской равнине возвели могильный холм. Павсаний в «Описании Эллады» (I, 32, 3–4): «На равнине есть могила афинян... И отдельно есть здесь могила славного героя Мильтиада... его кончина последовала позднее».

баранов. Эти бандиты зверски убили одну несчастную женщину, не успевшую убежать в горы. Двадцать всадников, заметивших нас, ринулись в атаку, но отступили после мощного залпа из наших ружей.

Вскоре нас атаковали уже основные силы врага. Мы яростно сражались. На каждого защитника деревни приходилось шестеро вражеских воинов. И даже без напоминания моим сотоварищам о проходившей здесь много столетий назад знаменитой битвы, определившей судьбы Греции, когда у Марафона была наголову разбита персидская армия, защитники деревни [95] проявили себя сегодня, как достойные сыны своего отечества и свободы.

Марафон, покрывший себя славой в древние времена, вновь прославил своё имя. Вы только представьте: кучка необученных военному делу храбрых бойцов, сгруппировавшихся вокруг офицера филэллина, постоянно выкрикивающего со своим иностранным акцентом слова: «Свобода! Родина! Марафон!». Представьте их наполненными воинственным пылом, не обращающими внимания ни на количество турок, ни на их свирепость, чётко выполняющими приказы своего командира... Представьте их в пыли и крови, гордо покидающими поле битвы, которое они героически защитили... Представьте себе турок, беснующихся из-за того, что они не могут завладеть добычей, [96] беснующихся до такой степени, что, выкрикивая от бессилия страшные проклятия, эти басурманы поджигают жилой дом... Турецкие варвары надеются стать свидетелями нашей гибели. Им невдомёк, что в том костре, который они разожгли, скоро будут гореть их трупы!..

Ждать больше нечего. «В атаку! – слышится со всех сторон, – в атаку!». И мы бросаемся на врага. Какая мясорубка! Все дерутся, выхватывая друг у друга оружие... Четверо греков убиты... Другие почти все ранены. У турок двадцать трупов, остальные в панике бегут к своим кораблям. Мы преследуем врага, не обращая внимания на ранения. Нас окрыляет победа. Вскоре ещё трое турок отправляются на тот свет. И вот уже их корабли отплывают от берега. Они направляются к Негрепонт¹ и, безусловно, сожалеют о том, что вышли в это плавание!..

Долго молчащее до этого эхо Марафона [97] разносит по всей округе крики нашего ликования... Представьте себе женщин и детей, возвращающихся в оставленные ими дома, жену, которая, стоя на коленях, останавливает кровь, текущую из ран её мужа, а сестра залечивает раны своего брата. Представьте себе всё это – и вы, как и я, почувствуете, что произошло нечто особенное, то, что никогда не забывается. Насколько счастлив тот, кто выполнил свой долг!».

18 августа – 1 октября 1825 г.

Вскоре Эжен получает предписание прибыть в Нафплион. 18 августа он приезжает в столицу. А там в самом разгаре междоусобная война между различными греческими группировками.

---

¹ Негропонт – это остров Эвбея в Эгейском море, близ восточного побережья Средней Греции.

Против де Вильнёва его же соотечественником выдвинуты надуманные обвинения. Он вынужден покинуть Грецию. С горечью рассказывает об этих событиях герой нашего повествования:

[149] «Когда греки восстали против тирании, взяв в руки оружие, это их благородное и отважное решение воспламенило мой мятежный дух. Вскоре я покинул свою семью и присоединился к греческим фалангам борцов за независимость, чтобы иметь счастье разделить с ними их участь и тяготы борьбы. Своей искренней дружбой со мной эти люди оказывали мне большую честь. О, я был так... счастлив.

И вдруг всё рухнуло. В результате этой подлости теперь я вынужден буду скитаться в поисках гостеприимного приюта. О моя родина! О моя семья! О моя мать и мои любимые сёстры! Где вы? Увы, теперь вы навсегда потеряны для меня. Больше никогда мои глаза не узрят места моего детства. [150] Насколько коррумпированы люди, которые стремятся под нежным небом Греции задушить мою любовь к Франции! Каждую минуту я думаю о своей родине, о невинных играх и о ласках моих сестёр».

3 октября – 16 ноября 1825 г.

Отъезд Эжена из Греции. Через острова Эгейского моря, пролив Дарданеллы – в Константинополь, столицу Османской империи, куда он прибывает 16 ноября.

24 января – 23 марта 1826 г.

Из Константинополя де Вильнёв направляется к величественным остаткам легендарной Трои, вспоминая события Троянской войны и повествуя о её героях. В этой поездке его сопровождал господин Сен-Совёр – французский дипломат, путешественник, увлекавшийся древней историей и собравший коллекцию античных памятников¹.

[185] «На борту нашего корабля, шедшего в Трою, находился господин Сен-Совёр, [186] французский консул в Ханье², уже посещавший ранее развалины Трои с томиком Гомера в руках. Он являлся нашим гидом и все мы – капитан габары господин Робийар, офицеры, госпожа де Сен-Совёр, сын французского консула в Алеппо и ваш покорный слуга – по прибытии на место восхитились этой широкой долиной, некогда обильно политой кровью греков и троянцев.

Мы увидели развалины храма в долине Тимбра³. Турки называют её Тимбрек-дере. Где-то посередине этой долины у небольшой деревеньки недалеко от развалин храма расположено кладбище с захоронениями, покрытыми барельефами и

---

¹ Луи-Феликс Жак-Франсуа Депрео де Сен-Совёр (1792–1876) служил в консульствах Греции, Турции и в других местах. В 1834–1835 гг. был консулом Франции в городе Одессе. В 1836 г. путешествовал по Крыму и Кавказу, этому вояжу де Сен-Совёр посвятил книгу [17].

² Ханье – греческий город на севере острова Крита.

³ Это храм Аполлона Тимбрайского. Долина Тимбра образована рекой Тимбриос.

разбитыми колоннами. Мы выпили воды из источников реки Скамандр. Затем поднялись на вершину Пергама и поклонились могиле Гектора¹.

Река Симоис кольцом опоясывает холм, на котором когда-то стоял дворец Приама.

Подняв головы, мы увидели в небе планирующих над нами орлов и полюбовались [187] горой Ида, где красавец Парис вынес приговор, оказавшийся роковым для его страны².

Думая о древней славной истории этих мест, сравнивая современность с прошлым, в голову приходят очень грустные мысли. Ах, почему всем царям, которые желают насытиться кровью себе подобных, не посетить Трою и не задуматься над результатом всех войн и разрушений? Возможно, тогда они убоятся участи разрушенных и уничтоженных государств! Но разве цари, следуя своим низменным страстям, хоть когда-либо задумываются о чем-нибудь? <...>

[188] Внезапно воображение переносит меня через века во времена Троянской войны. Мой взор устремляется на равнину, где шла битва полубогов. Я вижу Гектора, предающего огню греческие корабли; вижу, как пылкий Ахилл, хладнокровно наблюдая за продвижением противника, ждёт удобного момента, чтобы отомстить тому за Агамемнона; вижу, как Патрокл, надев доспехи своего друга и ринувшись в самую гущу троянцев, атакует Гектора, а через некоторое время поражённый врагом испускает дух. В тот же момент Ахилл предстаёт предо мной во всей своей ярости: его обуяло чувство сильнее гнева, сильнее ненависти к своим соотечественникам! Ведь от руки троянца пал его лучший друг! Ахилл жаждет искупаться в крови Гектора. Я вижу, как он пробивает себе дорогу к убийце несчастного Патрокла, лишает того жизни, привязывает тело Гектора к колеснице и волочит за собой вдоль фригийских крепостных стен.

Затем я слеую за Ахиллом в его палатку; вижу лицо этого воина, [189] залитое слезами, смотрящее на труп Патрокла. Вижу несчастного царя Трои, на коленях умоляющего молодого героя выдать ему останки Гектора. Мог ли такой человек, как Ахилл, оставаться равнодушным к горю отца? И вот Приам забирает кровавые останки сына...

16 февраля 1826 г.

В Смирне³ Эжен случайно встречается с уже знакомой ему семьёй Кацаити: [189] «Госпожа К***, добрая мамаша, которая так долго ухаживала за мной, [190]

---

¹ Пергам – греческий город на западе Малой Азии, он располагался на высоком холме. Возможно, на него и поднялся де Вильнёв, чтобы «поклониться могиле Гектора». Могилу Гектора, сына троянского царя Приама, показывали в разных местах. Древние писатели называли и рошу Гектора в Троаде, и город Илион (то есть Трою; причём Гомер называл крепость Трои Пергамом), говорили даже, что останки героя были перенесены из Илиона в Фивы (то есть на Балканы, в Среднюю Грецию).

² Спор богинь – Геры, Афины и Афродиты – за звание «прекраснейшая», суд троянского царевича Париса на горе Ида, избрание им Афродиты «прекраснейшей» из богинь и похищение жены спартанского царя Менелая Елены Прекрасной, приведшее к Троянской войне.

³ См. прим. 7.

встретив меня на набережной Смирны, бросилась в мои объятия. Я был на седьмом небе! Мы пошли к ней домой, где я вновь увидел её дочерей. Моё внезапное появление спровоцировало нервный срыв у юной Анжелы¹.

Эта благородная семья полностью разорена. Госпожа К*** с дочерьми чудесным образом спаслась на корабле, шедшим в Стамбул, где их взял под своё покровительство посол Англии. Позже семья перебралась в Смирну, где моей судьбе было уготовано застать их в полной нищете именно в тот момент, когда я не имел возможности по достоинству отплатить им за всё, что они для меня сделали».

Де Вильнёв рассказал нескольким офицерам о бедственном положении семьи Кацаити, те собрали деньги, и Эжен передал их матери Анжелы.

23 марта – 1 мая 1826 г.

И вот настал тот счастливый день (22 марта 1826 г.), когда Эжен де Вильнёв взял в жёны Анжелу Кацаити: [195] «Несмотря на все беды, наконец-то я счастлив. Анжела – моя жена. Вчера мы пригласили из деревни Бурнаба греческого священника, который тайно обвенчал нас в доме одного француза в присутствии матери невесты и четырёх свидетелей».

22 апреля 1826 г.

Возвращение в Константинополь.

26 мая 1826 г.

Отъезд из Константинополя в Россию – сначала в Одессу, затем в Москву.

[220] «Есть люди, рождённые для несчастья... Увы! Моё сердце устало от всего... даже от надежды!.. Чем я тебя обидел, фортуна, что ты так сурово обходишься со мной?.. Я в отчаянии... смерть приближается ко мне...»

Нет, постой.. она уже удаляется от меня!.. Сын героя сжалился над моими несчастьями, нанеся целебный бальзам на раны моей души... Гюстав Монтебелло², ты вернул мне мою честь и достоинство. Моя молодая супруга всецело обязана тебе своим высшим счастьем... Французский солдат³ никогда тебя не забудет!

Я направляюсь в Москву! При этом слёзы наворачиваются [221] на глаза... О французы! Вы, победители при Маренго, при Аустерлице, при Йене, умирали от голода и холода на берегах Москвы-реки!..⁴ Прах моих соотечественников, скоро я окажусь среди ваших могил... Вы поведаете мне о

---

¹ Той самой младшей дочери, которая ухаживала за ним, когда он болел.

² Это может быть Гюстав Оливье Ланн де Монтебелло (1804–1875) – военный и политический деятель Франции, сын наполеоновского маршала Жана Ланна, герцога Монтебелло (1769–1809). Гюстав Монтебелло помог Вильнёву в той сложной ситуации, в которой он оказался и о которой лишь намекает в дневнике, но суть дела не излагает. Видимо, Гюстав Монтебелло помог супругам Вильнёв переправиться из Турции в Россию.

³ Так называет себя Эжен де Вильнёв.

⁴ Де Вильнёв перечисляет сражения наполеоновской армии и говорит о фактическом поражении французов под Москвой.

неизвестных подвигах, совершённых вами...¹ Вы расскажете мне, как в самую суровую стужу ваши сердца воспламенялись при возгласе: «К оружию!», как, засыпанные снегом, вы умирали в 800 льё от своей родины с именем нашей милой Франции на устах. Вы чувствовали, что вся Франция провожает вас в последний путь... Вы мне расскажете... Нет, ничего не говорите!.. Мне известны все ваши подвиги!..».

Дополнительные заметки

[223] «Ввиду моего недавнего посещения России, мне кажется, что читатель захочет узнать, как в русском обществе относятся к греческой трагедии.

Уже давно взоры всей Европы устремлены на императора Николая, августейшего брата Александра², в ожидании проявления его высокого благородства. О, как я в это верю и убеждён, что мои предчувствия не обманут меня!.. Совсем скоро войны Севера заставят свирепых магометан ответить за преступления, которые нельзя оставить без отмщения; вскоре мученик Грегуар с высоты своей небесной обители узрит торжество христианства и свободы, а все друзья человечества, [224] все истинные филантропы восславят героическую армию, которая спасёт Грецию... Да, филэллины, возрадуйтесь, дети Спарты и Афин не будут истреблены; сердце Николая открыто для чести и справедливости. Спасение греков – насущная необходимость.

В Москву я прибыл в первых числах сентября 1826 года. <...> Меня рекомендовали княгине Зинаиде Волконской³. Она приняла меня с особой благосклонностью, которая навсегда запечатлелась в моей памяти. В общей своей массе русское дворянство образовано, гостеприимно и довольно либерально. Поэтесса и писательница Зинаида Волконская – одна из тех уникальных представительниц человеческого рода, которых скупая на чудеса природа производит на земле. Прекрасная, чувствительная и великодушная, [225] главным наслаждением для неё является помощь нуждающимся и покровительство людям, заслуживающим уважения... Её дворец – это храм искусств, в котором она сама исполняет роль Минервы. Я часто присутствовал на блестящих приёмах в доме у княгини, во время которых всегда звучали пожелания свободы для Греции.

Вскоре всем стало известно, что моя жена – гречанка, и на нас обрушился поток приглашений. Павел Голицын, Кайсаров и Посников, я никогда не забуду тех

---

¹ Подвиги, однако, совершали русские солдаты, защищая свою родину. А во имя чего совершали «подвиги» французы, пришедшие на чужую землю?

² При Александре I и Николае I остро стоял греческий вопрос – и в российском обществе, и на международной арене.

³ Зинаида Александровна Волконская (урожд. Белосельская; 1789–1862) – поэтесса, писательница, певица и композитор, член Московского общества истории и древностей российских. Жена князя Никиты Григорьевича Волконского (1781–1844), она вместе с мужем сопровождала Александра I в заграничных походах 1813–1814 гг. В Москве, в доме на улице Тверской организовала ставший популярнейшим литературно-музыкальный салон. Александр Пушкин восхищался его хозяйкой: «Среди рассеянной Москвы... / Ты любишь игры Аполлона. / Царица муз и красоты...» (Княгине З. А. Волконской. 1827 г.).

дружеских чувств, которые вы испытывали по отношению ко мне, не забуду, какими яркими сторонниками и искренними поклонниками героев сегодняшней Греции вы являлись!..

Княгиня Зинаида Волконская рассказала самой императрице о моей супруге и сделала это с такой теплотой, что Её Императорское Величество пожелала лично встретиться с молодой гречанкой, вызвавшей к себе такой живой интерес со стороны самой умной женщины её огромной державы.

[226] И вот настал день, когда перед Анжелой Кацаити, выросшей под крышей хижины в Аркадии, как перед простой пастушкой, раскрылись горделивые двери Кремля, и она имела честь беседовать с императрицей всея Руси, осыпавшей гречанку своими милостями¹. Сам император умилился рассказом Анжелы Кацаити о бедствиях соотечественников и проявил свою щедрость.

Я бы мог назвать около пятидесяти самых уважаемых московских фамилий, преданных делу освобождения Греции от турецкого ига».

«Прожил я в Москве шесть месяцев и остался бы там ещё на некоторое время, если бы не моё непреодолимое желание возвратиться в Грецию».

[229] «В феврале² я выехал из Москвы. Могу вас заверить, что, несмотря на Аккерманскую конвенцию, российское дворянство не сомневалось в скором начале войны с Турцией³. Разговоры об этом шли повсюду. Молодые офицеры уносились в мечтах под голубое небо Греции, а их верные подруги представляли себе, как они увенчают своих храбрых кавалеров лавровыми венками по их победном возвращении на родину.

По дороге между Можайском и Смоленском в маленькой деревушке Гриднево со мной произошёл случай, о котором непременно хотелось бы поведать. Возможно, это будет не совсем по теме моего повествования, но уверен, что читатель простит мне данное отклонение.

Итак, дело происходило в феврале. Стояли очень сильные морозы, и мы были вынуждены найти какое-нибудь жилище, чтобы отогреть наши замерзшие части тела. Нас приютил один казацкий офицер.

---

¹ Аркадия – область в центральной части Пелопоннеса. С античных времён считалась довольно отсталой областью земледельцев и скотоводов. В европейской литературе нового времени родился миф об аркадской идиллии: Аркадия представлялась счастливой страной просто, безмятежно живущих земледельцев и пастухов. Видимо, Эжен, говоря о своей жене, использовал вошедший в художественную литературу образ Аркадии.

Вспомним, что и Адель Омер де Гелль писала о приёме Анжелы российской императрицей, а «вокруг стали поговаривать о том, что скоро гречанка станет фрейлиной Её Величества».

² В феврале 1827 г.

³ Аккерманская конвенция – соглашение между Россией и Турцией, заключённое 25 сентября 1826 г. – свидетельствовала о дипломатическом успехе России и не устраивала Турцию. Соглашение было аннулировано турками в декабре 1827 г., что стало поводом к русско-турецкой войне 1827–1828 гг., закончившейся победой русских и подписанием Адрианопольского мирного договора. Османская империя подтвердила автономию Греции.

[230] Каким же было моё удивление, когда, зайдя в небольшую комнатку, посреди многочисленных святых икон вблизи зажжённой лампы я увидел наполеоновского флагового орла и крест Почётного легиона!

«Друг мой, – обратился я к хозяину, – где вы нашли эти дорогие моему сердцу французские предметы?».

«Вы видите перед собой, – ответил он, – старого солдата. Я всегда ценил храбрость и расскажу вам, как эти предметы оказались у меня. Этот орёл и этот крест принадлежали офицеру наполеоновской гвардии. Вам известно, что после сожжения Москвы французская армия вынуждена была отступить и испытала многочисленные бедствия. Я тогда командовал подразделением казаков. Под Вязьмой мы натолкнулись на отряд французов и атаковали их. Исход сражения был предрешён: нас было вдесятеро больше французов... [231] К концу схватки в живых остался лишь один французский офицер. Он отказывался сложить оружие и продолжал рубить моих казаков направо и налево... Вскоре, получив многочисленные раны и уже не в силах продолжать бой, он рухнул на землю... Я приказал казакам не трогать его и подбежал к этому герою. Мы были поражены стойкостью и мужеством французского офицера. Несмотря на все наши усилия помочь офицеру, он скончался у меня на руках... Тогда я взял этот крест, висевший у него на кителе, и этого грозного орла, лежавшего подле его головы... С тех пор я с глубоким почтением храню эти предметы в память о подвиге храброго французского офицера... Я бы даже пожертвовал собой, лишь бы он остался в живых...».

«Вы – воистину человек, достойный всяческого почтения, – заявил я казаку, – и у вас благороднейшее сердце. Не могли бы вы доверить мне эти святые реликвии, чтобы я мог выставить их напоказ во Франции? Я сейчас же возьму их...»

«Не продолжайте, – прервал он меня, – вы оскорбляете старого казака, чья душа полна чести и верности... [232] Золото не прельщает меня. Даже если вы мне предложите все месторождения золота Сибири, я вам не уступлю эти предметы... Эх, Петрович, бедный чертяка, только потому что ты казак, тебе предлагают кучу денег и считают, что тебя этим можно соблазнить... Нет, мой господин, я никогда за деньги не расстанусь с этими реликвиями. Да, впрочем, и кому я бы их передал? Ведь вас я не знаю. Будете ли вы с должным уважением относиться к этим предметам? Можно предположить, что да. Но ведь вы француз, вы вернётесь в свою страну, и, возможно, вид этого орла испугает некоторых неосторожных членов вашего правительства. Что же тогда произойдет?.. Вы подвергнетесь гонениям, и эта птица, бывшая в своё время грозой Европы, попадёт в руки, которые её осквернят... Нет, мой господин, этот орёл, так подло преданный теми, кто обязан был его защищать, не покинет хижины старого казака... [233] А когда этот казак уйдёт в могилу, его дети с их благородными сердцами позаботятся об этой птице...».

Тщетно пытался я переубедить старого московского солдата. Он выставил на стол бутылку водки, и мы выпили за упокой души французского офицера. Благородный казак заметил, что у меня на глазах выступили слёзы восхищения и сожаления, и заявил: «Ладно, молодой человек, вижу, что вы заслуживаете моего

доверия. Так и быть, я отдам вам этот крест, но не вздумайте предлагать мне за него деньги...».

Таким образом я оказался обладателем креста чести, сбережённого кристально честной казацкой душой. Я поцеловал крест, обнял старого казака, вышел из хижины, сел в сани и по замёрзшей дороге направился в сторону Смоленска.

Вечером после моего прибытия в этот город там состоялся бал дворянской знати, куда был приглашён и ваш покорный слуга. Мне представилась возможность пообщаться со многими высшими офицерами, которые одобряли моё участие в справедливой борьбе греков за свободу. Они завидовали мне и надеялись вскоре оказаться в Греции. Многие русские дамы делали мне самые льстивые комплименты.

Наконец, достигнув границы России с Польшей, я не смог не оглянуться назад и не подумать о том, какую славу вскоре может снискать император Николай, оказав грекам действенную помощь. Сегодня, как и прежде, я более, чем никогда, убеждён в том, что Россия не оставит в беде многострадальную Грецию. Уже долгое время мир игнорирует мощь России. Николай это хорошо чувствует, он не должен прислушиваться к трусливым советам. Вряд ли Греция будет спасена, благодаря двусмысленному Аккерманскому договору, который сегодня критикуют со всех сторон. Греция должна стать свободной – таково желание народов мира, к которому должны присоединиться решимость и воля всех европейских монархов».

Весной 1827 г. де Вильнёв посещает Пруссию, Баварию, Нидерланды и Бельгию. Встречается с прусским принцем Карлом. Пишет о нём: [235] «Принц Карл видел мою жену на приёме у русской императрицы. Это придало мне решимости сразу же по приезду в Берлин просить [236] аудиенции у Его Королевского Высочества¹. Этого человека² ниспослали мне сами небеса... Принц принял меня с благосклонностью, достойной героев Плутарха, и пообещал мне всяческую поддержку».

Эжен де Вильнёв выражает желание вернуться в Грецию.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 195. Оп. 1. Д. 1528. 273 л. Gosudarstvennyi arkhiv respubliky Krym (GARK). F. 195. Op. 1. D. 1528. 273 l.
2. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1629. 92 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1629. 92 l.
3. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1666. 87 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1666. 87 l.
4. ГАРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1727. 94 л. GARK. F. 195. Op. 1. D. 1727. 94 l.
5. Молодые годы директора Феодосийского музея древностей Эжена де Вильнёва. – Режим доступа: <https://fudao.livejournal.com/364330.html>
Molodye gody direktora Feodosiiskogo muzeya drevnostei Ehzhena de Vil'neva. – Rezhim dostupa: <https://fudao.livejournal.com/364330.html>

---

¹ У Фридриха Вильгельма II – короля Пруссии (1797–1840 гг.).

² Принца Карла Прусского.

6. Оммер де Гелль Адель. Таганрог 1839 года глазами иностранки // Таганрогская правда. Таганрог, 31.10.2018. Вып. 127. – Режим доступа: Адель Оммер де Гелль - ГородьТаганрог
Ommer de Gell' Adel'. Taganrog 1839 goda glazami inostranki // Taganrogskaaya pravda. Taganrog, 31.10.2018. Vyp. 127. – Rezhim dostupa: Adel' Ommer de Gell' – Gorod Taganrog
7. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2017. 579 с.
Orekhov V. V. V labirinte krymskogo mifa. Simferopol'; Nizhnii Novgorod: ООО «Rastr», 2017. 579 s.
8. Орехов В. В. Путешественники по Крыму супруги Омер де Гелль: опыт биографической реконструкции // УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 79–104.
Orekhov V. V. Puteshestvenniki po Krymu suprugy Omer de Gell': opyt biograficheskoi rekonstruktsii // UZ KFU im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. Simferopol', 2017. T. 3 (69). № 1. S. 79–104.
9. Петрова Э. Б., Карпенко А. В. Письма Е. Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 37–47.
Petrova E. B., Karpenko A. V. Pis'ma E. F. de Vil'neva v OOID: 150 let s nachala arkheologicheskikh raskopok v Feodosii // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2004. № 3–4. S. 37–47.
10. Петрова Э. Б. Вильнёв (Вильнёв) де Евгений Францевич // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011. С. 34–38, 145–160.
Petrova E. B. Vil'nev (Vill'nev) de Evgenii Frantsevich // Sotrudniki Feodosiiskogo muzeya drevnostei – deyateli nauki i kul'tury: biobibliograficheskii slovar'. Kiev: Bolero, 2011. S. 34–38, 145–160.
11. Петрова Э. Б. Евгений де Вильнёв, Викентий Руссен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды» // История и археология Крыма: сб. ст., посв. 100-летию со дня рожд. О. И. Домбровского / Крымский филиал Ин-тп археологии РАН. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. I. С. 480–491.
Petrova E. B. Evgenii de Vil'nev, Vikentii Russen i ih «Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy» // Istoriya i arkheologiya Kryma: sb. st., posv. 100-letiyu so dnya rozhd. O. I. Dombrovskogo / In-t arkheologii RAN, Krymskii filial. Simferopol': Biznes-Infom, 2014. Vyp. I. S. 480–491.
12. Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / пер. с франц. А. В. Карпенко. Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н. Орианда, 2015. 240 с.
Petrova E. B. «Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy» Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena / per. s frants. A. V. Karpenko. Feodosiya: ID «Koktebel'; Simferopol': N. Orianda, 2015. 240 s.
13. Петрова Э. Б. Евгений Францевич де Вильнёв // Французы в Крыму / Ред.-сост. Ж. С. Амфитеатрова. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2019. С. 122–130.
Petrova E. B. Evgenii Frantsevich de Vil'nev // Frantsuzy v Krymu / red.-sost. Z. S. Amfiteatrova. Simferopol': Mediatsentr im. I. Gasprinskogo, 2019. S. 122–130.
14. Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей (1771–1871). Киев: Болеро, 2011. 240 с.
Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeya drevnostei (1771–1871). Kiev: Bolero, 2011. 240 s.
15. Hommaire de Hell A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris: L. Hachette, 1860. 411 p.
16. Munich (Bavière), 22 octobre // Journal des débats politiques et littéraires. Paris, 31 octobre 1827. P.1.
17. [Saint-Sauveur de M.] Excursion en Crimée et sur les côtes du Caucase, au mois de juillet 1836 / par le de St-Sauveur, consul de France. Paris: typ. de Firmin Didot Frères, 1837. 87 p.
18. Villeneuve Eugène de. Journal fait en Grèce pendant les années 1825 et 1826. Bruxelles: H.Tarlier, Libraire-Éditeur, 1827. 284 p.
19. [Villeneuve Eugène de]. Album historique et pittoresque de la Tauride / par E. de Villeneuve, membre effectif de la société Odéssienne d'histoire et d'antiquités, de l'institut historique de France

conservateur du musée de Théodosie, membre du conseil d'administration de la quarantaine de cette même ville, etc. etc. Paris: Kaepelin, 1853.

Petrova E. B., Bednarchik G. I. Eugene de Villeneuve: new facts of biography and his «Greek Diary: 1825–1826».

We knew almost nothing about the pre-Russian period of the life of Evgeny Frantsevich (Eugene) de Villeneuve (1803–1870s) – French teacher at the Taganrog gymnasium, and then an indispensable member of the Feodosiya Central Quarantine, head of the Feodosiya Museum of Antiquities, one of the first archaeologists, author of the book «Historical and Artistic Album of Taurida». We discovered a fragment dedicated to de Villeneuve in the work of Adele Ommer de Gell and the book of Eugene de Villeneuve «The Greek Diary: 1825–1826», published in Brussels in 1827, and also a note in the «Journal des débats politiques et littéraires» for 1827, which had not previously appeared in Russian literature. The translation of these texts from French into Russian (which we present here) allowed not only to learn the details of de Villeneuve's life vicissitudes before his appearance in Russia (as it turned out, he was one of the heroes of the liberation struggle of the Greeks against Turkish dependence), but, most importantly, to obtain additional evidence about the events in Europe in 1820s, presented by an active participant in these events.

Keywords: French in Russia (XIX century), Evgeny Frantsevich (Eugène) de Villeneuve, Greek War of Independence of the 1820s, Taganrog, Feodosia.

УДК 94(477.75)

**КРЫМСКИЕ КАРАИМЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ
И САНАТОРНО-КУРОРТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЯЛТЫ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Прохоров Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: prohorov1da@yandex.ru*

Рассмотрена роль представителей крымской караимской общины в становлении и развитии санаторно-курортных учреждений Ялты. Помимо широкого представительства в продовольственном и промышленном секторах экономики Таврической губернии, многие из караимов-предпринимателей развивали курортное и бальнеологическое направления, являясь его пионерами в России. Проанализированы сведения об участии купцов-караимов в развитии сети гидропатических и лечебно-курортных заведений в Ялте во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрены данные статистики, а также материалы, выявленные в документах Государственного архива Республики Крым, в дореволюционной региональной периодической печати и тематических сборниках; проанализирована роль караимов в экономическом и культурном развитии региона. Сделан вывод о том, что караимы Ялты играли важную роль в развитии курортной инфраструктуры ЮБК и ялтинского городского хозяйства. Многие из них занимали посты в органах городского самоуправления, своей деятельностью способствуя дальнейшему развитию «русской Ривьеры».

Ключевые слова: Крым, караимы, Ялта курортная инфраструктура, экономика, промышленность.

Возникновение такого понятия, как «крымский курорт» неразрывно связано с историей проникновения на территорию Крымского полуострова идей русской культуры и образованности, распространению научных знаний и, помимо всего прочего, модных веяний в жизни общества того времени. С развитием путей сообщения и инфраструктуры городов Таврической губернии заметно увеличился поток приезжих в регион. Крым во второй половине XIX – начале XX в. стал не только популярным местом отдыха, но и востребованным оздоровительным и бальнеологическим курортом.

В соответствии с указом императора Николая I от 17 сентября 1837 г. (утвержденного в марте 1838 г. Правительствующим сенатом), в Таврической губернии был создан Ялтинский уезд. Благодаря возникшему в конце XIX – начале XX в. у российской аристократии интересу к Южному берегу Крыма, здесь началось интенсивное строительство летних дворцов и вилл. В развитии ЮБК как привлекательного и доступного места отдыха важную роль играла региональная пресса. Например, по предложению гласных Ялтинской городской думы от 10 ноября 1899 г., в смету городского бюджета на 1900 г. были внесены специальные денежные средства на объявления в газетах, популяризовавших Ялту как

оздоровительный курорт. «Признавая все выгоды для курортов от возможно частых и подробных объявлений в газетах, – констатировали думские гласные, – мы покорнейше просим городскую управу внести в смету на 1900 г. 1000 руб. на объявления о Ялте, предоставив эту сумму в распоряжение «Курортного комитета», или «Комитета Ялтинского общества курортного благоустройства». Предполагалось, что такие объявления будут размещаться перед началом каждого курортного сезона в таких российских газетах, как: «Русские ведомости», «Новое время», «Московский листок», «Одесский листок», «Новости дня», «Крымский курьер», а также в популярных путеводителях по Крыму [16, л. 1–7].

Во второй половине XIX в. широкую известность получает ЮБК в целом и Ялта в частности – город становится модным аристократическим курортом. Число приезжавших на отдых в Ялту постоянно росло, и если в 1897 г. ее посетило 13 913 человек, то в 1900 г. – уже 15 525 человек (число жителей в самой Ялте, в соответствии с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., составляло 13 269 человек, а в 1901 г. – уже 18 428 человек) [19, с. 41; 55, с. 2; 48, с. 59]. По заключению одного из составителей путеводителя по ЮБК, В. В. Святловского, Ялта уже в начале XX в. стала самым популярным курортом в России, насчитывавшим значительное число приезжих – «гораздо большее, чем собирают все группы Кавказских минеральных вод вместе взятые» [41, с. 87].

Само название черноморского побережья Крыма – «русская Ривьера» – может свидетельствовать об определенном подражании Западу в стремлении к организации высококлассного курорта [26, с. 6]. Тем не менее, Крымский полуостров отличали своеобразный колорит и присущая ему ориентальная экзотика.

В 1902 г. в газете «Салгир» сообщалось, что в Ялте открыта гостиница, при которой работал «вполне приличный ресторан и семейные кабинеты с парадным входом». За семейные номера в гостиницах приезжим предлагалось платить от 50 коп. до 3-х руб. в сутки. Чтобы окончательно убедить гостей в приемлемых условиях отдыха, в рекламных объявлениях подчеркивалось, что от южнобережных гостиниц можно добраться на экипаже «во все местности Крыма». С приезжих, останавливающихся в Ялте, взимался сезонный сбор, который составлял: с одного отдыхающего 5 руб., а «с семейства» – 3 руб. [20, с. 4; 27, с. 163].

Активность в курортно-оздоровительной сфере, приобретающей все большую популярность в связи с быстро распространявшейся модой на различные виды туризма (в том числе и на лечебный), путешествия и экскурсионную деятельность, проявляли крымские караимы. Заметный рост численности ялтинского купечества пришелся на 1860–1870-е гг., когда в России была проведена городская реформа [50, с. 21, 23]. Определенную часть населения Ялты составляли купцы и мещане, среди которых было немало состоятельных караимов: Г. С. Майкапар, Ю. С. Рофе, Е. О. Майтоп, И. Рофе, А. Рофе, И. Я. Бараш, Д. Я. Пембек, Ю. И. Рофе, Б. Илик, А. М. Кушлю, Э. И. Зурна и др. Ялтинская караимская община была сравнительно небольшой по численности: в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в городе проживало лишь 52 караима (29 мужчин и 23 женщины) [7, л. 89]. В 1873 г. в Ялте число караимских семей возросло до пятнадцати, а в 1886 г. в самом городе и в

уезде проживал 181 караим (100 мужчин и 81 женщина). В 1901 г. численность ялтинской караимской общины увеличилась до 480 человек [25, с. 64; 30, с. 32–33; 55, с. 2]. Основной коммерческий интерес ялтинские караимы проявляли в таких сферах деятельности, как торговля, садоводство и развитие санаторно-курортной сферы обслуживания.

23 сентября 1887 г. на заседании Ялтинской городской думы обсуждались вопросы, связанные с благоустройством города. Осенью 1887 г. сильный шторм разрушил строящуюся городскую набережную, и гласные думы, формируя повестку заседания, направили несколько запросов об возможности и сроках устранения причиненного ущерба. Одним из пунктов повестки стало обсуждение направленного в городскую думу прошения караимского купца Семена (Симхи) Марковича Шапшала, ходатайствовавшего о том, чтобы городские власти запретили кому-либо устраивать купальни на набережной от Ливадийского моста до дома наследников Вульфа на срок до восьми лет. Свою просьбу С. М. Шапшал мотивировал тем, что он задумал на принадлежащем ему участке в Заречной части города (от моста к Ливадии) [22, с. XXXVI] «устроить великолепную купальню, которая бы удовлетворяла всем требованиям науки и самых разборчивых купающихся». С. М. Шапшал планировал разместить в заведении до 50 ванн, а перед зданием (где предполагалось устроить зал для гимнастики, электротерапевтический и врачебно-консультационный кабинеты, лабораторию, помещения для русской и римской сухой бани и большой бассейн с морской водой, который призван был заменить морские купания в зимнее время года) – купальни на 172 человека [56, с. 2]. Дума предложение одобрила, но взамен на выданное разрешение гласные обязали С. М. Шапшала предоставить наиболее льготные условия для посетителей будущей купальни.

Рис. 1. Набережная Ялты (с дореволюционной открытки)

Данную инициативу С. М. Шапшала приняли с энтузиазмом, поскольку в 1880-х гг. купален в Ялте было мало, и город остро нуждался в организации такой разновидности отдыха для его жителей и приезжих [10, л. 1–13]. (Многие специалисты отмечали, что в Ялте «купанья не особенно хороши: требуется обувь, так как дно покрыто крупным гравием», при этом главными недостатками курортного отдыха называли «дороговизну жизни и скудость прогулок и развлечений»). Помимо всего прочего, морской рейд у берегов Ялты не был защищен от ветров, особенно от восточных; отмечалось, что «волнение моря бывает очень часто, причем волны нередко так сильны, что купанье прерывают на несколько дней» [2, с. 686]. Даже окончание постройки мола решало проблему лишь частично: он закрывал ту часть ялтинской бухты, где устраивать купальни было наименее удобно из-за впадавшей в нее р. Учан-Су (в дождливую погоду воды реки вливались бурным потоком в море с правой стороны Александровского сквера) [19, с. 20]. Предлагались различные варианты – от строительства т.н. «бреквотера» перед купальнями до создания огромных бассейнов с постоянным водообменом, однако ввиду утопичности и дороговизны самих проектов они в итоге остались нереализованными.

Постройка купален С. М. Шапшала вскоре началась (для этого были расчищены и подготовлены участки для строительства, вбивались сваи в основания построек, работали кузни и т.п.), а общий бюджет масштабного проекта, по приблизительным оценкам, составлял не менее 100 тыс. руб. Тем не менее, спустя несколько лет была выполнена лишь небольшая часть задуманного проекта: сооружены обыкновенные купальни, «несколько более изящные», а вместо цинковых и мраморных ванн – установлены фарфоровые. Очевидно, что предприниматель все же не рискнул вкладывать все свои средства в проект, поскольку осенне-зимние шторма серьезно повредили ялтинскую набережную, построенную за счет городского бюджета. Очевидцы отмечали, что особенно сильные разрушения были в ночь с 23 по 24 февраля 1889 г.: «...волны со страшной силою разбивались о камни разрушенной повсюду стены набережной, разламывали деревянные купальни, построенные на берегу, и подмывали землю самой улицы, <...> забрасывая ее всю тем хламом и нечистотами, какие сваливали горожане в море» [61, с. 2]. Любопытно, но при этом участок набережной под купальни, возведенный С. М. Шапшалом, остался практически нетронутым, что наводило на мысли о недобросовестности авторов казенного проекта реконструкции и о халатности строителей [5, с. 3].

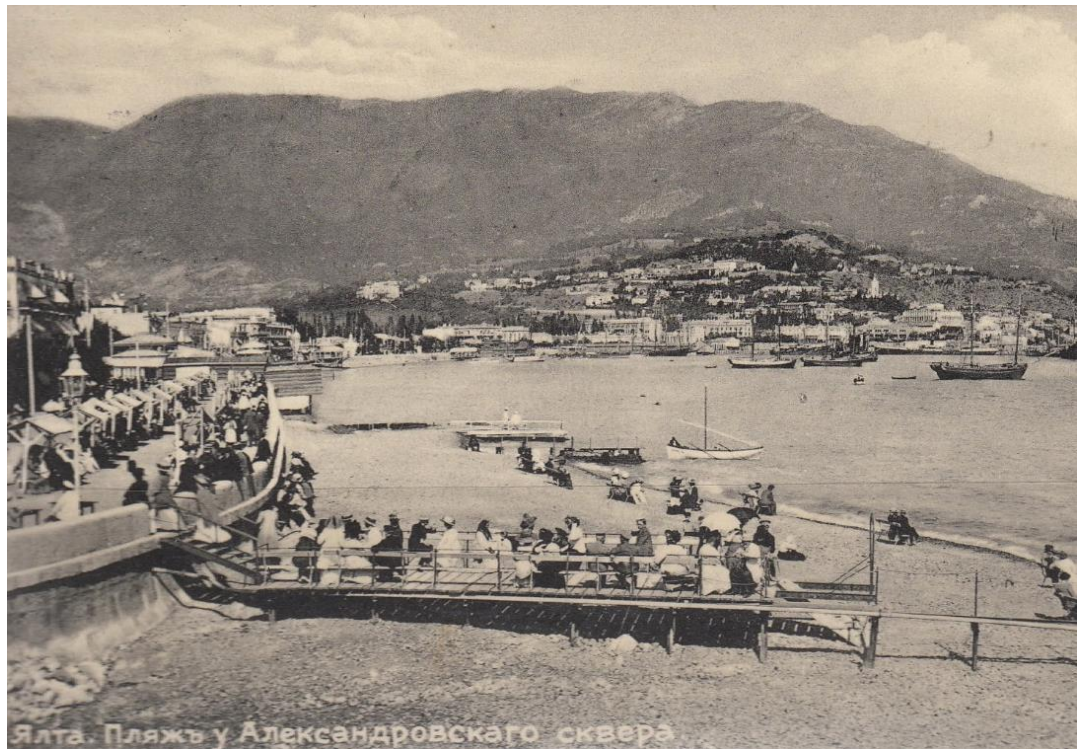
Когда же строительство по проекту С. М. Шапшала наконец завершилось, участок набережной с каменными стенами общей площадью 800 кв. саженей, с возведенными на нем зданиями ванного заведения, купальнями и другими постройками, перешел к новому владельцу – генерал-майору Александру Николаевичу Витмеру. Тем не менее, уже 22 мая 1891 г. тот заложил участок со всеми постройками по закладной крепости на сумму 20 тыс. руб. ялтинскому купцу, караиму Абраму Моисеевичу Шапшалу. Вскоре новый владелец был вынужден выставить приобретенный им участок на продажу – для покрытия остатка долга,

поскольку А. М. Шапшала, так и не получивший всей причитающейся ему по закладной суммы, подал в Симферопольский окружной суд гражданский иск на А. Н. Витмера: «...на удовлетворение взыскания его же, Шапшала, в сумме, оставшейся за уплатою из занятой суммы 20 000 рублей – 17 000 рублей с процентами» [31, с. 2; 47, с. 2]. Вскоре дело было передано для рассмотрения в Гражданский Кассационный Департамент Сената, который в ноябре 1893 г. принял решение «О взыскании А. Шапшалом с А. Витмера 33 334 рублей по закладной» [40, л. 1, 2]. Таким образом, генерал-майор А. Н. Витмер, один из самых влиятельных и состоятельных жителей Ялты конца XIX в., который нередко становился фигурантом различных судебных разбирательств, этот судебный процесс проиграл [39, с. 67–68].

В декабре 1890 г., во время очередной бури, в Ялте вновь были серьезно повреждены многие береговые сооружения. Так, например, значительный ущерб был нанесен купальням П. Я. Ланина, а их владелец едва успел спасти находившееся в них имущество; в прессе также сообщалось, что, помимо купальни П. Я. Ланина, шторм повредил и «прекрасное сооружение теплых морских ванн и купальни Шапшала», лишь накануне перешедшее к новому владельцу, генерал-майору А. Н. Витмеру. «Сильною волною подмыло переднюю каменную стенку, так, что вся стена осела и все здание тронулось, дав громадные трещины, так что новый владелец ванн счел за лучшее разобрать все здание и в настоящее время на месте, где красовалась эта постройка, стоят одни лишь развалины, а возле, моста, отделяющая город от уезда, наскоро выстроен безобразный сарай, сбитый из старья, так что в настоящее время в городе нет ни теплых морских ванн, ни купален, да и навряд ли будут таковые к предстоящему сезону, так как, говорят, Витмер, без предоставления ему городом 10-летней монополии, не решается строить, а дума, надо полагать, навряд ли решится дать такую гарантию» [52, с. 3]. После разрушительного шторма, обрушившегося на побережье Ялты 9 октября 1901 г. и вновь серьезно повредившего одну из городских купален, городская управа все же приняла решение о выделении необходимых средств на ее восстановление и содержание в надлежащем порядке [18, л. 1–3, 5, 6, 10–18].

С открытием морских купален Ялта приобретала определенные преимущества перед другими приморскими городами Крыма, поскольку это позволяло существенно продлить купальный сезон (с середины мая до конца октября). Приветствовались начинания по организации большего числа купален и для того, чтобы снизить цену на их посещение для малообеспеченных горожан (в самой дешевой ялтинской купальне за вход предлагалось заплатить 2 коп.). В среднем же цены на пользование купальнями варьировались от 5–7 коп. (без предоставления белья) и до 10–15 коп. (с бельем) с человека; месячный абонемент обходился несколько дешевле [27, с. 167]. «Ялтинцы, по-видимому, начинают осознавать, что, если они не желают окончательно оставаться на мели, они должны отказаться от системы высасывания [прибыли], так как на знатную публику надежды плохи», – делал вывод корреспондент одной из местных газет, призывая владельцев купален отказаться от установленных ими «бешеных цен» и соизмерять свои запросы с

потребностями и вкусами представителей среднего класса [27, с. 167]. Ему вторил другой автор: «Можно думать, что курортная публика и сама Ялта существует для удовольствия г.г.[оспод] арендаторов и владельцев гостиниц – обдирать шкуру приезжих. Болезнь наших курортов искусственная дороговизна, увы, присуща и нашей южной красавице Ялте» [48, с. 59].

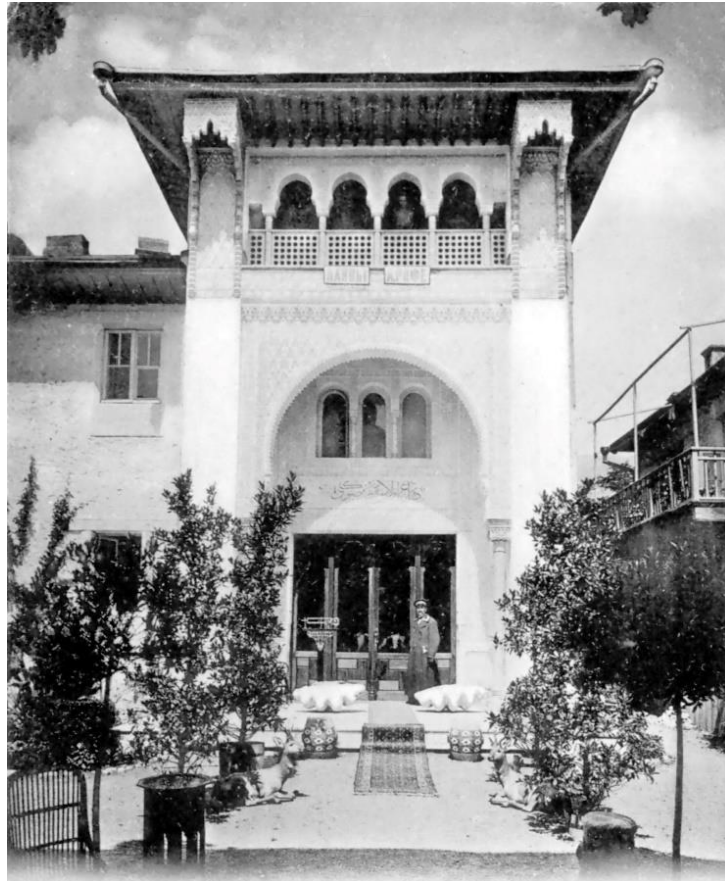
Рис. 2. Ялта. Пляж у Александровского сквера (с дореволюционной открытки)

Помимо всего прочего, для организации безопасного отдыха горожан и приезжих Ялтинская городская управа в 1898 и 1899 гг. приняла решение об издании обязательных постановлений о соблюдении мер безопасности и предотвращению несчастных случаев при морских купаниях, а также о приобретении спасательного оборудования и принадлежностей для городских купален [11, л. 1–8; 15, л. 1–7]. В том же году управой было разработано постановление об устройстве новых городских купален и о передаче в аренду уже существующих на период курортного сезона; кроме того, гласные представили на обсуждение и проект условий на постройку частными лицами купален с ваннами [12, л. 1–22; 13, л. 3–6].

Весомый вклад в развитие Ялты как бальнеологического и оздоровительного курорта в конце XIX в. внесла караимская семья Рофе. Из ведомости «О караимах, проживающих в Ялте», составленной в декабре 1869 г., известно, у ялтинской купчихи 2-й гильдии Назлы Рофе и ее мужа (к тому моменту уже покойного) Исаака Рофе было несколько детей: Абрам (25 лет), Овадья (Авадья, 18 лет), Моисей (12 лет), Самуил (7 лет), Сима (5 лет) и Эфраим (3 года), а также дочь Сымит (17 лет) [7, л. 89]. В 1870-е гг. члены семьи Рофе успешно торговали в Ялте медицинским оборудованием.

Вскоре старший сын Абрам Исаакович Рофе, используя коммерческий расчет и тонко чувствуя конъюнктуру при размещении семейных капиталов, основал предприятие «Рофе и сыновья», открыв ванно-лечебное заведение в центре Ялты [32, с. 61–66]. В 1897 г. во дворе гостиницы «Франция» (архитектор Н. П. Краснов; ул. Набережная, 4, ныне – ул. Набережная им. В.И. Ленина, 31) были сооружены купальни, устроен фонтан, разбит цветник и установлены удобные скамейки для отдыха. К зданию купален пристроили парадный портал в мавританском стиле из белого мрамора с вырезанной в нем цитатой из Корана: «Будь благословен, как вода» («Будешь здоров водою»). К portalу вела лестница, устланная ковром и уставленная по обеим сторонам цветами. Холл оформили в т.н. «марокканском стиле» с лепниной из гипса, обставили удобной мебелью, а в самих купальнях А. И. Рофе установил ванны с подогретой морской водой для, как следовало из рекламной листовки, «очистительного и общеукрепляющего лечебного эффекта». Общая стоимость проекта составила около 50 тыс. руб. [39, с. 242]. 12 июля 1897 г. состоялось торжественное открытие «морских и пресных ванн» предприятия «Рофе и сыновья», в котором, помимо самого Абрама Рофе, были также задействованы его мать Назлы и брат Овадья.

Заведение было рассчитано на 16 номеров с установленными в них ваннами. Особенное впечатление на клиентов производили ванны из цельного фаянса (каждая стоимостью 350 руб.); помимо этого, использовались мраморные, кафельные и эмалированные ванны (штампованные из цельных кусков стали). Все ванны заказывались за границей, и были выписаны из Вены и Лондона. Для обливаний и принятия душа имелись отдельные комнаты, а полы в заведении для удобства пользователей выстлали линолеумом. Номера были оборудованы электрическими звонками, вентиляторами и прочими «усовершенствованными удобствами». Предметом гордости ванно-лечебного заведения стал роскошный султанский номер, а также великолепное обслуживание для каждого посетителя: «все мелочи комфорта выдержаны г. Рофе самым внимательным образом» [50, с. 21, 23–24; 53, с. 3]. Персонал строго следил за соблюдением гигиенических и санитарных требований. Непосредственно в здании было также устроено машинное отделение для бесперебойной подачи воды, при этом стоки спускались не напрямую в море, а в канализацию. «Вообще все заведение поражает посетителя образцовой чистотой и роскошью, и публикой посещается весьма усердно», – констатировали очевидцы [1, с. 3].

*Рис. 3. Парадный портал входа в ванно-лечебное заведение Рофе
(с дореволюционного фото).*

В августе 1900 г. купец 1-й гильдии Иван Семенович Апостолов, содержавший гостиницу «Франция», подал в Ялтинскую городскую управу заявление о выдаче ему разрешения на прокладку электрического кабеля через ул. Набережную для того, чтобы оборудовать современное освещение в гостинице. Однако, после осмотра специально созданной для этих целей комиссией состояния керосиновых двигателей, установленных в самой гостинице «Франция» и в ванно-лечебном заведении А. И. Рофе, положительный вердикт по этому вопросу члены комиссии согласовать так и не смогли, поэтому И. С. Апостолов ожидаемого разрешения не получил [17, л. 1–26].

Что касается конкурентов А. И. Рофе, то в Ялте существовало также ванно-лечебное заведение «Саглык-Су», расположенное в конце ул. Набережной, близ Ливадийского моста, напротив гостиницы «Ореанда» (в 1912 г. в нем было 29

номеров и 31 ванна; посетителям предлагались солнечные ванны, «души, обливания, морские, пресные, углекислые и жемчужные ванны». Бани «Саглык-Су» находились рядом с гостиницей «Гранд-Отель») [60, с. 9; 28, с. 169]. По мнению современников, данное заведение было устроено также хорошо и удобно, но при тех же ценах на услуги – все же не так роскошно, как у владельцев заведения «Рофе и сыновья» [19, с. 52–53].

Во второй половине 1880-х – начале 1900-х гг. в Ялте открылось несколько купален, принадлежавших разным владельцам. В «старом городе» несколько лет функционировала купальня Орлова (впрочем, приезжие посещали ее редко), в «новом городе» – купальни П. И. Кожуриной и П. Я. Ланина (в одном из путеводителей указывалось, что у последнего можно было брать напрокат цинковые ванны по 4 руб. в месяц) [22, с. 20]. На набережной, напротив гостиницы «Санкт-Петербург» (располагалась на углу ул. Набережной и Екатерининской) в 1910-х гг. действовали купальни, принадлежавшие Ю. А. Пфейферу [23, с. 474]. Наиболее популярной считалась купальня титулярной советницы П. И. Кожуриной, построенная в 1875 г. в глубине ялтинской бухты, рядом с гостиницей «Россия» (плата за вход – 5 коп). Купальню отличало «самое тихое и спокойное купанье», так как она располагалась за молом и была защищена от волн, хотя при этом морская вода близ берега загрязнялась стоками. К слову, владелица купален неоднократно получала предписания от городских властей об устранении несоответствий внешнего вида объекта с утвержденным ранее проектом. Так, например, из выписки протокола заседания думы от 3 августа 1884 г. известно, что внешний вид купальни, построенной П. И. Кожуриной на ул. Набережной, был признан неудовлетворительным. Городские власти обязали застройщицу изменить фасад купальни, заключить дополнительный договор об аренде городской земли, а также приняли решение об усилении контроля за фасадами строящихся объектов. С 1889 г. по 1891 г. П. И. Кожурина вновь осуществляла самовольное строительство новых купален на ул. Набережной, в связи с чем управа обратилась к уездному исправнику с указанием о необходимости приостановления работ. 20 марта 1891 г. строительство все же санкционировали, при этом надзор над проведением работ был поручен архитектору Н.П. Краснову [49, с. 68–69]. В марте 1909 г. П. И. Кожурина открыла бани, приспособив для этого принадлежавший ей двухэтажный дом на ул. Массандровской, 4 / Церковной [39, с. 144].

Купальню Е. П. Чалого, организованную напротив городского сада, на арендованном у города участке на ул. Екатерининской (с 1902 г.), пользователи характеризовали как наиболее удобную по расположению, но не вполне комфортную по условиям содержания. Благодаря небольшой глубине у берега, купальня практически не была подвержена штормам и волнению моря. Купальня «Саглык-Су» считалась самой комфортабельной (с платой за вход 10 коп., по абонементу – 5 коп.), но, несмотря на чистоту воды, главное ее неудобство заключалось в большой глубине моря близ купальни, превышающей человеческий рост, и в силе прибоя, который ощущался даже при небольшом морском волнении [19, с. 52–53; 14, л. 1–5, 7–13, 21–48]. Следует также упомянуть городские

бесплатные купальни рядом с гостиницей «Лондон», а также пляжи дачи А. Я. Желтышева и имения Чокурлар [23, с. 475]. После окончания реконструкции и расширения ялтинской набережной часть купален была снесена.

Рис. 4. Гостиница «Франция» с рекламой заведения Рофе на входе. Слева – магазин М. И. Кушлю (с дореволюционной открытки).

В соответствии с правилами аренды, здание ванно-лечебного комплекса А. И. Рофе через 18 лет после открытия должно было перейти в собственность владелицы гостиницы «Франция» Елене Ивановне Рыбицкой (дочери художника-мариниста И. К. Айвазовского, супруге неоднократно избравшегося ялтинским городским головой В. А. Рыбицкого; по первому мужу – Латри). Гостиница была рассчитана на 40 номеров для постояльцев: в «высокий» сезон цена за номер составляла от 2 руб. 50 коп. до 15 руб., в «низкий» – в летние месяцы от 1 руб. 50 коп. до 7 руб., в зимние – от 1 до 5 руб. в сутки [19, с. 54]. На первом этаже самой гостиницы располагались различные магазины, среди которых выделялась «Русская избушка» караимского купца 2-й гильдии Исаака Абрамовича Синани (1855–1912) – известный далеко за пределами Ялты книжно-табачный магазин. Его фасад соответствовал названию и был оформлен под русскую избу – «Русская избушка И. А. Синани, продажа книг и газет» являлась местом встреч многих писателей, художников, поэтов, музыкантов, представителей творческой интеллигенции. Кроме того, в магазине И. А. Синани продавались табак и папиросы, сигары и табачные принадлежности [22, с. 7]. (Торговый депутат ялтинской городской

управы И. А. Синани в 1892 г. был представлен к почетной награде «за полезную службу и добросовестное исполнение своих обязанностей») [9, л. 1, 1 об., 3 об., 4]. На первом этаже того же здания располагался и магазин караимского купца 2-й гильдии М. И. Кушлю, торговца мануфактурными и галантерейными товарами.

С 1 сентября 1897 г. А. И. Рофе совместно с доктором Г. М. Мизучем открыл в Ялте, на ул. Аутской еще одну водолечебницу, оснащенную современным оборудованием и всем необходимым. В планах у энергичного предпринимателя была и постройка морских купален в Ялте, поскольку этот вид отдыха продолжал пользоваться популярностью. Тем не менее, обратившись к городским властям за разрешением, А. И. Рофе встретил отсутствие интереса к проекту у членов ялтинской городской думы и городской управы, и в содействии в получении необходимых бумаг купцу было отказано. При этом некоторые представители городской администрации все же высказывали сожаление, что А. И. Рофе, войдя в соглашение с Е. И. Рыбицкой, построил ванно-лечебное заведение на ее участке – в противном случае, если бы он получил разрешение у города, предприятие, которое, по замечанию современников, представляло «самую интересную вещь в нашем скучном обиходе», было бы расположено по фасаду городского сада, и по истечении 18 лет перешло бы в собственность ялтинских городских властей [53, с. 3].

В 1890-х гг. на рассмотрение в Ялтинскую городскую управу были представлены несколько проектов постройки в городском саду, вдоль ул. Набережной, большого здания для размещения в нем «учреждений курортного характера». Например, помещения нижнего этажа планировалось отвести под магазины и лавки для удовлетворения запросов горожан и курортной публики. Авторами одного из таких проектов стали ялтинские купцы-караимы А. И. Рофе и М. И. Кушлю. Они внесли в управу для последующего доклада городской думе предложение: взять в аренду магазины в нижнем этаже проектируемого здания с оплатой от 10 до 13 тыс. руб. в год. В качестве финансового обеспечения данного предложения А. И. Рофе и М. И. Кушлю согласились представить имущественную или денежную гарантию [51, с. 3].

По мнению предпринимателей, постройка подобного здания в оживленной части Ялты, где также располагались городской сад, Александровский сквер и Пушкинский бульвар, могла бы обеспечить коммерческий успех их начинанию. Этот проект, по мнению ялтинских обывателей, с коммерческой стороны представлялся заслуживающим полного одобрения, «со стороны же курортного благоустройства и говорить нечего – в распоряжении города пока не предвидится комбинации более привлекательной, и думе следует, не откладывая, заняться его решением» [51, с. 3]. Однако конкуренцию проекту А. И. Рофе и М. И. Кушлю составили ялтинские купцы Г. К. Каубиш (владелец гостиницы «Россия» на ул. Набережной, 34) и Н. Д. Стахеев – последний построил на приобретенном в 1897 г. у наследников барона А. Л. Врангеля участке, расположенном на углу ул. Аутской, 1 / Набережной, 32, торговые павильоны, известные как «Стахеевские ряды» (в 1910 г. участок был продан Ялтинской городской управе вместе с павильонами,

которые сохранили свою специализацию под новой вывеской: «Торговые ряды») [39, с. 138, 258]. В свою очередь, А. И. Рофе и М. И. Кушлю впоследствии все же реализовали свою коммерческую идею, открыв магазины на первом этаже гостиницы «Франция».

Отметим, что ванно-лечебное предприятие А. И. Рофе довольно скоро стало одной из ярких достопримечательностей курортного города, привлекая не только местных жителей, но и значительное число приезжих. Тем не менее, собираясь сюда с визитом, посетители зачастую руководствовались скорее соображениями моды и престижа, чем медицинскими показаниями и целесообразностью. Так, например, газета «Крым» в августе 1899 г. информировала, что «в Ялте, на днях, в ванном заведении Рофе, умер скоропостижно, купаясь в ванне, действительный статский советник Александр Карлович Элиман. Произведенным дознанием установлено, что смерть Элимана произошла от паралича сердца» [59, с. 3].

Содержательная информация о членах ялтинской караимской общины, об их занятиях и социальном статусе, а также о принадлежавшем им имуществе регулярно печаталась в «Списках лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборах гласных Ялтинской городской думы», а также в «Списках состава избирателей г. Ялты для избрания гласных в Ялтинскую городскую думу». Например, благодаря этим документам становится известно, что в списке членов 3-го избирательного собрания Ялты, составленного для избрания гласных в Ялтинскую гордуму на четырехлетие с 7 октября 1875 г., фигурировали купчиха 2-й гильдии Назлы Рофе и ее сын Абрам Исаакович Рофе [46, с. 249]. Помимо всего прочего, А. И. Рофе 1894 г. числился в списках присяжных заседателей по Ялтинскому уезду [29, с. 8]. В соответствии с установленным имущественным цензом, в 1897 г. купцы 2-й гильдии, братья Абраам Исаакович и Овадьа Исаакович Рофе получили право участвовать в очередных выборах гласных Ялтинской городской думы на четырехлетие с 1 января 1898 г. Согласно представленным сведениям, Овадьа Рофе являлся владельцем недвижимого имущества, оцененного в 2440 руб., и содержал в Ялте музыкальный магазин (на ул. Аутской, в собственном доме), в котором продавались музыкальные инструменты и ноты. У Абрама Исааковича Рофе во владении находилось недвижимое имущество на сумму 4430 руб., а также склад с лесоматериалами [43, с. 4]. Вскоре ему удалось увеличить свое состояние до 6140 руб., занимаясь финансовыми операциями по приобретению и продаже ряда объектов недвижимости в Ялте и Ялтинском уезде, а также унаследовав, совместно с младшими братьями Моисеем и Самуилом (в отличие от двух старших братьев-купцов, они принадлежали к мещанскому сословию), часть состояния и имущества умершего Овадьа Рофе [42, с. 404; 33, с. 4; 34, с. 4; 35, с. 4; 36, с. 4; 37, с. 4; 38, с. 4]. В 1902 г. А. И. Рофе даже баллотировался в качестве кандидата в гласные на выборах в Ялтинскую городскую думу, однако не получил достаточного количества голосов и был «забаллотирован» [21, с. 1]. В 1912 г. А. И. Рофе значился в списках лиц, принимавших участие в Ялтинском втором избирательном съезде по выборам в IV Государственную Думу Российской империи (по г. Ялта) [44, с. 3].

*Рис. 5. Парадный портал входа в ванно-лечебное заведение Рофе.
Ныне – «Вилла София» (современный вид).*

Представители семьи Рофе, как это было общепринято среди российского купечества, активно занимались благотворительностью. Так, например, в 1890 г. Абрам Исаакович Рофе принимал участие в благотворительной лотерее-аллегри, организованной в пользу ялтинской женской прогимназии, а также в лотерее-аллегри, устроенной для Ялтинского благотворительного общества. В 1901 г. он передал 500 руб. на постройку в Ялте пансиона-общежития при Александровской гимназии [54, с. 3; 45, с. 1; 3, с. 1]. А когда в Евпатории было открыто Александровское караимское духовное училище (АКДУ), созданное по проекту известного просветителя и педагога И. И. Казаса, от ялтинских караимов на нужды АКДУ поступило пожертвований на сумму 1223 руб., причем из них 600 руб. передали купцы А. Рофе и Е. Майтоп [6, л. 252; 8, л. 29].

Впоследствии ванно-лечебный комплекс Рофе перешел в собственность Ю. А. Пфейфера [23, с. 474]. С началом Первой мировой войны в июле-августе 1914 г., в соответствии с указом императора Николая II, началась высылка в заволжские губернии немцев и австрийцев. Выселению также подлежали подданные враждебных России государств славянского, французского, венгерского и итальянского происхождения. После опубликования в 1915 г. «Положения Совета Министров о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» и согласно определению,

принятому Таврическим Губернским правлением на заседании 27 февраля 1916 г., на полуострове началась ликвидация немецкого землевладения. Было дано распоряжение о закрытии всех торгово-промышленных, технических, акционерных и кредитных предприятий. С 12 августа по 22 декабря 1914 г. из Крыма было выслано 353 германских подданных и 3410 подданных Турции [24, с. 431]. Ю. А. Пфейфер, как австро-венгерский подданный, был вынужден продать ванно-лечебное заведение Е. И. Рыбицкой. После конфискации военным ведомством имущества Ю. А. Пфейфера Е. И. Рыбицкая ходатайствовала о скорейшем освобождении здания от имущества прежнего владельца, чтобы вновь открыть ставшее популярным заведение [39, с. 233–234]. В наши дни дом Рофе, построенный для ванного заведения на набережной Ялты, реконструирован под отель «Вилла София».

Таким образом, проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что в Ялте караимская община возникла не ранее середины XIX в. На протяжении длительного времени, вплоть до 1900-х гг. общая численность проживавших в городе караимов была сравнительно небольшой. Однако развитие Ялты как туристического центра и бальнеологического курорта привлекало сюда на постоянное жительство не только представителей караимских общин Таврической губернии, но и многих выходцев из других регионов России. Караимы Ялты в этот период играли важную роль в развитии экономики и городского хозяйства; некоторые из них занимали ключевые посты в органах городского самоуправления, своей деятельностью способствуя дальнейшему процветанию «русской Ривьеры».

Список использованных источников и литературы

1. Ад. Ф. Новое заведение // Салгир. – 1897. – № 104. – 29 августа. – С. 3.
Ad. F. Novee zavedenie // Salgir. – 1897. – № 104. – 29 avgusta. – S. 3.
2. Бертенсон Л.Б. Лечебные воды, грязи и морские купанья в России и заграницей: классификация, хим. состав, действие и показания к употреблению: путеводитель по лечеб. местностям. – 4-е изд., соверш. перераб. и знач. доп. – СПб.: К.Л. Риккер, 1901. – XII, [2], 778 с., [15] л. табл.
Bertenson L.B. Lechebnye vody, grjazi i morskie kupan'ja v Rossii i zagranicej: klassifikacija, him. sostav, dejstvie i pokazanija k upotrebleniju: putevoditel' po lecheb. mestnostjam. – 4-e izd., soversh. pererab. i znach. dop. – SPb.: K.L. Rikker, 1901. – XII, [2], 778 s., [15] l. tabl.
3. В пользу лотереи-аллегри Ялтинского благотворительного общества сделали пожертвования следующие лица // Ялтинская справочная газета. – 1890. – № 206. – 22 сентября. – С. 1.
V pol'zu loterei-allegri Jaltinskogo blagotvoritel'nogo obshhestva sdelali pozhertvovanija sledujushhie lica // Jaltinskaja spravocnaja gazeta. – 1890. – № 206. – 22 sentjabrja. – S. 1.
4. Ванное заведение А. Рофе // Крымский курьер. – 1902. – № 70. – 16 марта. – С. 1.
Vannoe zavedenie A. Rofe // Krymskij kur'er. – 1902. – № 70. – 16 marta. – S. 1.
5. Внутренний отдел. Нам пишут. Из Ялты // Крымский вестник. – 1889. – № 146. – 8 июля. – С. 3.
Vnutrennij otdel. Nam pishut. Iz Jalty // Krymskij vestnik. – 1889. – № 146. – 8 ijulja. – S. 3.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 241, оп. 1, д. 593, л. 252.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 241, op. 1, d. 593, l. 252.
7. ГАРК. ф. 241, оп. 1, д. 1367.
GARK. f. 241, op. 1, d. 1367.
8. ГАРК, ф. 450, оп. 1, д. 3.

- GARK, f. 450, op. 1, d. 3.
 9. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 714.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 714.
 10. ГАРК, ф. 525, оп. 1, д. 932.
 GARK, f. 525, op. 1, d. 932.
 11. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 975.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 975.
 12. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 985.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 985.
 13. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 986.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 986.
 14. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 1018.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 1018.
 15. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 1059.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 1059.
 16. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 1068.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 1068.
 17. ГАРК, ф. 522 оп. 1, д. 1142.
 GARK, f. 522 op. 1, d. 1142.
 18. ГАРК, ф. 522, оп. 1, д. 1217.
 GARK, f. 522, op. 1, d. 1217.
 19. Еленин Е.А. Ялта и окрестности. – Ялта: изд. Ю. В. Волкова, 1901/1902. – [4], 160 с., 3 л. табл.
 Elenin E. A. Jalta i okrestnosti. – Jalta: izd. Ju.V. Volkova, 1901/1902. – [4], 160 s., 3 l. tabl.
 20. К сведению приезжающих // Салгир. – 1902. – № 92. – С. 4.
 K svedeniju priezzhajushhh // Salgir. – 1902. – № 92. – S. 4.
 21. К ялтинским городским выборам // Салгир. – 1902. – № 24. – 29 января. – С. 1.
 K jaltinskim gorodskim vyboram // Salgir. – 1902. – № 24. – 29 janvarja. – S. 1.
 22. Карманный путеводитель по Ялте и окрестностям. – Ялта, 1889. – 39, LXIII, 48 с.
 Karmannyj putevoditel' po Jalte i okrestnostjam. – Jalta, 1889. – 39, LXIII, 48 s.
 23. Крым: путеводитель / Под ред. К. Ю. Бумбера, А. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова; Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь: тип. Таврич. губ. земства, 1914. – VIII, 688 с.
 Krym. Putevoditel' / Pod red. K. Ju. Bumbera, A. S. Vagina, N. N. Klepinina, V. V. Sokolova; Krymskoe obshhestvo estestvoispytatelej i ljubitelej prirody. – Simferopol': tip. Tavrich. губ. zemstva, 1914. – VIII, 688 s.
 24. Лаптев Ю. Н. К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 1. – Симферополь, 1997. – С. 428–434.
 Laptjev Ju.N. K voprosu o polozenii nemcev Kryma v gody pervoj mirovoj vojny // Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. – Выр. 1. – Simferopol', 1997. – S. 428–434.
 25. Ливанов Ф.В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников / Ф. В. Ливанов. – М.: Современные известия, 1874. – 264 с.
 Livanov F. V. Chufut-Kale (iudejskaja krepost') v Krymu. S prisoedineniem maloissledovannoj eshhe v Rossii sekty karaimov. Sostavleno i izdano dlja puteshestvennikov / F. V. Livanov. – М.: Sovremennye izvestija, 1874. – 264 s.
 26. Мальгин А. В. Русская Ривьера. – Симферополь: СОНАТ, 2004. – 352 с.
 Mal'gin A. V. Russkaja Riv'era. – Simferopol': SONAT, 2004. – 352 s.
 27. Москвич Г. Г. Практический путеводитель по Крыму с приложением. – 2-е изд. – Ялта: изд. Анны Москвич, 1889. – XXX, [2], 280 с., 3 л. карт.
 Moskvich G. G. Prakticheskij putevoditel' po Krymu s prilozheniem. – 2-e izd. – Jalta: izd. Anny Moskvich, 1889. – XXX, [2], 280 s., 3 l. kart.

28. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. – 23-е изд. – СПб.: Редакция «Путеводителей», 1912. – XIV, 287, XXV с.
Moskvich G. G. Iljustrirovannyj praktičeskij putevoditel' po Krymu. – 23-e izd. – SPb.: Redakcija «Putevoditelej», 1912. – XIV, 287, XXV s.
29. От комиссии по составлению списков присяжных заседателей // Таврические губернские ведомости. – 1894. – № 2. – 13 января. – С. 8.
Ot komissii po sostavleniju spiskov prisjazhnyh zasedatelej // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1894. – № 2. – 13 janvarja. – S. 8.
30. Памятная книжка Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К. А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. II. Статистика населения. – С. 1–107.
Pamjatnaja knizhka Tavricheskoj gubernii, sostavlennaja Statisticheskim bjuro Tavricheskogo gubernskogo zemstva / Pod red. K. A. Vernera. – Simferopol', 1889. – Otd. II. Statistika naselenija. – S. 1–107.
31. Продажа недвижимого имущества // Таврические губернские ведомости. – 1892. – № 50. – 17 декабря. – С. 2.
Prodazha nedvizhimogo imenija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1892. – № 50. – 17 dekabrja. – S. 2.
32. Прохоров Д. А. История возникновения и формирования караимских общин в городах Южного берега Крыма (середина XIX – начало XX вв.) // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 261. – С. 61–66.
Prohorov D. A. Istorija vzniknovenija i formirovanija karaimskih obshhin v gorodah Juzhnogo berega Kryma (seredina XIX – nachalo XX vv.) // Kul'tura narodov Pricernomor'ja. – 2013. – № 261. – S. 61–66.
33. Публичные продажи имений // Таврические губернские ведомости. – 1904. – № 46. – 29 июня. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1904. – № 46. – 29 ijunja. – S. 4.
34. Публичные продажи имений. Первая публикация // Таврические губернские ведомости. – 1906. – № 80. – 13 октября. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij. Pervaja publikacija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1906. – № 80. – 13 oktjabrja. – S. 4.
35. Публичные продажи имений. Первая публикация // Таврические губернские ведомости. – 1907. – № 66. – 24 августа. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij. Pervaja publikacija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1907. – № 66. – 24 avgusta. – S. 4.
36. Публичные продажи имений. Вторая публикация // Таврические губернские ведомости. – 1907. – № 67. – 28 августа. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij. Vtoraja publikacija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1907. – № 67. – 28 avgusta. – S. 4.
37. Публичные продажи имений. Первая публикация // Таврические губернские ведомости. – 1907. – № 72. – 14 сентября. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij. Pervaja publikacija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1907. – № 72. – 14 sentjabrja. – S. 4.
38. Публичные продажи имений. Первая публикация // Таврические губернские ведомости. – 1909. – № 83. – 27 октября. – С. 4.
Publichnye prodazhi imenij. Pervaja publikacija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1909. – № 83. – 27 oktjabrja. – S. 4.
39. Розанова-Свердловская Л. Дома и домовладельцы Ялты. 1889–1920. – Ялта: Н. Орианда, 2023. – 368 с.
Rozanova-Sverdlovskaja L. Doma i domovladeľcy Jalty. 1889–1920. – Jalta: N. Orianda, 2023. – 368 s.
40. Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 1364, оп. 2, д. 1775.
Rossijskij Gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA), f. 1364, op. 2, d. 1775.

41. Святловский В. В. Южный берег Крыма и Ривьера. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1902. – 230 с.
Svjatlovskij V. V. Juzhnyj bereg Kryma i Riv'era. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1902. – 230 s.
42. Список лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборах гласных Ялтинской Городской Думы по Городовому положению 11 июня 1892 г., на четырехлетие с 1 января 1898 г. Составлен 18 октября 1897 г. // Таврические губернские ведомости. – 1897. – № 43. – 30 октября. – С. 404.
Spisok lic i uchrezhdenij, imejushhij pravo uchastvovat' v vyborah glasnyh Jaltinskoj Gorodskoj Dumy po Gorodovomu polozheniju 11 ijunja 1892 g., na chetyrehletie s 1 janvarja 1898 g. Sostavljen 18 oktjabrja 1897 g. // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1897. – № 43. – 30 oktjabrja. – S. 404.
43. Список лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборе гласных Ялтинской Городской Думы по Городовому положению 11 июня 1892 г., на четырехлетие с 1 января 1906 г. // Таврические губернские ведомости. – Приложение к № 89. – 1905. – 15 ноября. – С. 4.
Spisok lic i uchrezhdenij, imejushhij pravo uchastvovat' v vybere glasnyh Jaltinskoj Gorodskoj Dumy po Gorodovomu polozheniju 11 ijunja 1892 g., na chetyrehletie s 1 janvarja 1906 g. // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – Prilozhenie k № 89. – 1905. – 15 nojabrja. – S. 4.
44. Список лиц, имеющих право участвовать в Ялтинском втором избирательном съезде по выборам в Государственную Думу Российской империи (по г. Ялта) // Таврические губернские ведомости. – 1912. – № 58. – 3 августа. – С. 3.
Spisok lic, imejushhij pravo uchastvovat' v Jaltinskom vtorem izbiratel'nom s#ezde po vyboram v Gosudarstvennuju Dumu Rossijskoj imperii (po g. Jalta) // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1912. – № 58. – 3 avgusta. – S. 3.
45. Список лиц, пожертвовавших на лотерею-аллегри в пользу женской прогимназии // Ялтинская справочная газета. – 1890. – № 196. – 8 сентября. – С. 1.
Spisok lic, pozhertvovavshih na lotereju-allegri v pol'zu zhenskoj progimnazii // Jaltinskaja spravocchnaja gazeta. – 1890. – № 196. – 8 sentjabrja. – S. 1.
46. Список состава избирателей г. Ялты для избрания гласных в Ялтинскую городскую думу на второе четырехлетие с 7 октября 1875 г., составленный на основании 24 ст. город. положения // Таврические губернские ведомости. – 1875. – № 72. – 6 сентября. – С. 249.
Spisok sostava izbiratelej g. Jalty dlja izbranija glasnyh v Jaltinskuju gorodskuju dumu na vtoree chetyrehletie s 7 oktjabrja 1875 g., sostavlennyj na osnovanii 24 st. gorod. polozhenija // Tavricheskie gubernskie vedomosti. – 1875. – № 72. – 6 sentjabrja. – S. 249.
47. Судебная хроника. Дело о клевете // Крымский вестник. 1898. – № 67. – 24 мая. – С. 2.
Sudebnaja hronika. Delo o klevete // Krymskij vestnik. 1898. – № 67. – 24 maja. – S. 2.
48. «Таврида»: Промышленная и справочная книга Таврической губернии на 1910 год / Под ред. С. Ф. Савицкого. – Симферополь: А. Д. Анджело, 1910. – 89 с.
«Tavrida»: Promyshlennaja i spravocchnaja kniga Tavricheskoj gubernii na 1910 god / Pod red. S. F. Savickogo. – Simferopol': A. D. Andzhelo, 1910. – 89 s.
49. Федун В. В. Организационно-правовые аспекты деятельности Ялтинской городской думы в 70-80-х гг. XIX в. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Том 27(66). – 2014. – № 3. – С. 65–71.
Fedunov V. V. Organizacionno-pravovye aspekty dejatel'nosti Jaltinskoj gorodskoj dumy v 70–80-h gg. XIX v. // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo univversiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Juridicheskie nauki». – Tom 27(66). – 2014. – № 3. – S. 65–71.
50. Фоменко И. Купечество Ялты в XIX – начале XX века // История Южного берега Крыма: VIII Дмитриевские чтения (27–28 марта 2003 г.): сборник научных трудов / Ялтинский историко-литературный музей. – Симферополь: Магистр, 2005. – С. 21–26.
Fomenko I. Kupechestvo Jalty v XIX – nachale XX veka // Istorija Juzhnogo berega Kryma: VIII Dmitrievskie chtenija (27–28 marta 2003 g.): sbornik nauchnyh trudov / Jaltinskij istoriko-literaturnyj muzej. – Simferopol': Magistr, 2005. – S. 21–26.
51. Хроника. Ялта // Крымский вестник. – 1889. – № 296. – 16 ноября. – С. 3.
Hronika. Jalta // Krymskij vestnik. – 1889. – № 296. – 16 nojabrja. – S. 3.
52. Хроника. Ялта // Крымский вестник. – 1891. – № 18. – 22 января. – С. 3.

- Hronika. Jalta // Krymskij vestnik. – 1891. – № 18. – 22 janvarja. – S. 3.
53. Хроника. Ялта // Крымский вестник. – 1897. – № 185. – 17 июля. – С. 3.
Hronika. Jalta // Krymskij vestnik. – 1897. – № 185. – 17 ijulja. – S. 3.
54. Хроника. Ялта // Салгир. – 1901. – № 178. – 11 августа. – С. 3.
Hronika. Jalta // Salgir. – 1901. – № 178. – 11 avgusta. – S. 3.
55. Хроника. По последним данным // Салгир. – 1901. – № 31. – 8 февраля. – С. 2.
Hronika. Po poslednim dannym // Salgir. – 1901. – № 31. – 8 fevralja. – S. 2.
56. Цэн А. Корреспонденции. Ялта // Севастопольский справочный листок. – 1887. – № 115. – 2 октября. – С. 2.
Cjen A. Korrespondencii. Jalta // Sevastopol'skij spravocnyj listok. – 1887. – № 115. – 2 oktjabrja. – S. 2.
57. Ялта (корреспонденция «Салгира») // Салгир. – 1897. – № 103. – 27 августа. – С. 2–3.
Jalta (korrespondencija «Salgira») // Salgir. – 1897. – № 103. – 27 avgusta. – S. 2–3.
58. Ялта // Крым. – 1897. – № 307. – 5 декабря. – С. 3.
Jalta // Krum. – 1897. – № 307. – 5 dekabrja. – S. 3.
59. Ялта // Крым. – 1899. – № 203. – 14 августа. – С. 3.
Jalta // Krum. – 1899. – № 203. – 14 avgusta. – S. 3.
60. Ялта и ближайшие окрестности: Путеводитель-справочник: С планом г. Ялты, гор. картой и картограм., метеорол. табл. и с прил. 2-х ил. открытых писем / Под ред. Ю. В. Васильчикова. – 2-е изд. – Ялта: тип. Н. Р. Лупандиной, 1913. – 128 с., 3 л. ил.
Jalta i blizhajšie okrestnosti: Putevoditel'-spravochnik: S planom g. Jalty, gor. kartoj i kartogram., meteorol. tabl. i s pril. 2-h il. otkrytyh pisem / Pod red. Ju. V. Vasil'chikova. – 2-e izd. – Jalta: tip. N. R. Lupandinoj, 1913. – 128 s., 3 l. il.
61. Н. Путевые наблюдения. Ялта // Крымский вестник. – 1889. – № 50. – 5 марта. – С. 2.
N. Putevyje nabljudenija. Jalta // Krymskij vestnik. – 1889. – № 50. – 5 marta. – S. 2.

Prohorov D. A. Crimean Karaites – an entrepreneurs and health resort institutions of the Tavrida province in the second half of the 19th – on the beginning of the 20th centuries

The article considers the role of representatives of the Crimean Karaite community in the formation and development of sanatorium-and-spa institutions in Yalta. In addition to being widely represented in the food and industrial sectors of the economy of the Taurida province, many of the Karaites-entrepreneurs developed the resort and balneological areas, being its pioneers in Russia. The data on the participation of Karaite merchants in the development of a network of hydropathic and medical-resort institutions in Yalta in the second half of the 19th – early 20th centuries are analyzed. Statistical data, as well as materials found in the documents of the State Archive of the Republic of Crimea, in pre-revolutionary regional periodicals and thematic collections are considered; analyzed the role of the Karaites in the economic and cultural development of the region. It is concluded that the Karaites of Yalta played an important role in the development of the resort infrastructure of the South Coast and the Yalta urban economy. Many of them held key positions in the city government, contributing to the further development of the “Russian Riviera” with their activities.

Keywords: Crimea, Karaites, Yalta resort infrastructure, economy, industry.

УДК 94:323.13 (= 161.3) (475) «1939/1945»

БЕЛУРУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)¹

Романько О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru*

Рассматривается роль и место белорусских националистов в антинацистском партизанском движении в период Великой Отечественной войны. На основе широкого круга отечественной и зарубежной литературы определено, что помимо советского партизанского движения, на территории Белоруссии действовали еще несколько партизанских организаций, которые можно отнести к националистическому лагерю. Это: польские, украинские и белорусские формирования. Показано, что деятельность подполья белорусских националистов относится к наиболее дискуссионным моментам истории партизанского движения на территории Белоруссии. Подчеркивается, что оно не являлось однородным и состояло из трех направлений, отличавшихся только степенью коллаборационизма с немецкими оккупантами. На основе анализа архивных источников установлено, что ни одному из направлений белорусских националистов не удалось создать эффективные партизанские силы, которые могли бы конкурировать с другими партизанскими организациями. В результате проведенного исследования обоснован вывод, что наиболее значительным партизанским движением на территории Белоруссии являлось советское, а польское и украинское имели ограниченный характер. Белорусское же националистическое партизанское движение, несмотря на антинацистские взгляды части его представителей, в итоге примкнуло к коллаборационистам, фактически, став их частью.

Ключевые слова: Белоруссия, нацистская оккупация, национализм, партизанское движение, коллаборационизм, Белорусская партия независимости.

В советской исторической литературе и публицистике, посвященной Великой Отечественной войне, за Белоруссией прочно закрепилось название «партизанская республика». Это название отразило все: и прекрасные условия для малой войны, и количество партизанских отрядов, и героизм народных мстителей в их борьбе против немецких оккупантов. Разумеется, здесь шла речь только о советских партизанах. Тем не менее, теперь известно, что с 1941 по 1944 г. на территории Белоруссии действовал целый ряд партизанских организаций, члены которых имели другую идеологию и не считали себя сторонниками СССР.

Фактически, в годы Второй мировой войны существовало два направления в партизанском движении. В целом, их условно можно назвать коммунистическим и националистическим. Это касается практически всех оккупированных нацистами

---

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Проект: «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

стран Европы. С некоторыми оговорками этот факт признавала даже советская историография. Однако советские исследователи наотрез отказывались видеть подобные проявления на оккупированных территориях СССР. Партизанами здесь считалось только те, кто подчинялся соответствующим органам советского военно-политического руководства. Все же остальные – это разновидность коллаборационистов, чему отчасти, есть подтверждение. С некоторыми нюансами такая точка зрения перешла из советской историографии в современные российскую и белорусскую, где по-прежнему, почти, нет разницы между националистами, которые открыто сотрудничали с немцами, и националистами, считавшими себя т.н. «третьей силой» [1; 7; 12; 16; 27; 28; 33].

У западных исследователей был более разнообразный взгляд на историю партизанского движения на оккупированных территориях СССР. Тем не менее, мифов о нем они создали больше, чем советская историография. Так, многие из них утверждали и продолжают утверждать сейчас, что советское партизанское движение на территории СССР было создано искусственно и по приказу из Москвы. В отрядах, которые стали возникать с осени 1941 г., сражались, якобы, исключительно сброшенные на парашютах сотрудники НКВД, местные партийные и комсомольские функционеры, а также солдаты-окруженцы. Население не шло в эти отряды, так как, в основной своей массе, не считало советскую власть своей, и было, в лучшем случае, нейтральным по отношению к немцам. В худшем случае, оно сражалось против партизан в коллаборационистских формированиях. Если же простой крестьянин и попадал в партизанский отряд, то делал это не по своей воле и исключительно под угрозой репрессий. Такие особенности комплектования партизанского движения приводили, якобы, к росту антисоветских настроений. Причем, проявляться они могли двояко: местный житель шел либо в созданные немцами полицейские формирования, либо – к партизанам-националистам. Анализируя мотивы антисоветских настроений, западные историки делали вывод, что их главным фактором было даже не неприятие коммунистической идеологии, а борьба с маскирующимся под нее русским шовинизмом и империализмом. И акцентирование на этом факторе привело часть западных историков к прямому или завуалированному оправданию коллаборационизма, фактически, сблизившись с точкой зрения белорусской эмиграции [2; 3; 13; 39; 40].

Дискуссии вокруг партизанского движения на оккупированных советских территориях касаются почти всех сторон его истории: целей и причин, действующих сил, масштабов, эффективности, взаимоотношения партизан с местным населением и многих других. Также нельзя не отметить, что партизанская война – это, по сути, антипод и зеркальное отражение коллаборационизма. Поэтому, без анализа истории первого, вряд ли можно понять историю второго. И события, происходившие в годы войны на территории Белоруссии, здесь не исключение.

В целом, анализ документов и литературы позволяет констатировать, что одновременно с общепризнанным советским партизанским движением, можно выделить:

польское националистическое партизанское движение в лице так называемой Армии Крайовой (АК) – подпольных вооруженных сил под общим руководством польского эмигрантского правительства в Лондоне;

украинское националистическое партизанское движение в лице так называемой Украинской повстанческой армии (УПА) – подпольных вооруженных сил, прежде всего, Организации украинских националистов (ОУН);

и, наконец, белорусское националистическое партизанское движение [5, с. 131–135; 16, с. 25, 166; 18, с. 286–290; 42, с. 352–353].

Безусловно, советское партизанское движение и вообще, и по регионам было самым масштабным, массовым и наиболее эффективным. Другое дело, что за ним стояло огромное государство, которое, хотя и вело тяжелую войну, тем не менее, по мере сил снабжало своих партизан вооружением, амуницией, продовольствием и, что самое главное, обученными кадрами. Кроме того, несмотря на свой массовый характер (его, кстати, не отрицает даже большинство западных исследователей), советское партизанское движение не было, в целом, стихийным процессом, а являлось организованным и отличалось высокой степенью централизации.

И все-таки подчеркнем: внешняя помощь, разумеется, играет не последнее, но и не самое главное значение. В данном случае, гораздо важнее поддержка местного населения, в среде которого находятся партизаны. Помощь извне не всегда может придти вовремя. Так, например, и было в случае с советскими партизанами, когда в 1941–1942 гг. государству было не до них. Местное же население для партизан является и источником снабжения продовольствием, и резервом людских ресурсов, и, в какой-то степени, «окном» во внешний мир, их «глазами и ушами». Но все это происходит именно так, если население настроено дружелюбно (или, хотя бы, нейтрально) по отношению к партизанам. В противном случае, их отряды обречены на бездействие (что, зачастую, вело к превращению в обычную банду), уничтожение или уход из данной местности.

Таким образом, внешний фактор в сочетании с отношением местного населения и обусловил те направления, которые сформировались в партизанском движении на территории Белоруссии, а также и их масштабы. С точки зрения внешней и внутренней поддержки, советское партизанское движение здесь было наиболее массовым, организованным и идеологически мотивированным. Поэтому, количество его членов в итоге превысило 440 тыс. человек (всего же на оккупированных советских территориях действовало примерно 1,15 млн. народных мстителей) [24, л. 8; 27, с. 56–69].

Польское и украинское движения уступали ему в плане внешней поддержки, организованности, но не уступали идеологически. Бойцы АК, например, были уверены, что борются за освобождение Польши, как от нацистов, так и от коммунистов, а повстанцы УПА знали, что сражаются за создание «соборной и независимой Украины». Однако в плане поддержки населения «красным» партизанам они явно проигрывали. И было это не из-за слабости их идеологии, как таковой, а из-за обыкновенного неприятия многих ее положений белорусским населением. Например, главной целью борьбы АК на территории Белоруссии

являлось восстановление Польши в границах до 1 сентября 1939 г. (т.е., с частью белорусских, украинских и литовских земель). Как будет показано ниже, такого финала могла, теоретически, желать только небольшая группа белорусской интеллигенции, простой народ же относился к этому крайне отрицательно. Поэтому АК опиралась исключительно на польское население Западной Белоруссии (или белорусов-католиков), которое хотя и было довольно многочисленным, но явно недостаточным, чтобы обеспечить массовое партизанское движение. К тому же, не все местные поляки поддерживали идеи своего бывшего правительства: сторонников СССР среди них было достаточно [7, с. 14].

Еще больше, чем общее неприятие политических лозунгов, на отношения АК и местного населения влияло то, что зачастую польские партизаны сознательно уничтожали белорусских активистов (обычно, из числа националистов, хотя к середине 1943 г. дело дойдет и до сторонников советской власти), считая их предателями Польши. В результате, из общего количества бойцов АК в 350 тыс., на территории Белоруссии действовало только 14 тыс. человек [36, с. 155–156; 41, s. 563–584].

Идеология украинских националистов была вообще непонятной для белорусов (причем, всех слоев населения). Поэтому и массовой поддержки на территории Белоруссии УПА не имела. В целом, за период с 1941 по 1944 г. в указанных районах действовало не более 12 тыс. человек из разных украинских формирований. Нет нужды говорить, что этнических белорусов в этих отрядах практически не было. Для сравнения, на территории Западной Украины, где украинские националисты действительно имели влияние на население, силы УПА доходили до 150 тыс. человек [25, с. 3–10].

Как видно, за поддержку местного населения боролись не только советские народные мстители. Вообще, же история партизанского движения в Белоруссии – это отражение всей ее истории. Истории страны, которая долгое время была предметом спора между окружавшими ее соседями. Однако в период Второй мировой войны на территории Белоруссии появилась еще одна сила, которая стала бороться за власть – белорусские националисты. Нападение Германии на Советский Союз вселило в них определенные надежды, подтолкнув некоторую часть к безоговорочной поддержке всех начинаний нацистов. Тем не менее, имелись и такие, кто претендовал на роль так называемой «третьей силы»: они собирались накопить резервы, а потом выступить и против нацистов, и против коммунистов. В целом, можно выделить три такие группы.

Возникновение первой из них относится к 1939–1940 гг. Следует признать, что она являлась исключением на фоне преобладающих в кругах белорусской эмиграции надежд на Германию. В этом, по сути, и заключалась вся ее оппозиционность, так как лидеры группы – бывший депутат Польского сейма Я. Станкевич и будущий бургомистр оккупированного Минска В. Ивановский – скептически оценивали шансы нацистов победить в войне и, тем более, решить белорусский вопрос. Оккупацию Белоруссии немцами они считали временным явлением, и в своей деятельности полагались на Англию и Францию, которые, как

они думали, будут играть решающую роль после победы над нацизмом. Поднять белорусский вопрос на послевоенном международном форуме Станкевич и Ивановский надеялись при помощи польского эмигрантского правительства. Поэтому своим главным союзником в предстоящей войне Германии и СССР они видели польское подполье. Важным пунктом политической концепции этой группы было желание использовать немецкую оккупацию для увеличения сил белорусского национализма, занятия господствующего положения в оккупационной администрации и создания национальных вооруженных сил. Однако даже такое сотрудничество с немцами ставило под вопрос шансы польско-белорусского диалога. Поэтому Ивановский и Станкевич распределили роли: первый должен был сотрудничать с немцами согласно политической концепции своей группы, а второй – искать контакты с поляками. В июне 1940 г. Станкевич прибыл в Варшаву, и через несколько месяцев создал подпольную организацию под названием Партия белорусских националистов (ПБН). В эту организацию вошли некоторые члены местного коллаборационистского Белорусского комитета. Летом 1941 г. ПБН перенесла свою деятельность на территорию Западной Белоруссии, где попыталась вступить в переговоры с польским подпольем на условиях сотрудничества, «польско-белорусской федерации» и даже создания совместных партизанских отрядов. Однако контакты с поляками не дали никаких результатов. На это, прежде всего, повлияло недоверие к Станкевичу и его партии, а также нежелание польского подполья вести какие-либо дискуссии о судьбе западно-белорусских земель. Оно считало их однозначно польскими. Только в ноябре 1941 г., когда Ивановский стал бургомистром Минска, поляки увидели, что сотрудничество с группой Станкевича может дать определенные военно-политические плоды. Начались переговоры, которые, правда, так и не привели ни к какому результату [38, s. 4–5; 43, s. 137–145].

Об этой партии известно крайне мало. Так, согласно рапорту АК своему лондонскому руководству в июле 1942 г. ПБН насчитывала 500 человек. Центральный комитет партии состоял из 12 членов (восемь уроженцев Западной Белоруссии и четыре – восточной), под общим руководством Станкевича. На низовом организационном уровне партия делилась на так называемые «пятерки», которые находились в большинстве районов оккупированной Белоруссии (прежде всего, в гражданской зоне оккупации). Как будет показано ниже, значительной политической и, тем более, военной роли эта партия не играла [4, с. 38].

Следующей организацией белорусского некоммунистического сопротивления была Белорусская народная громада или просто Громада. Она появилась осенью 1941 г. по инициативе начальника белорусской полиции Минского округа Ю. Саковича, и объединяла в своих рядах бывших членов Белорусской крестьянско-рабочей громады – очень активной прокоммунистической организации, действовавшей в Западной Белоруссии в межвоенный период. Создание Громады проходило в Миснке, в обстановке строгой секретности на совещании руководителей так называемого местного самоуправления, которое было использовано как прикрытие. На этом минском совещании присутствовало всего девять человек (сам Сакович, С. Хмара, В. Лукашик, И. Гелда, В. Вир, Ю. Стасевич

и др.). В результате Громаду создали, но ее деятельность строго законспирировали. Организационно она должна была состоять из полноправных членов, объединенных в «тройки» и не посвященных в ее цели «сторонников». Следует признать, что почти сразу же возник вопрос об отношении к сотрудничеству с немецкой гражданской администрацией. Остановились на компромиссе: до следующего совещания оставить этот вопрос открытым и на личное усмотрение каждого из членов Громады. Со временем организация создала довольно разветвленное подполье, связные которого находились почти в каждом городе Белоруссии (например, в Минске, Пинске, Бресте, Белостоке и даже в Вильнюсе). Однако за весь период оккупации количество ее полноправных членов не превышало 50 человек. Всей работой руководила так называемая «Исполнительная пятерка», которая состояла из Саковича, Хмары, Виры, а также двух партизанских атаманов – Я. Харевского и Я. Товпеки [11, с. 24].

Обе предыдущие организации националистического подполья сыграли, конечно, свою определенную роль в истории оккупированной Белоруссии. Тем не менее, наибольшую известность приобрела третья группа антинацистски настроенных националистов – так называемая Белорусская партия независимости (БНП; некоторые аббревиатуры даны по написанию того или иного названия в белорусском языке, поэтому не всегда совпадают с русскоязычным вариантом названия), которая действовала с 1942 по 1946 г. История этой организации началась тоже в Минске, в июле 1942 г. Хотя, фактически, она была основана в Варшаве и на два года раньше. Скорее всего, именно в 1940 г. главный идеолог этого течения белорусских националистов ксендз В. Годлевский написал программу и устав будущей партии. В уставе этого прообраза БНП ее главной целью было названо «завоевание и сохранение в будущем Независимой Белоруссии». И придти к ней следовало «через боевой порыв народных масс к вооруженной борьбе» [29, л. 407].

После нападения Германии на СССР БНП переносит свою деятельность на территорию Белоруссии. Начинается партийное строительство на родине, пока только в виде небольших ячеек в некоторых округах. В конце августа 1941 г. в Варшаве происходит совещание руководства партии, на котором Годлевский предложил активу проект программы подпольной деятельности в новых условиях. Эта программа была принята фактически целиком. Варшавское совещание БНП интересно еще и тем, что на нем решили искать связи с западными союзниками [9, с. 9–10].

Конец 1941 – начало 1942 г. прошли под знаком реорганизации этой ветви белорусского подполья. На пост лидера БНП был выдвинут 22-летний В. Радько, который ранее возглавлял краковский филиал Белорусского комитета в оккупированной Польше. Сам же ксендз В. Годлевский, оставаясь идеологом партии, одновременно приступил к созданию нелегального Белорусского центрального (народного) фронта – массовой организации, которая бы «объединяла широкие круги белорусской интеллигенции и путем устной пропаганды разъясняла бы народу весь вред немецкой политики». Теперь известно, что это «детище»

Годлевского пользовалось определенным влиянием и стояло за большинством мероприятий легальных белорусских организаций. Так, например, именно по его инициативе на съезде руководителей так называемого местного самоуправления (июль 1942 г.) перед немцами был поставлен вопрос об объединении всех белорусских этнических земель и о признании государственной независимости Белоруссии. О том, что это инициатива принадлежала именно группе Годлевского, свидетельствует следующий факт: их демарш явился полной неожиданностью не только для нацистского главы оккупированной Белоруссии, генерального комиссара В. Кубе, но и для легальных белорусских коллаборационистов. К осени 1942 г. Годлевскому почти удалось создать руководящий центр националистического подполья, основой которого должна была стать БНП. Однако закончить дело ему помешала гибель в нацистском концлагере [20, л. 4–9].

Летом 1942 г. в Минске прошел съезд БНП. Многие его участники восприняли его как учредительный (именно так, по заданию В. Годлевского, представил его В. Радько). В реальности, на этом мероприятии было формально и организационно оформлено только то, что уже существовало фактически и идейно [31, с. 409–410]. Окончательное же оформление БНП произошло к осени 1942 г. С самого начала она строилась как настоящая политическая партия со всеми необходимыми атрибутами и отделениями на местах. Ее главным руководящим органом был Центральный комитет (ЦК), который избирался общим съездом окружных руководителей партии. Первым председателем ЦК БНП избрали Радько. Базовой (и самой маленькой) партийной ячейкой являлось «звено» во главе со звеньевым руководителем. Были также созданы районные и окружные (всего пять) комитеты партии. Раз в два года планировалось проводить общепартийный съезд, а также (более регулярно) партийные конференции. Для ведения пропагандистской работы учредили партийный печатный орган – «Бюлетэнь БНП», который издавался с 1942 по 1946 год [19, л. 184–185].

Кроме территории собственно Белоруссии, структуры БНП были организованы в Брянской и Смоленской областях, которые националисты считали «исконно белорусскими». С целью партийного строительства Радько отправил туда членов ЦК М. Витушку и Д. Космовича. Их деятельность на этих территориях продолжалась до осени 1943 г. [14, с. 156–159]

Претендуя, по сути, на роль белорусского варианта ОУН, члены БНП, тем не менее, не отказывались полностью от сотрудничества с оккупантами. Наоборот, они избрали тактику «врастания» в немецкую администрацию, стратегической целью которой была ее полная белорусификация. Это же касалось и белорусских коллаборационистских формирований, куда члены БНП шли особенно охотно, чтобы приобрести боевой опыт и сделать белорусскими как можно больше полицейских и других частей. Известно, что глава партии Радько весь период немецкой оккупации очень активно сотрудничал с немецкой военной разведкой – абвером. Именно за этот факт его деятельности и «ухватились» советские историки, став утверждать, что, якобы, вся БНП инспирирована этой немецкой организацией [28, с. 187]. Однако это обвинение пока не подтверждается источниками. Один из

членов партии, некто Сокольский, вспоминал позднее в эмиграции, что «перед абвером Радько не выступал руководителем БНП, а представлял себя исключительно как командир специальной группы, направленной на борьбу с советским врагом» [32].

Вероятно, уже в 1943 г. Радько при помощи абвера начал создавать диверсионные группы из числа членов БНП, основной целью которых была антисоветская борьба. Хотя, при определенных обстоятельствах, не исключалась и борьба против немецких покровителей. Пик этого сотрудничества приходится на зиму – весну 1944 г. Однако вряд ли количество полученного от немцев оружия и боеприпасов было значительным. Кроме Радько, в полицейских частях также служили такие активные члены БНП, как Б. Рогуля, И. Сажич, В. Чеботаревич, Г. Зыбайло и др. более или менее значительные лица в истории белорусского военного коллаборационизма [10, с. 6].

Белорусификация оккупационного аппарата была только одним из направлений деятельности националистического подполья. Другим, не менее важным направлением стало создание партизанского движения. Первым партизанским отрядом, созданным белорусскими националистами, считается так называемая «акция» В. Шавеля. В прошлом сотрудник абвера и начальник белорусской полиции Минского округа, Шавель весьма успешно сражался против советских партизан. Однако в начале 1942 г. он неожиданно собрал своих людей и увел их в лес к востоку от Борисова. До сих пор неизвестно, была ли это акция результатом решения ЦК БНП, или Шавель проявил личную инициативу. Как бы то ни было, зимой – весной 1942 г. появился первый партизанский отряд именно националистической направленности. Вскоре к Шавелю присоединился бургомистр города Березин А. Соколов, и уже вместе они приступили к вербовке добровольцев и начали издавать на ротаторе подпольную газету. На эту деятельность почти сразу обратили внимание советские партизаны и предложили Шавелю встретиться с их командиром. Встреча закончилась трагически: и он, и его помощники были убиты, спастись удалось только Соколову, а остальные члены отряда пополнили ряды советских партизан [8, № 34, с. 5].

Этот инцидент так подействовал на руководство БНП, что к созданию своих партизанских отрядов оно смогло вернуться только ближе к 1944 г. Вся же инициатива по организации партизанского движения перешла к Громаде. Еще весной 1942 г. ее лидеры наладили связь с многочисленными партизанскими отрядами, которые действовали в Западной Белоруссии и никому не подчинялись. Дело в том, что отдельные небольшие отряды некоммунистической направленности начали создаваться сразу же после прихода немцев. Зачастую они выполняли функции самообороны, очищая свои районы и населенные пункты от остатков частей Красной армии. Иногда они действовали при новой власти вполне легально, становясь частями местной вспомогательной полиции, иногда, если немцы требовали разойтись по домам или сдать оружие, уходили в лес. При этом, ни немцев, ни советских партизан, которых в Западной Белоруссии было еще очень мало, они поначалу не трогали, занимая выжидательную позицию. Трудно

однозначно сказать, были ли «атаманы» этих отрядов действительно убежденными белорусскими националистами, а не просто антикоммунистами, придерживавшимися, «более-менее основных положений белорусского политического направления». Этот антикоммунистический потенциал и решили использовать руководители Громады, постаравшись объединить большую часть таких отрядов.

С этой целью в начале июня 1942 г. недалеко от Ивацевичей (Брестская обл.) прошло первое совещание командиров таких партизанских отрядов. По одним сведениям присутствовало двенадцать партизанских командиров, по другим – восемь. Тем не менее, на тот момент они представляли значительные силы – до 3 тыс. человек. Главным результатом этого совещания стало создание так называемого «Совета атаманов» – координационного центра партизан, собиравшегося не регулярно, а по мере необходимости. Совет одобрил позицию Громады, согласно которой партизанские отряды должны были придерживаться тактики выжидания соответствующего момента для вооруженного выступления. Принял свою политическую платформу – Акт провозглашения независимости Белоруссии от 25 марта 1918 года, и определил основные тактические и стратегические направления деятельности партизан:

Целью белорусского партизанского движения объявлялось сохранение боеспособной вооруженной силы в как можно наибольшей целостности и сохранности до того момента, когда при общем ослаблении немцев и их противников (т.е. СССР), придется защищать белорусский народ и его независимость от попыток захвата Белоруссии другими оккупантами;

Поэтому, беречь, по возможности, белорусских партизан от втягивания в боевые действия с оккупантами, что может привести к ненужным людским потерям и уничтожению отдельных вооруженных групп;

Вооруженное сопротивление предпринимать только тогда, когда оккупанты нападут на партизанский отряд или на деревню, связанную с этим отрядом;

Взаимоотношения с советскими партизанскими отрядами: нейтралитет. Вооруженное сопротивление только тогда, когда они, несмотря на запрет, войдут в район дислокации отряда. Вооруженная расправа с мародерами (после предупреждения), только тогда, когда они грабят деревни, или подводят их своими провокационными действиями под немецкую расправу.

По одной версии, уже на этом первом совещании было создано «Белорусское народное партизанское движение» (или «Партизанка») – объединение партизанских отрядов во главе с полковником И. Шанько (бывший лейтенант Красной армии, повышенный в звании «Советом атаманов»). Он возглавил Главный штаб партизанского движения, а его заместителями стали члены Громады – Я. Харевский и В. Лукашик. По другой версии, на первом совещании успели сформировать только «Совет атаманов», а централизованное управление партизанским движением было создано на втором совещании, в ноябре 1942 г. [30, с. 14–15]

Почти с самого первого дня своего существования белорусское партизанское движение пребывало в полном бездействии. И такая ситуация оставалась

неизменной до мая 1943 г., когда в западные области Белоруссии из восточной части республики, а также с территории Украины начали перебрасываться крупные советские партизанские силы. Всего до зимы 1944 г. сюда перешло 16 соединений (около 8 тыс. опытных и хорошо вооруженных бойцов, командиров и политработников). Акция имела несколько задач: распространить советское партизанское движение на эти районы Белоруссии и, по возможности, уничтожить здесь все проявления так называемой «партизанщины». Документы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство не видело в лице белорусских националистов и подчиненных им отрядов серьезных идеологических конкурентов. Вероятнее всего, оно не считало их даже националистами. По мнению советского руководства, создание и деятельность таких отрядов были обычной «атаманщиной»: то есть, неконтролируемая вооруженная сила, которая неизвестно чем занимается и неизвестно кому служит. Советские партизаны могли действовать по всем законам военного времени, однако сначала было принято решение путем переговоров склонить их к переходу на советскую сторону. И в мае 1943 г. такие переговоры состоялись. От националистов в них принимал участие И. Шанько, а от советских партизан – полковник Г. Линьков – специальный представитель Центрального штаба партизанского движения. Шанько предложили присоединить свои отряды к советским партизанам, за что ему был обещан пост заместителя командира всеми партизанскими силами Полесья. Содержание разговора осталось неизвестным, но в итоге Линьков, вероятно за отказ подчиниться, застрелил Шанько. После этого судьба самостоятельного белорусского партизанского движения была решена. Оно, фактически, распалось: часть партизан разошлись по домам, большая часть влилась в советские партизанские отряды (члены более чем 10 отрядов), некоторые, например, отряды атаманов Харевского и Товпеки, продолжали действовать дальше (по некоторым данным – до 1948 г.) [15, с. 424–433].

В целом, более или менее значительное националистическое партизанское движение возникло только в Западной Белоруссии. Однако есть целый ряд свидетельств, что его пытались организовать и в центральной части республики. Тем не менее, большой роли оно здесь не играло, и сразу же было уничтожено советскими народными мстителями. Почти не известны и подробности истории местных белорусских партизан. Так, в районе Бегомля (Минская обл.) действовал отряд атамана Иванова, который был расстрелян по приказу советского партизанского командира С. Ваупшасова. Официальная версия гласит, что «за отказ подчиниться». Вместе с атаманом расстреляли и всех его подчиненных. В живых осталось только два молодых партизана, которые «раскаялись» [13, с. 46–48].

Следует отметить, что немцы также не приветствовали какие-либо неподконтрольные усилия националистов. Так, узнав, что члены БНП ведут свою игру, оккупанты стали преследовать их наряду с коммунистами. В декабре 1942 г. был арестован и казнен ксендз В. Годлевский, а многих его сторонников бросили в концлагеря. Партия, и так находившаяся на нелегальном положении, была вынуждена уйти в еще более глубокое подполье. В этот период В. Радько принял

решение приостановить антинемецкую деятельность и занялся поиском союзников на будущее, которое предполагало дальнейшую борьбу, как против Германии, так и против СССР.

21–22 ноября 1943 г. в Житомирских лесах (Украинская ССР) состоялась нелегальная так называемая 1-я Конференция угнетенных народов Восточной Европы и Азии. Это мероприятие было организовано по инициативе ОУН и проводилось на территории, подконтрольной УПА. Помимо хозяев встречи – украинцев, – в конференции участвовало еще 12 делегаций, представлявших, как было заявлено, различные «национально-революционные организации». Всего прибыло 39 делегатов, как правило, членов входивших в УПА национальных формирований, полностью зависящих от устроителей мероприятия. Белорусская делегация являлась исключением из этого правила. Оба ее члена – капитан В. Ермакович и старший лейтенант Г. Малиновский – действительно представляли «национальную организацию» – БНП. Конференция приняла несколько политико-организационных постановлений и одобрила обращение «Ко всем народам Восточной Европы и Азии». В последнем, программном документе разъяснялось текущее положение этих народов, задачи, стоящие перед ними и перспективы совместной борьбы. Обращение подписали представители всех делегаций, в том числе белорусский капитан В. Ермакович. Справедливости ради стоит сказать, что за этими фразами ничего не стояло. Наметившийся союз ОУН и БНП так и не состоялся [17, с. 70–78].

Еще одной важной инициативой БНП следует признать попытку созыва в Вильнюсе (Литва) легального «Белорусского съезда». Целью мероприятия являлось «обсуждение сложившейся ситуации и обдумывания дальнейшего направления действий». Интересно, что съезд должен был проходить с молчаливого согласия абвера, с которым, как говорилось выше, активно сотрудничал Радько. Для немецкой военной разведки у него существовала следующая версия проведения съезда: совещание белорусского актива о методах, средствах и направлениях будущей антисоветской борьбы. Более того, приглашения на съезд рассылались через немецкую полевую почту. Тем не менее, даже, несмотря на такую поддержку, съезд не состоялся. По доносу или случайно, немецкая СД узнала об этой акции БНП. В результате, у большинства делегатов были отобраны пропуска, а их самих предупредили, что если кто-либо решится поехать в Вильнюс, то его немедленно арестуют. В целом значительных репрессий не последовало, однако ряд лиц вызвали в СД, где их допросили о характере планируемого съезда и о его организаторах [8, № 37, с. 5].

Неудавшийся съезд интересен не только тем, что в ходе его подготовки проявился конфликт между вермахтом и руководством СС. Другим немаловажным моментом было то, что, готовясь к съезду, Радько разослал приглашения членам всех значительных организаций белорусского подполья, планируя призвать их там к объединению. До этого они почти не контактировали между собой. Например, ксендз Годлевский крайне отрицательно относился к сотрудничеству с Громадой. На его взгляд, все ее члены – это коммунисты или их «попутчики», а «белорусское

дело» они понимают неправильно. В связи с этим не выглядит странным и его прохладное отношение к партизанским отрядам Громады [23, л. 7]. После гибели Годлевского БНП была вынуждена изменить тактику. Как говорилось выше, ее основным направлением стал поиск союзников, как за пределами Белоруссии, так и среди других националистических организаций.

Каков же был их потенциал к концу 1943 г. и, что они могли предложить? После уничтожения белорусских партизанских отрядов, Громада уже не могла являться серьезной силой. Принцип элитарности, положенный в основу ее структуры, оказал этой партии плохую услугу. Кроме того, 13 июня 1943 г. в селе Василишки (Лидский округ) польскими партизанами АК был убит лидер Громады Ю. Сакович (есть данные, что это произошло с молчаливого согласия немецких властей). В результате, достойно конкурировать с БНП «громадовцы» уже не могли [34, с. 87–92].

Необходимо сказать несколько слов и о деятельности ПБН. Летом 1943 г. было создано Белорусское национально-демократическое объединение (БНДА), в которое вошла ПБН и другие, еще более мелкие, группы. Причиной создания этой организации, как это ни парадоксально, оказалось не дальнейшее объединение сил белорусского националистического подполья, а попытка еще раз вступить в переговоры с поляками. По мнению Я. Станкевича, БНДА должно было выглядеть в глазах последних более значительной организацией, чем ПБН. В конце 1943 г. в Вильнюсе состоялся очередной раунд белорусско-польских переговоров. Однако, как и в 1941–1942 гг., они закончились безрезультатно. Затем в декабре 1943 г. был убит минский бургомистр В. Ивановский, а вскоре и сам Станкевич выехал из Белоруссии в Прагу (Чехия). Таким образом, пропольская политика этой группы закончилась полным крахом. А иначе и быть не могло: переговоры с АК не дали ничего, так как ни за ПБН, ни за БНДА не стояло реальной силы [37, s. 131, 133–133a; 43, s. 145–148]. По мнению белорусского историка С. Ерша, «надо было быть очень наивным, надеясь, что кто-то подарит белорусам независимость или какую-нибудь федерацию. Нельзя забывать и тот факт, что пока шли переговоры, от польского террора гибли белорусские активисты» [8, № 37, с. 5].

Таковой, вкратце, представлялась позиция каждой из трех белорусских организаций националистического сопротивления. Неудивительно, что Радько и его партия претендовали на лидерство в нем. Вот только объединяться уже было фактически не с кем.

Последний наиболее значительный эпизод из истории белорусского периода БНП – это подготовка антинемецкого восстания в конце июня 1944 г. В Минске в эти дни проходил организованный немцами 2-й Всебелорусский конгресс, многие делегаты которого являлись членами или сторонниками БНП. По замыслам ЦК партии надо было воспользоваться таким случаем и попытаться провозгласить независимость Белоруссии. А чтобы немцы не смогли помешать, этот демарш предполагалось подкрепить вооруженной силой, стянув в Минск как можно больше белорусских полицейских формирований. Однако быстрое наступление советских войск остановило этот план еще на уровне разработки [14, с. 203–204].

В эмиграции руководство БНП сделало ставку на организацию подпольного и повстанческого движения на территории Белоруссии. С этой целью некоторые его члены (например, В. Радько и И. Гелда) приняли участие в подготовке специальных разведывательно-диверсионных групп, которая осуществлялась при поддержке абвера. Многие члены БНП поддерживали идею сотрудничества белорусских националистов с движением бывшего советского генерала А. А. Власова. Они считали, что только так можно будет поднять всеобщее восстание народов СССР против советской власти. На этой почве у Радько даже произошел конфликт с Р. Островским – крайним коллаборационистом и президентом Белорусской центральной рады (БЦР). Последний и его организация претендовали на статус единственных представителей белорусского народа [22, л. 3–4].

Продолжала БНП и подпольную антинемецкую деятельность. Так, один из ее членов – В. Рыжий-Рыский – готовил по заданию партии восстание в 30-й гренадерской дивизии войск СС, личный состав которой состоял из белорусов. Целью восстания был переход на сторону западных союзников. Гестапо напало на след этого подпольщика и попыталось его арестовать, однако Радько смог спасти своего агента. При помощи офицеров абвера он сделал ему фальшивые документы и дал новое задание: еще раз попытаться связаться с западными союзниками, чтобы рассказать им о принципах деятельности БНП и ее антинемецкой позиции [4, с. 40].

В эмиграции оказались и некоторые члены Громады. В конце 1944 г. они попытались возобновить деятельность своей организации, создав в Берлине подпольную группу «Двупогоня» во главе с С. Хмарой. Интересно объяснение названия этой группы. «Погоня» – национальный и исторический символ Белоруссии. А «Двупогоня» или двойная «Погоня» – это уже символ борьбы белорусского народа против врагов с запада и с востока. Хотя бывшие громадывцы и называли себя подпольщиками, занимались они, в основном, легальной коллаборационистской деятельностью, фактически, примкнув к БЦР и Островскому, который поручил им заниматься белорусской прессой. К концу 1944 г. люди Хмары заняли все ведущие посты в Белорусском информационном бюро при БЦР и уже оттуда руководили всей периодической печатью. В марте 1945 г. «Двупогоня» выступила инициатором реорганизации БЦР, однако чем этот проект закончился, неизвестно [33, с. 88–89].

В конце 1944 – начале 1945 г. у большинства пронемецких националистических организаций появилось еще одно направление деятельности. Их лидеры начали активный поиск контактов с западными союзниками, чтобы не выглядеть в глазах США и Великобритании немецкими прислужниками. Первыми, кто попытался наладить такие контакты, оказались именно члены белорусского националистического подполья и их сторонники в эмиграции. По словам белорусского историка В. Дубновского их очень беспокоил тот факт, что обо всех событиях в Белоруссии западная общественность судит только по информации, поступающей из официальных советских источников. В последних же явно прослеживалась тенденция представить всех белорусских националистов

пособниками немецких оккупантов (в скобках отметим, что, в целом, это так и было) [6, с. 53–57].

В 1943 г. на тайном совещании в Берлине было принято решение послать в Швецию инженера А. Асовского, с целью организовать там Белорусский национальный комитет. По замыслам участников, этот орган «должен был свободно отстаивать белорусское дело перед западными союзниками и информировать свободный мир об истинном положении белорусского народа и о его требованиях». Заброс Асовского в Швецию удался, однако комитет организовать не получилось [26, с. 76–77, 93–94].

Следующая попытка создания подобного органа относится к концу 1944 г. На этот раз инициатива исходила от «Двупогони». В отличие от своих предшественников члены этой группы решили действовать легально. Они установили близкий контакт с бароном Таненфельдом – «бывшим офицером германской армии, космополитом, романтиком и поэтом». Ранее барон уже имел дело с белорусскими националистами: в 1918–1920 гг. он сражался на их стороне против Красной армии. Даже уже выйдя в отставку, барон продолжал считаться экспертом по белорусским делам. Его опыт был настолько ценным, что Й. Геббельс взял Таненфельда сотрудником в свое Министерство пропаганды. Барон полностью поддержал идею «Двупогони» о создании белорусского комитета в Швеции. Поэтому, уже во второй половине сентября 1944 г. в адрес Министерства пропаганды был направлен меморандум от имени Белорусского информационного бюро БЦР, в котором предлагалось перебросить в Швецию ряд активистов, с целью создания специального комитета для противодействия советской пропаганде. Конечно, лидеры «Двупогони» отдавали себе отчет, как мало шансов, что немцы согласятся на создание такой организации, и, тем более, в нейтральной стране. Оказавшись в Швеции, белорусы вряд ли бы стали придерживаться инструкций Геббельса, а повели бы свою игру. В связи с этим, авторы меморандума предлагали послать с белорусами одного немца, который бы исполнял роль советника, и присматривал бы за комитетом от имени Геббельса. Нетрудно догадаться, что на этот пост была предложена кандидатура Таненфельда, как человека, владеющего белорусским языком. Меморандум пролежал в Министерстве пропаганды несколько недель. Наконец, к началу декабря 1944 г. Белорусское информационное бюро получило на него категорический отказ. Что интересно, за этим отказом не последовало никаких репрессий: не один белорус не пострадал. Фактически, был наказан только барон Таненфельд – его, как давшего положительную оценку этому документу, попросту уволили с работы. Как выяснилось позднее, Геббельс не возражал против переброски белорусов в Швецию. Однако такая акция вызвала крайнее недовольство со стороны рейхсфюрера СС Г. Гимmlера. Естественно, что после его вмешательства она была обречена на неудачу [21, л. 14].

В начале марта 1945 г. в Берлине состоялась нелегальная конференция БНП. Показательно, что кроме партийного актива, в основном, из числа военнослужащих, на ней присутствовали руководители «Двупогони». Цель мероприятия состояла в следующем: наметить пути дальнейшей антисоветской борьбы в новых условиях.

Руководство БНП в лице В. Радько планировало перебросить в Белоруссию как можно больше разведывательно-диверсионных отрядов, которые должны были усилить местное антисоветское партизанское движение. Против этого активно выступил лидер «Двупогони» С. Хмара. В частности он сказал, что согласно оценкам его организации, война между СССР и западными союзниками, на которую так надеялся Радько, быстро не начнется. Ссылаясь на опыт антипольской подпольной борьбы в межвоенный период, Хмара заверил всех присутствующих, что планируемое партизанское движение не просуществует и пяти лет. Более того, без связи с политическим центром оно превратится в обыкновенный бандитизм. Поэтому Хмара предложил не тратить драгоценные кадры и, не теряя времени, перевести их на Запад [35].

Конференция, однако, постановила инициировать антисоветское партизанское движение в Белоруссии, но, как компромисс, ограничить его деятельность пятью годами. Если же до этого срока не начнется советско-американский конфликт, партизанское движение предполагалось свернуть. Еще одной уступкой представителю «Двупогони» было решение принять тактику, которую использовали белорусские партизаны-националисты в 1941–1943 гг. А именно: «объединение рассредоточенных и разбросанных вооруженных групп в рамках партизанских национальных сил, а не вооруженные, ненужные выступления, которые бы уничтожили эти силы преждевременно». Для политического руководства будущим партизанским движением была создана Белорусская военная организация. Однако ее дальнейшая судьба до сих пор остается неизвестной, как и судьба решений этой конференции. В условиях надвигающегося краха нацистской Германии их выполнение становилось попросту неактуальным [33, с. 90].

* * *

Анализируя историю партизанского движения на территории Белоруссии, следует признать, что наиболее масштабным и эффективным оно было у сторонников советской власти. Причин этому много, поэтому назовем только основные из них: (а) поддержка со стороны государства и его военной машины; (б) выступление под лозунгами в принципе близкими и понятными всем слоям населения (как с политической, социальной, идеологической, так и с национальной точки зрения); (в) поддержка местного населения.

Этого были лишены представители всех форм националистического партизанского движения, что и делало их ограниченными либо политически, либо этнонационально, либо территориально. А проигрыш в тех условиях хотя бы по одному из этих показателей приводил к общему поражению.

Что касается деятельности антинацистского крыла белорусского национального движения, то она оказалась самой неудачной. Его претензии на роль «третьей силы» между нацизмом и коммунизмом оказались полностью несостоятельными. Ни мощного и разветвленного подполья, ни значительных и мобильных партизанских отрядов его лидерам создать не удалось. Среди главных причин такого хода событий следует назвать, как общую слабость белорусского национального движения, так и неумение объединиться в единый фронт борьбы. Кроме того,

нельзя не учитывать непопулярность лозунгов белорусского национализма среди основной массы населения республики. Сыграл свою негативную роль и тот факт, что многие лидеры белорусских националистов легально работали в немецкой оккупационной администрации и коллаборационистских организациях, что, естественно, не могло не вызвать отрицательной реакции у простых белорусов. В результате, белорусские антинацисты не только не подчинили себе коллаборационистов, а полностью оказались в их лагере. В эмиграции, на территории Германии эта зависимость только усилилась. Оставшееся же верным своим принципам меньшинство, уже не играло никакой значительной роли и просто занимало выжидательную позицию в свете приближающегося краха нацистской Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Аржаева Л. В., Доморад К. И., Игнатенко И. М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. – Минск: Беларусь, 1983–1985. Т. 1–3.
Arzhaeva L. V., Domorad K. I., Ignatenko I. M. Vsenarodnaja bor'ba v Belorussii protiv nemecko-fashistskih zahvatчиков v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: V 3 t. – Minsk: Belarus', 1983–1985. T. 1–3.
2. Армстронг Д. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941–1944. – М.: Центрполиграф, 2007. – 493 с.
Armstrong D. Sovetskie partizany. Legendy i dejstvitel'nost'. 1941–1944. – М.: Centropoligraf, 2007. – 493 s.
3. Бартушка М. Партизанская война в Беларуси 1941–1944 гг. – Вильня; Беласток: Институт белорусистыки; Беларускае гістарычнае таварыства, 2011. – 187 с.
Bartushka M. Partyzanskaja vajna u Belarusi u 1941–1944 gg. – Vil'nja; Belastok: Instytut belarusistyki; Belaruskae gistorychnaе tavarystva, 2011. – 187 s.
4. Беларускі нацыяналізм: Даведнік / Уклад. П. Казак. – Менск: Голас Краю, 2001. – 48 с.
Belaruski nacyjanalizm: Davednik / Uklad. P. Kazak. – Mensk: Golas Kraju, 2001. – 48 s.
5. Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944. Малоизученные страницы истории. – М.: Центрполиграф, 2008. – 477 с.
Gogun A. Stalinskie kommandos. Ukrainskie partizanskije formirovaniya, 1941–1944. Maloizuchennye stranicy istorii. – М.: Centropoligraf, 2008. – 477 s.
6. Дубноўскі В. Спраба ўтварэння Беларускага Вызвольнага Цэнтру ў Швэды. 1943–1945 гг. // Беларускі Рэзыстанс. – 2005. – № 1(2). – С. 53–57.
Dubnouski V. Sproba utvarjennja Belaruskaga Vyzvol'naga Cjentru u Shvjedyi. 1943–1945 gg. // Belaruski Rjezystans. – 2005. – № 1(2). – S. 53–57.
7. Ермолович В. И., Жумарь С. В. Огнем и мечом. Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953). – Минск: Белорусский научно-исследовательский центр документоведения, археографии и архивного дела, 1994. – 107 с.
Ermolovich V. I., Zhumar' S. V. Ognem i mechom. Hronika pol'skogo nacionalisticheskogo podpol'ja v Belorussii (1939–1953). – Minsk: Belorusskij nauchno-issledovatel'skij centr dokumentovedeniya, arheografii i arhivnogo dela, 1994. – 107 s.
8. Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. – 1995. – № 33–37.
Jorsh S. Belaruski nacyjanal'ny rjezystans u gady Drugoj sus'vetnaj vajny // Pagonja. – 1995. – № 33–37.
9. Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежнай Партыі. Менск; Слонім: БГАКЦ, 1998. – 186 с.

- Jorsh S. Vjartan'ne BNP. Asoby i dakumjenty Belaruskaj Nezaleznickaj Partyi. Mensk; Slonim: BGAKC, 1998. – 186 s.
10. Ёрш С. Ўсэвалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. – Менск: Голас Краю, 2001. – 32 с.
- Jorsh S. Usevalad Rodz'ka. Pravadyr belaruskich nacyjanalistau. – Mensk: Golas Kraju, 2001. – 32 s.
11. Ёрш С. Рыцар Свабоды. Кс. Вінцэнт Гадлеўскі як ідэоляг і арганізатар беларускага нацыянальнага антынацыскага Супраціву. – Менск: Беларускі Рэзыстанс, 2004. – 72 с.
- Jorsh S. Rycar Svabody. Ks. Vincjent Gadleuski jak idjeoljag i arganizatar belaruskaga nacyjanal'naga antynacyskaga Supracivu. – Mensk: Belaruski Rjezystans, 2004. – 72 s.
12. История белорусской государственности: В 5 т. / Под ред. А. А. Кавалени и др. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 4. – 567 с.
- Istorija belarusskoj gosudarstvennosti: V 5 t. / Pod red. A. A. Kavaleni i dr. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2019. – T. 4. – 567 s.
13. Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. – Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1954. – 118 с.
- Karov D. Partizanskoe dvizhenie v SSSR v 1941–1945 gg. – Mjunhen: In-t po izucheniju SSSR, 1954. – 118 s.
14. Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь. – Вільня: Gudas, 2006. – 224 с.
- Kasmovich D. Za vol'nuju i suvjerjennuju Belarus'. – Vil'nja: Gudas, 2006. – 224 s.
15. Линьков Г. М. Война в тылу врага. Записки участника партизанского движения в Белоруссии. – М.: Госполитиздат, 1959. – 622 с.
- Lin'kov G. M. Vojna v tylu vraga. Zapiski uchastnika partizanskogo dvizhenija v Belorussii. – M.: Gospolitizdat, 1959. – 622 s.
16. Літвін А. М. Акупацыя Беларусі (1941–1944). Пытанні Супраціву і калаборацыі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
- Litvin A. M. Akupacyja Belarusi (1941–1944). Pytanni Supracivu i kalaboracyi. – Minsk: Belaruskі knigazbor, 2000. – 288 s.
17. Мірчук П. Українська Повстанська Армія 1942–1952. – Львів: Львівська обласна рада Товариства української мови ім. Т. Шевченка, 1991. – 320 с.
- Mirchuk P. Ukrajin's'ka Povstans'ka Armija 1942–1952. – L'viv: L'vivs'ka oblasna rada Tovaristva ukrajins'koji movy im. T. Shevchenka, 1991. – 320 s.
18. Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. – Менск: Навука і тэхніка, 1993. – 413 с.
- Najdzjuk Ja., Kasjak I. Belarus' uchora i sjon'nja: Papuljarny narys z gistoryi Belarusi. – Mensk: Navuka i tjechnika, 1993. – 413 s.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 524.
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). – F. 4. – Op. 33a. – D. 524.
20. НАРБ. – Ф. 370. – Оп. 1. – Д. 1258.
- NARB. – F. 370. – Op. 1. – D. 1258.
21. НАРБ. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 2.
- NARB. – F. 383. – Op. 1. – D. 2.
22. НАРБ. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 6.
- NARB. – F. 383. – Op. 1. – D. 6.
23. НАРБ. – Ф. 384. – Оп. 1. – Д. 64.
- NARB. – F. 384. – Op. 1. – D. 64.
24. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 12. – Д. 10.
- NARB. – F. 1450. – Op. 12. – D. 10.
25. ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг.: документы и материалы / Сост. В. И. Адамушко и др. – Минск: Вышэйшая школа, 2012. – 528 с.
- OUN-UPA v Belarusi. 1939–1953 gg.: dokumenty i materialy / Sost. V. I. Adamushko i dr. – Minsk: Vyshhejs'haja shkola, 2012. – 528 s.

БЕЛОРУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

---

26. Пануцэвіч В. Кс. Вінцэсь Гадлеўскі. Дзяржаўны муж і правадыр народу // Беларуская Царква. – Чыкага, 1965. – № 28. – С. 50–130.
- Panucjevich V. Ks. Vincjes' Gadleuski. Dzjarzhauny muzh i pravadyr narodu // Belaruskaja Carkva. – Chykaga, 1965. – № 28. – S. 50–130.
27. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Русанов. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. – 464 с.
- Partizanskoe dvizhenie (Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) / Otv. red. V. Ju. Rusanov. – Zhukovskij; M.: Kuchkovo pole, 2001. – 464 s.
28. Раманоўскі В. П. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мінск: Беларусь, 1964. – 286 с.
- Ramanouski V. P. Saudzel'niki u zlachynstvah. – Minsk: Belarus', 1964. – 286 s.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 625. – Оп. 1. – Д. 44.
- Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 625. – Op. 1. – D. 44.
30. Романько О. В. Комуністична та націоналістична течії партизанського руху на території Білорусії (1941–1945): спроба порівняльного аналізу // Мандрівець. – 2007. – № 5. – С. 11–16.
- Romanko O. V. Komunistychna ta nacionalistychna techiji partyzans'kogo ruhu na terytoriji Bilorusiji (1941–1945): sproba porivnjaln'ogo analizu // Mandrivec'. – 2007. – № 5. – S. 11–16.
31. Русначенко А. М. Народ збурений. Національно-визвольний рух в Україні і національні рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940–50-х роках. – Київ: Університетське видавництво «Пulsари», 2002. – 519 с.
- Rusnachenko A. M. Narod zburenyj. Nacional'no-vizvol'nyj ruh v Ukrajinі i nacional'ni ruhy oporu v Bilorusiji, Litvi, Latviji, Estoniji u 1940–50-h rokah. – Kyjiv: Pul'sary, 2002. – 519 s.
32. Сакольскі. Некаторыя несціпласьці // Беларускі голас. – 1966. – Красавік.
- Sakol'ski. Nekatoryja nes'ciplas'ci // Belaruskі golas. – 1966. – Krasavik.
33. Соловьев А. К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. – Минск: Наука и техника, 1995. – 200 с.
- Solov'ev A. K. Belorusskaja Central'naja Rada: sozdanіe, dejatel'nost', krah. – Minsk: Nauka i tehnika, 1995. – 200 s.
34. Станкевіч Я. Палаженне ў Лідскай акрузе Генеральнага камісарыяту Беларусі // Летаніс жыцця беларускай эміграцыі. – 1985. – № 28. – С. 87–92.
- Stankevich Ja. Palazhenne u Lidskaj akruze General'naga kamisaryjatu Belarusi // Letapis zhyc'cja belaruskaj jemigracyi. – 1985. – № 28. – S. 87–92.
35. Хмара С. Беларуская Сялянска-Работніцкая Грамада // Беларускі голас. – 1962. – № 232. – Красавік.
- Hmara S. Belaruskaja Sjaljanska-Rabotnickaja Gramada // Belaruskі golas. – 1962. – № 232. – Krasavik.
36. Яковлева Е. В. Польша против СССР 1939–1950 гг. – М.: Вече, 2007. – 416 с.
- Jakovleva E. V. Pol'sha protiv SSSR 1939–1950 gg. – M.: Veche, 2007. – 416 s.
37. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Zespól 202. – Sygn. 202/II/71.
38. AAN. – Zespól 202. – Sygn. 202/III/127.
39. Cooper M. The Nazi War against Soviets partisans, 1941–1944. – New York: Stein and Day, 1979. – 217 p.
40. Grenkevich L. The Soviet Partisan Movement, 1941–1944: a critical Historiographical analysis. – London: Routledge, 2006. – 368 p.
41. Die polnische Heimatarmee: Geschichte und Mythos der Armija Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg / Hrsg. v. B. Chiari und J. Kochanowski. – München: R. Oldenbourg, 2003. – 948 s.
42. Szybieka Z. V. Historia Białorusi: 1795–2000. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2002. – 571 s.
43. Turonek J. Kwestia białoruska w polityce obozu londyńskiego (1941–1944) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. – Wrocław, 1983. – T. XIX. – S. 131–158.

Romanko O. V. Belarusian nationalist organisations and the partisan movement during the Great Patriotic War (1941–1945)

This article examines the role and place of Belarusian nationalists in the anti-Nazi partisan movement during the Great Patriotic War. Based on a wide range of domestic and foreign literature, it is determined that in addition to the Soviet partisan movement, several other partisan organizations operated on the territory of Belarus, which can be attributed to the nationalist camp. These are: Polish, Ukrainian and Belarusian formations. It is shown that the activities of the Belarusian nationalist underground belong to the most controversial moments in the history of the partisan movement on the territory of Belarus. It is emphasized that it was not homogeneous and consisted of three directions, differing only in the degree of collaboration with the German occupants. Based on the analysis of archival sources, it was found that none of the directions of the Belarusian nationalists managed to create effective partisan forces that could compete with other partisan organizations. As a result of the conducted research, the conclusion is substantiated that the most significant partisan movement on the territory of Belarus was Soviet, and Polish and Ukrainian had a limited character. The Belarusian nationalist partisan movement, despite the anti-Nazi views of some of its representatives, eventually joined the collaborators, in fact, becoming part of them.

Keywords: Belarus, Nazi occupation, nationalism, partisan movement, collaboration, Belarusian Independence Party.

УДК 94 (477.75)«1941/1944»

НАЦИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕНОЦИДА В ГОДЫ ОККУПАЦИИ СИМФЕРОПОЛЯ (1941–1944 гг.)

Савченко А. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nastya.pecherskaya.88@mail.ru*

Проблема признания геноцида народов бывшего СССР в годы Великой Отечественной войны в последнее время вошла в актуальное поле. Необходимость изучения преступлений нацистов и их пособников на оккупированных советских территориях на современном этапе не вызывает сомнений. Приведенные в статье факты, подтверждающие массовое и целенаправленное насилие против мирного населения и советских военнопленных, позволяют понять преступную сущность нацизма и необходимость его осуждения по всей строгости закона. Данная статья представляет собой анализ на основе новых архивных источников злодеяний нацистских захватчиков и их пособников в период временной оккупации Симферополя.

Ключевые слова: нацизм, оккупация, геноцид, Великая Отечественная война, Крым, Симферополь.

Великая Отечественная война для жителей Крыма, как и для всего советского народа, стала временем суровых испытаний и тяжелейших утрат. Долгие два с половиной года оккупации врагом отмечены неисчислимыми страданиями, бедами и разрушениями. Пожалуй, это была самая страшная страница в многовековой истории полуострова. Известно, что наиболее пострадали от нацистских захватчиков такие крупные города Крыма как: Симферополь, Феодосия, Евпатория. Города Керчь и Севастополь – уничтожены до основания.

Актуальность постановки проблемы геноцида народов бывшего СССР связана в настоящее время с попытками фальсификации истории Великой Отечественной войны. Стратегия «замалчивания» истребительской политики оккупантов, преступлений против человечности в наши дни недопустима и требует обнародования. Вопросы о сохранении исторической правды, признании фактов геноцида и недопущения искажений сведений об истребительской войне нацистов в отношении народов Советского Союза сегодня также представляются актуальными.

Историография проблемы геноцида на оккупированных территориях СССР берет свое начало еще до окончания войны, где представлена лишь фрагментарными публикациями о злодеяниях оккупантов. Степень обнародования материалов о зверствах нацистов по отношению к мирному населению в оккупированных регионах была в те годы высокой, однако в целом, в плане научного изучения оккупационного режима и преступлений нацистов, этот период оказался малопродуктивным. И связано это было в первую очередь с тем, что большинство материалов оставались для исследователей недоступными, и, следовательно, введение их в научный оборот не представлялось возможным.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что такое сложное и морально тяжелое событие как война, еще предстояло пережить, осмыслить, для чего требовалось время.

Таким образом, анализируя историографию данной проблемы 1950-х – начала 1980-х гг. становится очевидным, что тема преступлений нацистов против мирного населения, как и проблема оккупации вообще, не относилась к числу приоритетных. Предпочтение отдавалось изучению истории партизанского движения, боевым действиям, героическим подвигам и т.п. И такое соотношение не является случайным. С политической точки зрения, тщательные исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы. Советская историческая наука намеренно игнорировала эти исследования. Неудивительно, что к началу «перестройки» об истребительной войне, которую вели нацисты против всего советского народа, забыли.

Определенный прогресс в изучении всесторонних аспектов оккупации наступил с началом «перестройки» и общей либерализации общественно-политической жизни. Нацистская оккупационная политика становится предметом более полного и всестороннего изучения. Безусловно, это происходит под воздействием зарубежной историографии, многие работы которой стали теперь доступными для советских историков. Этому периоду присущ важный момент: у исследователей появилась возможность работы с ранее недоступными архивными материалами, что привело к положительной динамике в изучении проблем оккупации. Тем не менее, относительно истории Симферополя и Крыма в годы оккупации, за весь послевоенный период и до распада Советского Союза не появилось ни одной комплексной работы. Эту информацию, причем, весьма скудную, можно было почерпнуть из работ, где в целом шла речь о нацистском «новом порядке» или освещалась история партизанского движения. Именно так оккупационный режим рассматривается в 4-м томе «Очерков по истории Крыма» [17] и монографии А. В. Басова [5]. Несомненно, тема нацистских преступлений интересовала исследователей постоянно, однако, приходится констатировать слабую степень изученности данной проблемы к концу советской эпохи.

Параллельно с развитием отечественной историографии тему нацистского оккупационного режима на советской территории освещали и ряд зарубежных ученых. Одним из первых ее поднял американский историк А. Даллин в своей монографии «Немецкая власть в России 1941–1945» [26]. По сути, Даллин явился основателем целого направления в западной историографии, посвященной проблемам оккупации. Тем не менее, его работы и работы его последователей крайне фрагментарно и однобоко освещают проблему нацистского террора на оккупированной территории Крыма и не дают ответов на множество основополагающих вопросов [25; 27; 28].

Проявившийся в последнее время интерес к детальному изучению нацистского геноцида по отношению к советскому гражданскому населению и военнопленным, дал позитивный толчок к появлению новых исследований данной проблемы. Анализ работ, изучающих оккупационный режим в Крыму, позволяет выделить ряд

публикаций современных российских историков, в которых раскрывается сущность, содержание, инструменты и методы проведения немецкой оккупационной политики на территории Крыма, направленной на массовое истребление и уничтожение советского народа. Так, можно указать на работы С. В. Агафонова, В. А. Константинова, М. Б. Кизилова, В. В. Бобкова и О. В. Романько [1; 13; 20–22]. Определенный интерес для историографии представляет документальная повесть Т. Н. Керусовой «Старые фотографии», основу которой составили воспоминания людей, переживших фашистскую оккупацию крымской столицы или хранящих рассказы своих ушедших родственников [12]. В этой связи немаловажно, что научные изыскания современных исследователей способны влиять на умонастроения молодого поколения об историческом прошлом.

В целом, анализируя состояние историографии исследуемой темы, можно сделать вывод, что во многих аспектах данной проблемы еще предстоит разобраться. На сегодняшний день в историографии отсутствуют комплексные научные исследования о проведении нацистской политики геноцида в годы оккупации Симферополя. В существующих научных изысканиях эта картина представлена недостаточно полно, имеется много пробелов и неточностей. Так, не теряют своей актуальности вопросы, связанные с всесторонним изучением нацистской оккупационной политики и проведением системного и продуманного геноцида в отношении мирных жителей и советских военнопленных на оккупированных территориях. В частности, в Симферополе.

Таким образом, целью данной статьи является создание на основе рассекреченных архивных документов полной картины нацистского геноцида в оккупированном Симферополе, подтверждающей преступления нацистов и их пособников против гражданского населения и военнопленных.

С первых дней войны, без преувеличения, Крым занимал особое, значимое место в нацистских планах по завоеванию т.н. «жизненного пространства». Незадолго до нападения на Советский Союз, а именно, 30 марта 1941 г. на совещании высшего нацистского руководства были окончательно сформулированы задачи Германии относительно СССР. Заканчивая свое выступление, А. Гитлер выразился так: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство» [20, с. 13]. Нацисты оценили удачное и выгодное расположение полуострова: находясь здесь, армия и флот могли полностью контролировать акваторию Черного моря. Относительно самого Крыма и его населения у нацистских лидеров были далеко идущие планы – от его превращения в «один огромный немецкий курорт» до германского «Готенланда» [14, с. 284–285]. По большей части многое из запланированного нацистами, так и осталось на уровне фантазий. Однако, уже в течение ноября 1941 г. весь Крымский полуостров, за исключением г. Севастополя, был полностью оккупирован немецко-румынскими войсками. Для уничтожения жителей Крыма нацистское военное руководство создало по всей территории полуострова огромное количество мест принудительного содержания – концентрационных лагерей, тюрем, временных пунктов содержания. Специальные органы функционировали по всему полуострову

одновременно. Силловые структуры и карательный аппарат оккупантов не отличался своеобразными особенностями, т.к. к моменту оккупации Крымского полуострова эта система уже была довольно хорошо отлажена в самой Германии и на других оккупированных территориях.

2 ноября 1941 г. немецкие войска вошли в столицу Крыма – Симферополь. С первых дней оккупации города здесь был установлен жесткий репрессивный режим. Симферопольцев арестовывали и сажали в тюрьмы, расстреливали без суда и следствия. Этим непосредственно занимались разные органы, главными из которых были полиция безопасности и СД, охранная полиция и жандармерия. Данные органы начали создаваться в Симферополе практически с первых дней оккупации.

С момента начала оккупации Симферополя, становление нацистского режима сопровождалось, прежде всего, умиротворением местного населения и устранением лиц, представляющих опасность для «нового порядка» оккупантов, характерной чертой которого был террор. Силами СД и полиции систематически проводились облавы и обыски с целью выявления «подозрительных элементов», зачастую, приводившие к тюремному заключению. Крупнейшие, созданные нацистами тюрьмы, находились на улицах Студенческой, Розы Люксембург и Дзержинского. Из протоколов послевоенных допросов свидетелей оккупации известно, что самым активным карателем в Симферополе, чье появление наводило страх на горожан, был немец по фамилии Хеллер [4, с. 48, 53–54].

Характерными особенностями нацистской репрессивной политики от начала и до конца оккупации были акции устрашения, расстрелы и пр. мероприятия, одновременно запугивающие и уничтожающие мирное население. Так, одним из первых подобных мероприятий в Симферополе стал расстрел 50 мирных жителей на ул. Полигонной. Сердюк Х. С. так описывала после войны этот эпизод: «При вступлении немцев в г. Симферополь, в ноябре месяце, два немецких солдата искали конюшню для размещения лошадей в сараях «Утильзавода». В это время произошел взрыв. Один солдат был убит, второго ранило. После этого немецкое командование объявило, что за погибшего немецкого солдата будет расстреляно 50 человек советских граждан, через некоторое время подошла легковая машина с немецкими начальниками, а за нею линейка, на которой привезли белые платки. Спустя некоторое время подошли грузовые автомашины, на одной из которых были немецкие солдаты, а на двух других автомашинах – советские граждане. Советских граждан быстро разгрузили и повели во двор «Утильзавода». После этого со двора завода начали выводить советских граждан по 8 человек со связанными назад руками и завязанными глазами белыми платками и тут же недалеко от двора завода расстреливали из автоматов. Всего немцы расстреляли 50 человек» [10, л. 4].

Одновременно осуществлялись и более массовые акции террора по отношению к отдельным группам населения, например, уничтожение больных в Симферопольской психиатрической клинике. По архивным данным известно, что на начало оккупации больных в клинике было 700–740 человек. За период с ноября 1941 по март 1942 г. умерло от антисанитарных условий, голода и отсутствия медикаментов 250. Оставшиеся 450 человек были уничтожены 7 марта 1942 г. путем

удушения газами в так называемой «душегубке». Среди жертв было 50 детей в возрасте от 3-х до 14 лет [10, л. 12–13].

Согласно нацистской идеологии, полному физическому уничтожению подлежали т.н. «расово неполноценные элементы» (евреи, цыгане и крымчаки), а также идеологические враги «нового порядка» (партизаны, подпольщики и коммунисты). Функции по выявлению, преследованию и уничтожению этих элементов были возложены на специальный карательный орган – айнзацгруппу «Д», чьи подразделения действовали в крупных городах Крыма, под общим руководством штандартенфюрера СС О. Олендорфа.

Процесс уничтожения расово неполноценных элементов происходил в несколько этапов. Уже в середине ноября 1941 г. все еврейское население, крымчаки и цыгане должны были явиться на регистрацию, где всем евреям приказали носить отличительный знак – шестиконечную звезду. Следующим этапом была обязательная явка в пункт сбора, в строго обозначенную дату и время. Неисполнение приказа каралось публичной казнью, с целью устрашения за неподчинение. Из протокола допроса свидетеля У. Т. Боснаева известно, что подобные акции устрашения происходили на улицах Субхи, Пушкина, Карла Маркса, Гоголя, где вешали евреев, а «к ногам повешенных были прикреплены дощечки с надписью “Повешен за неподчинение”» [4, л. 52]. Наиболее большие пункты сбора в Симферополе были расположены на ул. Лазаретная, 12 (ныне ул. Студенческая, 10), бульвар Ленина (в помещениях Медицинского института), на ул. Гоголя, 14 и на ул. Пушкина (бывший Дом Правительства). Завершающим этапом в процессе очищения оккупированной территории от вышеуказанных элементов была погрузка граждан, явившихся на сборные пункты в автомашины, транспортировка за город на Феодосийское шоссе, где их расстреливали и зарывали в противотанковых рвах [4, л. 47].

Таким образом, на протяжении всего ноября 1941 – августа 1942 г. из 40 тыс. евреев и крымчаков, оставшихся в Крыму на момент начала оккупации, айнзацгруппой «Д» были уничтожены почти все. Подобное происходило и с цыганским населением. Здесь число жертв нацистских репрессий составило примерно 2 тыс. человек или большая их часть на момент начала оккупации [14, с. 287].

Аналогично ситуация складывалась и с «враждебными элементами» или «идеологическими врагами» (по мнению нацистов) – партизанами, подпольщиками и коммунистами, которые оказывали существенное сопротивление установлению новой власти. Причем, в качестве меры наказания были как мероприятия по уничтожению, так и заключение в «местах принудительного содержания» – тюрьмах и концлагерях. Как правило, после длительных допросов и пыток, их, по заведенному порядку, отправляли в самый большой в окрестностях Симферополя концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный», где последующая судьба узников была predetermined: либо голодная смерть, либо физическое уничтожение.

Концлагерь «Красный», созданный летом 1942 г. в с. Мирное Симферопольского р-на, был самым крупным лагерем для советских граждан на территории Крыма. Попадая в это место, человек терял привычные ориентиры, где лагерная система была устроена так, чтобы не только уничтожить человека физически – голодом, систематическими побоями, расстрелом, наконец, особое значение играло моральное уничтожение личности через унижение, подавление человеческого достоинства, издевательство и устрашение. Известно, что в концлагерь попадали не только жители столицы Крыма, но и других местностей, причем массовый наплыв узников приходится на осень 1942 – лето 1943 г., когда в лагере находились тысячи заключенных. Архивные источники свидетельствуют, что первая массовая ликвидация заключенных, когда одновременно было расстреляно около 1,5 тыс. человек, произошла 27 октября 1943 г. [10, л. 24]. В ходе освобождения Крыма Красной армией и отступления немцев из Симферополя, в апреле 1944 г. нацистами было принято решение о полном уничтожении всех узников концлагеря общей численностью около 2 тыс. человек. В большинстве случаев, они были расстреляны в первой декаде апреля 1944 г. В связи с этими событиями широкую известность получил находящийся на территории т.н. колодец. Так, М. К. Чурилова свидетельствовала: «В ночь с 10 на 11 апреля 1944 года с 20 часов до 3-х часов утра поодиночке и мелкими группами выводили заключенных и живыми сбрасывали в колодец глубиной до 26 метров. С места казни слышались отчаянные крики заживо погребенных людей» [10, л. 25]. При вскрытии и изъятии из колодца трупов лишь у 8-ми мужчин в верхних слоях и 2-х женщин были обнаружены при медицинском освидетельствовании пулевые ходы, остальные же, в том числе дети, сброшены в колодец живыми. У ряда замученных были найдены записки, датированные 7–10 апреля 1944 г. с просьбой к родным о присылке им питания. Всего же, из колодца было извлечено 76 трупов, остальные же, в общей сложности около 175, извлечь не удалось. Таким образом, общее число жертв трагедии колодца примерно 245–250 человек [8, л. 10; 10, л. 27].

Всего же за почти два года функционирования концлагеря, с лета 1942 по 12 апреля 1944 г., нацисты уничтожили здесь различными способами – путем удушения, расстрела, сожжения на кострах-крематориях и сбрасыванием в колодец более 15 тыс. человек [13, с. 383]. В связи с этим, Крымской чрезвычайной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников было установлено, что территорию бывшего совхоза «Красный» немецкие оккупанты и их пособники использовали как место массового истребления советских людей.

Местом жестоких расправ в Симферополе был не только концлагерь «Красный». Так, постоянные казни происходили в балке у с. Дубки, на 6-м километре Николаевского шоссе, куда пригоняли на расстрел из тюрьмы СД и лагерей партизан, подпольщиков и мирных жителей. Определение количества жертв оккупантов на этом участке приобрело затяжной и продолжительный характер. И связано это, прежде всего, с тем, что новый виток в расследовании злодеяний гитлеровцев связан со случайной находкой рабочих строительного управления,

которыми в ходе проведения земляных работ были обнаружены человеческие кости. Это произошло 30 сентября 1970 г. Эксгумацию останков начали уже 2 ноября и продолжали в течение месяца. Масштаб трагедии потрясает – выявлено 26 отдельных расстрельных мест с человеческими останками общей численностью приблизительно 1413 человек. Среди жертв – мужчины, женщины и дети, даже инвалиды, с руками, связанными металлической проволокой за спиной у большинства [13, с. 342].

Трупами убитых наполнен и противотанковый ров в Курцовской балке, находящийся в 3-х километрах от Симферополя – еще одно место массовых казней советских граждан. «По степени разложения трупов, деформации костей скелетов, а также по свидетельским показаниям, установлено, что расстрелы советских людей у противотанкового рва производились с апреля 1942 по лето 1943 г. Несмотря на душераздирающие крики, палачи привозили жертв как в закрытых, так и в открытых машинах, зачастую в одном белье, расстреливали у края противотанкового рва и сбрасывали вниз. При раскопках установлено, что на территории противотанкового рва одновременно было замучено и расстреляно не менее 336 человек мирных граждан» [7, л. 25; 10, л. 6].

Составной частью нацистской репрессивной системы были лагеря для советских военнопленных. Это несколько другая категория жертв, здесь применялись довольно жесткие меры наказания и условия пребывания, т.к. именно среди военнослужащих могли возникнуть очаги сопротивления, что нередко приводило к побегу узников. Поэтому для оккупантов очень важно было подавить все подобные стремления, например голодом. В целом, в годы оккупации на территории Симферополя, согласно «Справке о дислокации лагерей, созданных немецко-фашистскими захватчиками» действовали следующие места, где содержались советские военнопленные [3].

Дулаг 241 (от нем. Durchgangslager) – постоянный фильтрационный лагерь на территории бывшего овощехранилища «Картофельный городок». Он располагался по ул. Ж. Жигалиной, 11–15 (сейчас 17) и действовал в течение всего периода оккупации полуострова, являясь самым крупным по численности прошедших через него военнопленных на территории Крыма. Архивные источники свидетельствуют, что через него прошли до 140 тыс. советских военнопленных [4, л. 49]. Одновременно в лагере находилось до 6 тыс. человек, из которых ежедневно умирало около 50 [3, л. 188]. Согласно сведениям советских послевоенных комиссий, в течение ноября 1941 – начала 1942 г. в концлагере мучительной смертью от голода, тифа и побоев погибло до 6 тыс. советских военнопленных [13, с. 62].

Пересыльный лагерь для военнопленных по ул. Гоголя, который располагался в смежном квартале с лагерем Дулаг 241 по ул. Ж. Жигалиной, 1–7 до пересечения с ул. Гоголя, 100. В лагере одновременно содержалось до 3,5 тыс. человек, поступающих, в основном, из «Картофельного городка», с целью их дальнейшей отправки в лагеря на территории Украины и Германии.

Пересыльный лагерь в помещениях бывшей тюрьмы по ул. Дзюбанова, 2–4 в Железнодорожном районе в 500 метрах от станции. В первые дни оккупации в лагерь прибыло до 3 тыс. военнопленных. В целом, схема его функционирования была полностью идентична с лагерем по ул. Гоголя.

Также местом массового содержания пленных стало помещение бывшего роддома около клинического городка областной психиатрической больницы, где размещались одновременно до 500 советских военнопленных. Известно, что узников здесь использовали на хозяйственных работах подсобного хозяйства этой же больницы, где с марта 1942 г. размещался немецкий военный госпиталь [3, л. 189–190].

Следует подчеркнуть, что трагедия советских военнопленных не была следствием стечения обстоятельств, их судьба была predetermined еще до нападения Германии на Советский Союз. Не секрет, что отношение к пленным красноармейцам не укладывалось в нормы международного права, здесь явно целенаправленно проводилась политика уничтожения и истребления народа. В итоговом докладе Крымской Республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от сентября 1945 г. утверждалось, что за годы оккупации нацисты расстреляли и замучили в Крыму около 45 тыс. советских военнопленных, из них только в Симферополе – 12 тыс. [9, л. 3].

13 апреля 1944 г. Симферополь был освобожден от оккупантов. За эти долгие два с половиной нелегких года страницы истории города были насыщены разными, порой неприятными и страшными событиями, которые касались всех сфер жизни населения, имели разный масштаб и по-разному отражались на жителях столицы Крыма. До начала оккупации в городе проживало около 150 тыс. человек, после освобождения их число составило около 68 тыс., то есть население сократилось более чем в два раза [13, с. 376].

В настоящее время, используя результаты Федерального проекта «Без срока давности», Следственный комитет Российской Федерации возбудил в 2019–2023 гг. уголовные дела по ст. 357 УК РФ (геноцид), связанные с убийствами мирных жителей и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. В ходе следствия проводились допросы и систематизировались показания не только свидетелей и очевидцев событий, но и бывших узников концлагерей. Проводится активная поисковая и архивная работа – осматриваются места массовых захоронений жертв, выявляются ранее неизвестные массовые захоронения. В связи с чем, появляются основания для возобновления производства ранее приостановленных или прекращенных уголовных дел ввиду обнаружения новых вещественных доказательств. Так, собранные в ходе предварительного следствия материалы направляются в Генеральную прокуратуру РФ в обоснование исков о признании преступлений, совершенных нацистами в отношении мирных жителей и советских военнопленных, военными преступлениями и преступлениями против человечности.

С учетом полученных при расследовании уголовных дел материалов, на сегодня уже во многих регионах Российской Федерации прошли судебные процессы, признавшие нацистскую оккупацию геноцидом советского народа. В том числе, представилась возможность дать такую оценку и нацистскому оккупационному режиму на территории Крыма. Инициаторами в проведении следственного дела стали потомки пострадавших в годы временной оккупации полуострова, а также Государственный Совет Республики Крым. В ходе заседаний были допрошены непосредственные очевидцы событий и свидетели, исследованы письменные документы по делу, заслушаны пояснения специалистов о фактах целенаправленного уничтожения советского народа на территории Крыма. Спустя много десятилетий, на состоявшихся заседаниях Верховного суда Крыма было признано, что на территории региона нацисты развернули геноцид. 7 июля 2022 г. суд постановил «Признать установленные и вновь выявленные преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками против не менее 219 тыс. мирного населения и военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории Республики Крым и города Севастополя – ранее Крымской АССР – военными преступлениями, преступлениями против человечества... геноцидом национальных и этнических групп, представляющих собой население СССР» [19].

Оккупация Крыма длилась долгие 865 дней. За этот период нацисты и их пособники расстреляли около 72 тыс. мирных жителей, примерно 18 тыс. человек замучили в тюрьмах и лагерях, уничтожили разными способами около 45 тыс. советских военнопленных, а около 85 тыс. угнали на работы в Германию. Для Симферополя эти цифры выглядят соответственно следующим образом: 1 952, 8,7 тыс., 12 тыс. и 176 человек [9, л. 3].

Подводя итог, следует отметить тот факт, что нацистам в Крыму и Симферополе удалось сформировать полноценный эффективный оккупационный аппарат, с помощью которого до определенного момента на оккупированных территориях можно было проводить массовые репрессии и карательные акции. Проанализировав действия нацистского режима в годы временной оккупации г. Симферополя, приведя ряд неоспоримых фактов, подтвержденных свидетельствами многочисленных очевидцев о зверствах оккупантов в отношении крымчан, становится понятно, что на оккупированных территориях нацисты осуществляли геноцид. Нет никаких сомнений, что дальнейшие исследования выявят дополнительные сведения, подтверждающие преступления нацистов и их пособников в отношении мирных граждан и советских военнопленных. Тем не менее, в настоящее время с уверенностью можно говорить о том, что геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны – это сознательная и целенаправленная политика Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Агафонов С.В. История не обманывает: концлагерь на территории совхоза «Красный» / С. В. Агафонов. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 174 с.

- Agafonov S.V. Istorija neobmanyvaet: konclager' na territorii sovhoza «Krasnyj» / S. V. Agafonov. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 174 s.
2. Аристов С. В. TERRAINCOGNITA: система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.) / С. В. Аристов. М.: Яуза-каталог, 2022. 432 с.
- Aristov S. V. TERRAINCOGNITA: Sistema nacistских konclagerej na okkupirovannoj territorii SSSR (1941–1944 gg.) / S.V. Aristov. M.: Jauza-katalog, 2022. 432 s.
3. Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 8. Arhiv UFSB Rossii po Respublike Krym i g. Sevastopolju. F. 100. D. 8.
4. Архив УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю. Ф. 100. Д. 17. Arhiv UFSB Rossii po Respublike Krym i g. Sevastopolju. F. 100. D. 17.
5. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / А. В. Басов. М.: Наука, 1987. 334 с.
- Basov A.V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 / A. V. Basov. M.: Nauka, 1987. 334 s.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп.1. Д.31. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. P-156. Op.1.D. 31.
7. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 1.
8. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2а. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 2a.
9. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 18. GARK. F. R-1289. Op. 1. D. 18.
10. ГАРК. Ф. Р-1289. Оп. 1 Д. 65. GARK. F. R-1289. Op. 1.D. 65.
11. Гольденберг М. А. Нацистский геноцид советских военнопленных в Крыму. 1941–первая половина 1942 гг. / М. А. Гольденберг // «Севастопольский Нюрнберг»: К 70-летию Севастопольского судебного процесса по делу о злодеяниях фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь, 2017. С. 35–41.
- Gol'denberg M. A. Nacistский genocide sovetskih voennoplennyh v Krymu. 1941–pervajapolovina 1942 gg. / M.A. Gol'denberg // «Sevastopol'skij Njurnberg»: K 70-letiju Sevastopol'skogo sudebnogo processa po delu o zlodejaniyah fashistskih zahvatnikovv Krymu i na Kubani: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sevastopol', 2017. S. 35–41.
12. Керусова Т. Н. «Старые фотографии» / Т. Н. Керусова. Симферополь: Таврида, 2018. 202 с. Kerusova T. N. «Staryefotografii» / T. N. Kerusova. Simferopol': Tavrida, 2018. 202 s.
13. Константинов В. А., Кизилов М. Б., Бобков В. В. «Красный»: История нацистского лагеря смерти / В. А. Константинов, М. Б. Кизилов, В. В. Бобков. Симферополь: АРИАЛ, 2021. 412 с. Konstantinov V. A., Kizilov M. B., Bobkov V. V. «Krasnyj»: Istorija nacistского lagerja smerti / V. A. Konstantinov, M. B. Kizilov, V. V. Bobkov. Simferopol': ARIAL, 2021. 412 s.
14. Крым: Страницы истории с древнейших времен и до наших дней / под ред. В. Н. Рудакова. М., 2019. 424 с. Krym: Stranicy istorii s drevnejshih времен i do nashih dnei / pod red. V. N. Rudakova. M., 2019. 424 s.
15. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь: Антиква, 2015. 224 с. Lager' smerti: sovhoz «Krasnyj» / sost. G. N. Grzhibovskaja. Simferopol': Antikva, 2015. 224 s.
16. Лампа и дымоход: литературный журнал. 2011. № 1–3. Lampa i dymohod: literaturnyj zhurnal. 2011. № 1–3.
17. Очерки по истории Крыма: В 4 ч. / под общ. ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. Ч. 4. 320 с. Ocherkipoistorii Kryma: V 4 ch. / podobshh. red. I. S. Chirvy. Simferopol': Krym, 1967. Ch. 4. 320 s.
18. Проект «Память...» Интерактивная карта [Электронный ресурс]. URL: <https://память.su/map> Proekt «Pamjat'...» Interaktivnajakarta [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://память.su/map>

19. Проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/>

Proekt «Prestuplenija nacistov i ihposobnikov protiv mirnogo naselenija SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.» [Jelektronny jresurs]. URL: <https://victims.rusarchives.ru/>

20. Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944) / О. В. Романько. Симферополь: Антикава, 2009. 272 с.

Romanko O. V. Nemeckaja okkupacionnaja politika na territorii Kryma i nacional'nyj vopros (1941–1944) / O. V. Romanko. Simferopol': Antikva, 2009. 272 s.

21. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера: Немецкая оккупационная политика в Крыму: 1941–1944 / О. В. Романько. М.: Вече, 2011. 432 с.

Romanko O. V. KrympodpjatojGitlera: Nemeckaja okkupacionnaja politika v Krymu: 1941–1944 / O. V. Romanko. M.: Veche, 2011. 432 s.

22. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944 / О. В. Романько. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.

Romanko O. V. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoje dvizhenie. 1941–1944 / O. V. Romanko. M.: Centrpoligraf, 2014. 414 s.

23. Романько О. В. Нацистская оккупационная политика на территории Крыма (1941–1944): историография проблемы / О. В. Романько // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70), № 4. С. 140–148.

Romanko O. V. Nacistskaja okkupacionnaja politika na territorii Kryma (1941–1944): istoriografija problemy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2018. T. 4 (70), № 4. S. 140–148.

24. Тяглый М. И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: справочник / М. И. Тяглый. Симферополь: Хесед Шимон, 2005. 120 с.

Tjaglyj M. I. Mesta massovogo unichtozhenija evreev Kryma v period nacistskoj okkupacii poluostrova, 1941–1944: spravochnik / M. I. Tjaglyj. Simferopol': HeseShimon, 2005. 120 s.

25. Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: die Einsatzgruppe D in der südlicher Sowjetunion 1941–1943 / A. Angrick. Hamburg: Hamburger Edition, 2003. 795 с.

26. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies / A. Dallin. London: Macmillan, 1957. 695 p.

27. Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft (1941–1944). Germanisierungstypie und Besatzungsrealität / N. Kunz. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005. 434 с.

28. Mühlen P. v. zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg / P. v. zur Mühlen. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 256 с.

Savchenko A. S. Nazi policy of genocide during the occupation of Simferopol (1941–1944).

The problem of recognizing the genocide of the peoples of the former USSR during the Great Patriotic War has recently entered the relevant field. The need to study the crimes of the Nazis and their accomplices in the occupied Soviet territories at the present stage is beyond doubt. The facts presented in the article, confirming mass and targeted violence against civilians and Soviet prisoners of war, make it possible to understand the criminal nature of Nazism and the need to condemn it to the fullest extent of the law. This article is an analysis based on new archival sources of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices during the temporary occupation of Simferopol.

Keywords: Nazism, occupation, genocide, Great Patriotic War, Crimea, Simferopol.

УДК 94(477.75)

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАВРИЧЕСКОГО И
ОДЕССКОГО КАРАИМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

Ткачев А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: antontckachov@gmail.com*

Проанализированы материалы фонда 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора» Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь). Духовное правление было учреждено в марте 1837 г. в Евпатории как орган конфессионального самоуправления караимов Российской империи, подчинявшийся Департаменту духовных дел иностранных исповеданий МВД. До своего официального утверждения оно носило название «Дом суда», или «Судебный дом караимов» (1804–1836 гг.). В фонде имеются две описи, систематизированные по хронологическому, номинальному и географическому принципам. Многочисленные документы фонда свидетельствуют о различных направлениях деятельности ТОКДП – религиозной, организационной, просветительской, общественной. Духовное правление до момента закрытия в 1920-х гг. являлось основной инстанцией по решению вопросов в сфере брачно-семейного права караимов, образовательной и воспитательной деятельности караимской молодежи.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, караимы, органы конфессионального самоуправления, Государственный архив Республики Крым.

В современных реалиях регионом тесных религиозных и этнических контактов в Российской Федерации является Крым. Из-за идеологических нарративов и установок прошлого в отечественной исторической литературе многие сюжеты истории крымских татар, караимов и других этнических и конфессиональных групп населения полуострова изобиловали многочисленными лакунами; исследование большинства проблем не приветствовалось, а некоторые из них подвергались искажениям в угоду политической конъюнктуры. Именно поэтому максимально объективное, с привлечением широкого круга источников, изучение истории народов, проживающих в таких многонациональных и поликонфессиональных регионах, каким был и остается Крымский полуостров, сегодня актуально и своевременно.

Одним из старожильческих народов, присутствие которых фиксируется в Северном Причерноморье, начиная с эпохи средневековья, являются крымские караимы. До сих пор предметом научной дискуссии остаются такие вопросы, как: этногенез караимов, возникновение караимских общин непосредственно на территории Крымского полуострова, аспекты взаимодействия караимов с властными структурами (сначала Крымского ханства, а затем – и Российской империи), а также с мусульманской и еврейской рабанитской общинами. Уже после присоединения Крыма

к России в 1783 г. интеграция караимов в российское образовательное и культурное пространство обозначила необходимость создания учреждений их конфессионального самоуправления. Со вхождением в состав Российской империи ряда территорий, присоединенных после разделов Речи Посполитой, часть евреев и караимов, ранее проживавших на литовских и польских землях, в 1793–1795 г. стали российскими подданными. Вскоре после крымских караимов мероприятия по созданию учреждений конфессионального самоуправления были инициированы и караимами, проживавшими в западных губерниях империи. Таким образом, и в Таврической области (а впоследствии – в Таврической губернии), и в Северо-Западном крае России «христианская государственность» и «караимское население» входили в непосредственное взаимодействие, осуществляли разносторонние контакты, укрепляя российское присутствие в регионах. Одновременно с организацией духовного правления караимы смогли упрочить свои позиции в сфере гражданского права. Так, в марте 1837 г. на законодательном уровне было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления» (позднее изменившего название на «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» – ТОКДП). До своего официального утверждения оно носило название «Дом суда», или «Судебный дом караимов» (1804–1836 гг.). В его юрисдикцию вошли общины караимов, проживавших в губерниях, областях и градоначальствах Российской империи. А 2 мая 1863 г. было объявлено об учреждении «Трокского караимского духовного правления» (ТрКДП) в г. Троки, которое находилось в непосредственном подчинении у ТОКДП, и занималось вопросами организации религиозной жизни караимов западных губерний России [21, с. 126–133, 183]. Оба правления состояли в подчинении Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД.

В рамках изучения истории создания и деятельности учреждений караимского конфессионального самоуправления непосредственный исследовательский интерес представляет процесс их формирования, легитимации и профильной работы. Это особенно важно в контексте исследования трансформаций поликонфессиональной ситуации как в самом Крыму, так и в западных губерниях Российской империи. Именно поэтому необходимо анализировать и вводить в научный оборот новые, малоизвестные источники, изучить российскую законодательную базу в связи с изменением в XIX в. юридического статуса караимского населения. Особенно значимым для данной темы является изучение процесса формирования караимских конфессиональных учреждений с момента присоединения Крыма к России, а также этапов создания караимских конфессиональных учреждений после вхождения в состав государства литовских и польских земель.

Научная новизна исследуемой проблематики обуславливается, в первую очередь, ее содержанием, поскольку разноплановая деятельность органов конфессионального самоуправления в рассматриваемый хронологический период комплексно не изучалась. Исключение составляют публикации Д. А. Прохорова, который впервые, на основе многочисленных источников, предпринял попытку сопоставить все имеющиеся на сегодняшний день сведения по истории караимов [15; 16]. Среди авторов других заслуживающих внимание работ, занимавшихся

данной проблематикой, следует назвать таких специалистов, как: Г. Ахиезер [1; 2], О. Б. Белый [3; 4], М. И. Гаммал [5; 6], В. А. Ельяшевич, В. З. Тирияки, А. В. Ефимов [8], М. Б. Кизилов [9].

Процесс научной реконструкции истории органов караимского конфессионального самоуправления Российской империи требует глубокого и детального изучения, а именно: восстановления этапов становления и развития учреждений караимского конфессионального самоуправления, анализа ключевых направлений их работы. Используя междисциплинарный подход, важно изучить вопросы организации духовными правлениями религиозного руководства караимскими общинами, выявить нюансы просветительской и благотворительной деятельности, историю храмового строительства. Заслуживают отдельного внимания биографии видных представителей караимского духовенства. Использование широкого круга источников позволит раскрыть роль российской администрации в деятельности ТОКДП и ТрКДП, а также их влияния на духовную и социальную жизнь караимов.

Одним из наиболее обширных и информативных в исследовательском контексте архивных собраний, где собраны материалы по истории караимов, является Государственный архив Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь). Ранее фонды архива, связанные с прошлым караимов, частично анализировались в работах О. Б. Белого [3; 4], Л. П. Кравцовой [10], Д. А. Панова [13; 14], Д. А. Прохорова [17; 18], А. В. Прохоровой [19; 20]. Наиболее значимым и информативным для заявленной темы исследования фондом ГАРК является фонд 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора». Дела данного фонда состоят из двух описей, в которых, согласно представленным перечню и аннотациям, всего насчитывается 2053 архивных дела, датируемых периодом с 1837 по 1920 гг. [18, с. 513–573].

Первоначально собрание документов Таврического и Одесского караимского духовного правления хранилось в Евпатории непосредственно при самом правлении. После того, как в начале 1920-х гг. все конфессиональные учреждения были ликвидированы советской властью, документы ТОКДП, вместе с фондами караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги», некоторое время находились в ведении Евпаторийского краеведческого музея. Впоследствии, параллельно с вывозом большей части рукописей караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» в Ленинград, основная часть архива ТОКДП, по всей видимости, была передана в ведение Центрального Архивного управления Крыма [12, с. 125–135]. В настоящее время эти документы хранятся в Симферополе в Государственном архиве Республики Крым. Отдельные поступления собрания документов правления имели место и в последующие годы, в частности, из Евпаторийского государственного архива.

Подробные сведения о создании органов конфессионального самоуправления караимов как в Крыму, так и в Троках, содержатся в нескольких делах описи 1 фонда 241. Среди наиболее значимых – переписка первого караимского гахама Симхи бен Шеломо Бабовича с Таврическим губернским правлением, рапорты и

определения ТОКДП о назначении в различные приходы священнослужителей из числа караимов. В делах сосредоточены запросы, рапорта, ведомости, «общественные приговоры» отдельных караимских общин. Имеются черновые записки и итоговые документы с распоряжениями гахама, а также повестки, уведомления, черновики писем и прочая документация [18, с. 513–573].

Среди наиболее информативных документов фонда можно отметить такие, как: проект устава об управлении духовными делами караимов, «Положение о Таврическом караимском духовенстве», материалы, непосредственно касающиеся деятельности ТОКДП и о расширении его полномочий, переписка о статусе «пещерного города» Чуфут-Кале, ходатайства о предоставлении караимам различных гражданских прав и экономических привилегий (в частности, об освобождении их от рекрутского набора, от выплаты двойного промыслового налога и т.д.). Имеются также: проект нового брачного устава караимов, документы, посвященные присутствию главы ТОКДП на высочайших аудиенциях, праздниках, о вручении августейшим особам подарков от караимов, о приеме караимами членов императорской семьи и других знатных гостей, а также многое другое.

В фонде 241 собраны материалы съездов караимского духовенства и общенациональных съездов, проводившихся с участием делегатов от караимских общин (1898, 1897–1899, 1908, 1910, 1917 и 1919 гг.), в ходе работы которых их делегатами рассматривались различные злободневные и актуальные вопросы догматического и общественного характера. Например, в протоколах и определениях (постановлениях) заседаний ТОКДП содержатся сведения об избрании претендентов на посты всех уровней караимского духовенства – гахамов, газзанов и шамашей, а также о приведении их к присяге на верность российскому престолу. Среди документов имеются билингвальные тексты присяги – на русском языке и на иврите, датированные 1869, 1871, 1872, 1874 и 1879 гг. Сохранилась информация о выборе старост в караимские кенасы с перечислением их обязанностей (инструкциями), материалы об утверждении различных должностных лиц; аттестаты (характеристики), формулярные списки духовных лиц; о награждении орденами и медалями и о присуждении звания почетного гражданина духовным лицам из числа караимов; о порядке отправления молитв и пр. Сохранилось ходатайство Троцкого караимского гахама о переименовании караимских молитвенных учреждений из синагог в кенасы (1893 г.) и последующая переписка об этой инициативе с членами общин и с вышестоящим начальством [15, с. 294–296].

Важными с точки зрения анализа взаимоотношений караимов и евреев-рабанитов представляется переписка о правах и льготах караимов, о неприменении к ним законов и распоряжений, установленных для российских евреев (1875, 1880, 1881 гг.). Например, дело № 580 под заголовком: «Высочайшее распоряжение о том, что ограничительные постановления о евреях не должны иметь применения к караимам» (опись 1, 1894 г.) [7, л. 1]. Появление подобных документов было вызвано тем, что, несмотря на принятие закона 8 апреля 1863 г., уравнившего караимов в правах с христианским населением империи, в некоторых ее регионах

главы местной администрации продолжали считать караимов евреями – с последующим применением по отношению к ним практики «поражения в правах». В 1910 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин направил губернаторам, градоначальникам и начальникам областей специальный циркуляр, в котором разъяснялось, чтобы такие эпизоды «причисления» караимов губернскими властями к еврейскому субстрату впредь не допускались. Губернаторов обязали разъяснять всем учреждениям и чиновникам положения обновленного закона о караимах и циркуляров МВД от 5 ноября 1881 г. и от 8 февраля 1893 г. [15, с. 76, 77].

В рамках рассмотрения просветительской, образовательной и благотворительной деятельности органов караимского конфессионального самоуправления ключевыми являются тематические документы фонда ТОКДП. Так, например, были выявлены материалы о строительстве и открытии караимских культовых сооружений – кенас, молитвенных домов, школ, училищ (как традиционных конфессионально ориентированных, так и русско-караимских министерских, открытых уже после проведения в России образовательной реформы в середине 1860-х гг.). В фонде содержатся дела со сведениями об организации общества вспомоществования бедным караимам (1869 г.); проекты и отчеты «Евпаторийского караимского общества попечения о бедных караимах» (1880, 1903 гг.); об учреждении студентами из числа караимов «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи» (1881) [20, с. 29–39].

В делах фонда сохранились рукописные версии уставов благотворительных обществ (многие – с пометками и маргиналиями самих составителей и вышестоящих должностных лиц) и их типографские экземпляры. Это, прежде всего, уставы Киевского (1903 г.), Евпаторийского (1898–1903 гг.), Феодосийского (1896 г.) караимских благотворительных обществ, караимской богадельни «Ярдим» им. Акбике Шапшал (1919 г.) и документы о деятельности этих объединений, отчеты и переписка о работе Комиссии по оказанию помощи беженцам-караимам из западных губерний Российской империи в связи с Первой мировой войной (1915 г.). Имеются отчеты «Евпаторийского караимского общества попечения о бедных караимах», постановления о добровольных пожертвованиях в кенасу, в пользу бедных, списки жертвователей, об оказании помощи караимскими общинами голодающим Казанской губернии и другие материалы (1899 г.).

Среди подобных документов следует указать на протоколы заседания «Общества помощи караимам, пострадавшим от военных действий» (1917 г.), материалы по организации и устав «Общества вспомоществования нуждающимся караимам» (1898, 1903 гг.), документы об открытии «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в караимских училищах в г. Евпатории» (1895, 1905 гг.), отчеты и приходно-расходные книги общества, списки членов общества и учащихся (1906, 1907, 1908, 1910 гг.).

Духовное правление, как организация, занимавшаяся, помимо всего прочего, вопросами просветительского характера, активно участвовало в организации учебного процесса в школах и училищах для караимской молодежи. В числе

наиболее информативных дел фонда: сведения и переписка ТОКДП с общинами Крыма о состоянии караимских учебных заведений в Таврической губернии, о выделении материальных средств на их содержание, о назначении и проведении экзаменов, о выдаче свидетельств выпускникам школ и училищ, об определении учителей и о контингенте учащихся, об открытии Главного караимского училища в Чуфут-Кале с целью предотвращения выезда его жителей (1848–1860 гг.). Имеются уставы и проекты об открытии Евпаторийского караимского женского профессионального училища (1869, 1902 гг.). В общей массе дел выделяются материалы об устранении в выдававшихся гимназиями караимским девицам, окончившим курс наук, дипломах ограничения прав, установленных для евреев (1880 г.), а также о снятии ограничений для поступления караимок на Высшие медицинские курсы, открывшиеся в Санкт-Петербурге (1896 г.). Сохранились устав, проекты и учебные программы Александровского караимского духовного училища в Евпатории – центрального образовательного учреждения для караимов, открытого по инициативе известного караимского просветителя, общественного деятеля и педагога Ильи Ильича Казаса (1832–1912). В корпусе материалов, связанных с этим событием, выделим документы об избрании почетного попечителя и членов попечительного совета этого училища, а именно: дела №№ 675 (1897 г.), 894 (1903 г.), 950 (1904 г.), 1021 (1906 г.), 1176 (1911 г.), 1359 (1916 г.). Сохранились также устав и переписка об открытии Караимского ремесленного училища Соломона Когена, сведения о его состоянии, материалы о ревизии и описи имущества (1890, 1902, 1918, 1919 гг.). В числе прочих документов – духовное завещание самого мецената, пожертвовавшего крупную сумму на открытие и содержание этого учебного заведения (дело № 833, оп. 1, 1902 г.). Высокой степенью информативности отличаются такие материалы, как: «Положение о Национальном караимском учительском институте», преобразованном из АКДУ (1915–1918 гг.), заявления учителей о принятии их на службу и установлении им жалования, о введении преподавания для учеников-караимов, обучавшихся в общеобразовательных учреждениях, древнееврейского языка (1898 г.).

Среди других важных материалов фонда – сведения о зарубежных контактах ТОКДП. В их числе: переписка правления с общинами о Иерусалимской кенасе (1843 г.), ее приходно-расходная документация (1880 г.), переписка с египетским и иерусалимским караимскими общинами о сохранении в Иерусалиме караимского молитвенного дома и о его реконструкции (1905–1912 гг.), переписка караимов Константинополя с ТОКДП по вопросам, касающимся жизни караимов в Иерусалиме, о выборных лицах в Египте и об их функциях (1904–1912 гг.).

В делах фонда содержатся многочисленные биографические материалы. Например, в делах №№ 240, 1442, 1498, 1542, 1667 собраны документы по рассмотрению достоверности научных исследований известного собирателя древностей Авраама Самуиловича Фирковича по истории караимов (1840, 1855, 1863, 1868, 1874, 1876 гг.). В числе подобных документов – отзывы о довольно спорном и одиозном труде еврейского ученого Эфраима Дейнарда с биографией А. С. Фирковича «Толедот Абен Решеф» (1876), вызвавшей резкую критику у

представителей караимской общественности. В этой книге Э. Дейнард представил деятельность А. С. Фирковича в негативном ключе, а его собирательскую деятельность охарактеризовал как акт личного обогащения.

Среди прочих, небезынттересных материалов в составе дел фонда можно выделить переписку об оказании материальной помощи семьям караимов, пострадавшим в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., а также дело о сооружении караимами памятника на могиле павших русских воинов под Евпаторией (ед. хр. №№ 17, 18, 23; 1855, 1856, 1859 гг.). Имеются также прошения караимов о совершении купчих крепостей на покупку и продажу имений (1835, 1870 гг.), об освобождении представителей караимского духовенства от платежа за дома, в которых они проживали, от налога и других повинностей (1868 г.); дело с положением податных и земских сборов (1850 г.), об обложении членов караимских общин налогом «ареха» (пропорциональный денежный сбор с караимских общин, употреблявшийся на общественные нужды, на оказание помощи бедным, и пр.), и об обложении караимских общин податями на военные нужды (1854, 1872, 1904, 1917 гг.) и т.п.

Материалы, зафиксировавшие акты гражданского состояния (АГС) членов караимских общин разных городов Российской империи, представлены метрическими книгами записей актов рождения, смерти и бракосочетания караимов (1837–1920 гг.), метрическими свидетельствами, прошениями о выдаче метрических свидетельств и справок, перепиской о недопустимости браков караимов с представителями иных конфессий (1875, 1888, 1909 гг.) (в числе прочего – дела о воспрещении браков караимов с еврейками, совершаемых еврейскими раввинами, 1908 г.). Из документов, относящихся к брачно-семейному кодексу, необходимо указать на следующие материалы: постановление Евпаторийского общества об обязанностях жениха перед невестой; указание об изъятии приданого в необходимых случаях; бракоразводные дела, дела о разделе имущества граждан, духовные завещания, статистику рождаемости, смертности и числа браков караимов Таврической губернии и городов губерний Малороссии (1842, 1860, 1862, 1863, 1864, 1867, 1868, 1872, 1873, 1874, 1877, 1880, 1882, 1888 гг.). Приведена переписка по составлению статистических отчетов и о предоставлении сведений Таврическому и Одесскому караимскому гахаму (такие данные собиралась регулярно, начиная с момента создания Таврического губернского статистического комитета, куда впоследствии направлялись эти сведения). Имеются рапорты настоятелей караимских кенас, списки караимских обществ (общин), сведения о наличии синагог (кенас) и молитвенных домов как в Таврической губернии, так и на территории юго-западных губерний Российской империи (1854–1906 гг.); данные о проведении ревизии молитвенных домов (1890 г.), дело о воспрещении газзанам Трокского округа совершать духовные требы для караимов Таврического округа (1885 г.), переписка об отводе земель под караимские кладбища в Никополе, Варшаве, Симферополе, с. Голая Пристань (ед. хр. №№ 66, 504, 781, 1812 за 1863, 1864, 1883, 1890 и 1900 гг.), об отводе участка земли для караимского кладбища в Евпатории (ед. хр. № 104, 1919 г.). Выявлена переписка ТОКДП с караимскими

общинами по вопросу о погребении караимов на еврейских кладбищах (ед. хр. № 1578 за 1887 г.), а также о сектантах-субботниках, похороненных на караимских кладбищах (ед. хр. № 514, 1891 г.).

В числе материалов историко-этнографического характера – переписка о сборе коллекции ремесленных изделий караимов для экспонирования на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге в 1902 г. (ед. хр. № 819, 1901 г.); об учреждении караимского книгоиздательского фонда (ед. хр. № 1412, 1897 г.), переписка ТОКДП с караимскими общинами об издании старинных рукописей (ед. хр. 1506, 1527, 1597, 1609; 1864, 1871, 1898, 1908 гг.); переписка тракайских караимов с ТОКДП о молитвенниках и издании трудов караимских ученых (1850 г.); книга прихода и расхода сумм Таврического и Одесского караимского гахама на издание караимских сочинений и о создании книгоиздательского караимского фонда (1897, 1901 гг.); материалы об издании истории караимов (1911 г.); о создании и деятельности типографии «Ярык» (ед. хр. № 80, 1918 г.). Есть данные о составе и пополнении национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» (1921 г.) и о передаче частной библиотеки и коллекции антиквариата евпаторийского караима Авраама Юфудовича Мичри в собственность евпаторийской караимской общины (со списком книг личной библиотеки коллекционера) (ед. хр. № 1897, оп. 1, 1918 г.; ед. хр. № 45, оп. 2, 1919 г.). Ценные сведения имеются о праздновании национальных караимских религиозных праздников (в частности, о правилах совершения обрядов и поведения во время празднования); речи, проповеди и нравоучительные беседы газзанов с паствой по случаю разных праздников (1859–1902 гг.), переписка ТОКДП с караимскими обществами по вопросу о зажигании огня вечером накануне праздника Кипур и об освобождении от занятий и учений в день Кипура ратников ополчения (1860, 1867, 1899 гг.), переписка и распоряжения ТОКДП о запрещении хоровода (агавад) накануне вечера праздника Пурим (1864 г.) и пр.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что материалы фонда 241 «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора», хранящегося в Государственном архиве Республики Крым, являются важным информативным источником для изучения истории создания и функционирования органов конфессионального самоуправления караимов Российской империи в XIX – начале XX в. Проблема становления и деятельности караимских конфессиональных структур должна рассматриваться в комплексе, с привлечением широкого круга источников, в том числе, и ранее не опубликованных. Определяющее значение для этого имеют материалы российских архивохранилищ. В ходе выявления и анализа архивных документов, письменных источников, касающихся истории возникновения и деятельности ТОКДП и ТрКДП, появляется возможность наиболее полно раскрыть религиозную и общественную жизнь караимов. Объективные научные выводы о возникновении, развитии и деятельности органов караимского конфессионального самоуправления, созданных в рамках контроля религиозной и общественной жизни «инородческого» населения Таврической губернии и западных губерний Российской империи со стороны

региональной администрации, представителей высшей власти невозможны без комплексного анализа всей источниковой базы – от археографических материалов, археологических артефактов, объектов сакральной архитектуры до контента музейных коллекций.

Список использованных источников и литературы

1. Ахиезер Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. – Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. – С. 292–320.
 Ahiezer G. Karaimy Pol'sko-Litovskogo gosudarstva do konca XVII v. Istorija evrejskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego Novogo vremeni / Pod red. A. Kulika. – Т. 1: Ot Drevnosti do rannego Novogo vremeni. – Ierusalim: Gesharim; M.: Mosty kul'tury, 2010. – S. 292–320.
2. Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015. – 240 с.
 Ahiezer G. Zavoevanie Kryma Rossijskoj Imperiej glazami karaimskih hronistov. – Ierusalim: Gesharim; M.: Mosty kul'tury, 2015. – 240 s.
3. Белый О. Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. – Симферополь: Таврия, 1994. – № 1. – С. 30–35.
 Belyj O. B. Iz istorii karaimskoj obshhiny Kryma v konce XVIII – nach. XIX v. (Po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija v CGAK) // Krymskij muzej. – Simferopol': Tavrija, 1994. – № 1. – S. 30–35.
4. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей: 1995–1996. – Симферополь, 1996. – С. 105–121.
 Belyj O. B. Obzor arhivnyh dokumentov po istorii karaimskoj obshhiny v pervoj polovine XIX veka (po materialam fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravlenija v GAARK) // Krymskij muzej: 1995–1996. – Simferopol', 1996. – S. 105–121.
5. Гаммал М. Реформы традиционной обрядности караимов Российской империи в XIX – начале XX в. // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О. В. Белова. – М., 2012. – С. 85–102.
 Gammal M. Reformy tradicionnoj obrjadnosti karaimov Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v. // «Staroe» i «novoe» v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii / Otv. red. O.V. Belova. – M., 2012. – S. 85–102.
6. Гаммал М. Караимы в Российской империи // История еврейского народа в России / под ред. И. Лурье. В 2-х т. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. – С. 204–223.
 Gammal M. Karaimy v Rossijskoj imperii // Istorija evrejskogo naroda v Rossii / pod red. I. Lur'e. V 2-h t. T. 2: Ot razdelov Pol'shi do padenija Rossijskoj imperii, 1772–1917. – M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2012. – S. 204–223.
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 241, оп. 1, д. 580.
 Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 241, op. 1, d. 580.
8. Караимы Крыма: исторические очерки / Сост.: В. З. Тирияки, В. А. Ельяшевич, А. В. Ефимов. – М.: Институт Востоковедения Российской Академии Наук, 2022. – 498 с.
 Karaimy Kryma: istoricheskie ocherki / Sost.: V. Z. Tirijaki, V. A. El'jashevich, A. V. Efimov. – M.: Institut Vostokovedenija Rossijskoj Akademii Nauk, 2022. – 498 s.
9. Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.
 Kizilov M. Krymskaja Iudeja: Oчерki istorii evreev, hazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnyh vremen i do nashih dnei. – Simferopol': Dolja, 2011. – 336 s.

10. Кравцова Л. П. Обзор документов по истории евреев в фондах Государственного архива Крыма // Евреи Крыма: Очерки истории / Под ред. Э. И. Соломонник. – Симферополь – Иерусалим, 1997. – С. 100–109.

Kravcova L. P. Obzor dokumentov po istorii evreev v fondah Gosudarstvennogo arhiva Kryma // Evrei Kryma: Ocherki istorii / Pod red. Je. I. Solomonnik. – Simferopol' – Jerusalem, 1997. – S. 100–109.

11. Кравцова Л. П. Народы Крыма: этнографические исследования в XX в. Обзор архивных фондов Л. И. Кая, А. И. Полканова, В. И. Филоненко // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исслед. / Крым. респ. краевед. Музей, Крым. этнограф. музей, Крым. отд-ние ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского Нац. акад. наук Украины; Под ред. А. В. Мальгин и др. – Симферополь: Крымский этнографический музей, 2002. – С. 328–332.

Kravcova L. P. Narody Kryma: jetnograficheskie issledovanija v XX v. Obzor arhivnyh fondov L. I. Kaja, A. I. Polkanova, V. I. Filonenko // Jetnografija Kryma XIX–XX vv. i sovremennye jetnokul'turnye processy: Materialy i issled. / Krym. resp. kraeved. Muzej, Krym. jetnograf. muzej, Krym. otd-nie in-ta vostokovedenija im. A. E. Krymskogo Nac. akad. nauk Ukrainy; Pod red. A. V. Mal'gin i dr. – Simferopol': Krymskij jetnograficheskij muzej, 2002. – S. 328–332.

12. Непомнящий А. А. Караимское книжное собрание Карай-Битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение. – 2020. – № 5(430). – С. 125–135.

Nepomnjashhij A. A. Karaïmskoe knizhnoe sobranie Karaj-Bitikligi: istorija utrachennoj kollekcii // Bibliografija i knigovedenie. – 2020. – № 5(430). – S. 125–135.

13. Панов Д. А. Обзор генеалогических источников Государственного архива Республики Крым в Симферополе. Часть I // Генеалогический вестник. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 16–23.

Panov D. A. Obzor genealogicheskikh istochnikov Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym v Simferopole. Chast' I // Genealogicheskij vestnik. – SPb., 2001. – Vyp. 3. – S. 16–23.

14. Панов Д. А. Обзор генеалогических источников Государственного архива Республики Крым. Часть II // Генеалогический вестник. – СПб., 2001. – Вып. 5. – С. 68–76.

Panov D. A. Obzor genealogicheskikh istochnikov Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym. Chast' 2 // Genealogicheskij vestnik. – SPb., 2001. – Vyp. 5. – S. 68–76.

15. Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. – Симферополь: Антиква, 2019. – 632 с. – (Сер.: «Золотой век» крымских караимов).

Prohorov D. A. Karaïmy v Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX veka. – Simferopol': Antikva, 2019. – 632 s. – (Ser.: «Zolotoj vek» krymskikh karaïmov).

16. Прохоров Д. А. Караимские общины: биографии, факты и документы (конец XVIII – начало XX века) / Д. А. Прохоров, С. М. Воронков, В. А. Кузин; под ред. Д. А. Прохорова. – Симферополь: Антиква, 2019. – 456 с. – (Сер.: «Золотой век» крымских караимов).

Prohorov D. A. Karaïmskie obshhiny: biografii, fakty i dokumenty (konec XVIII – nachalo XX veka) / D. A. Prohorov, S. M. Voronkov, V. A. Kuzin; pod red. D. A. Prohorova. – Simferopol': Antikva, 2019. – 456 s. – (Ser.: «Zolotoj vek» krymskikh karaïmov).

17. Прохоров Д. А. Документы по истории «пещерного города» «Чуфут-Кале» в Государственном архиве Республики Крым (дореволюционный период) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Сер.: Исторические науки. – 2016. – Т. 2(68). – С. 75–90.

Prohorov D. A. Dokumenty po istorii «peshhnogo goroda» «Chufut-Kale» v Gosudarstvennom arhive Respubliki Krym (dorevoljucionnyj period) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo; Ser.: Istoricheskie nauki. – 2016. – T. 2(68). – S. 75–90.

18. Прохоров Д. А., Белый О. Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 513–573.

Prohorov D. A., Belyj O. B. Obzor dokumentov fonda Tavricheskogo i Odesskogo karaïmskogo duhovnogo pravlenija iz gosudarstvennogo arhiva v AR Krym // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. – Simferopol', 2008. – Vyp. 14. – S. 513–573.

19. Прохорова А. В. Фонд «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» в Государственном архиве в Автономной Республике Крым – малоизвестный источник по истории благотворительности

крымских караимов // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сборник научных трудов; Ред.-сост. В. Г. Тур. Симферополь: Антиква, 2012. – С. 117–121.

Prohorova A. V. Fond «Evpatorijskaja karaimskaja sinagoga (kenasa)» v Gosudarstvennom arhive v Avtonomnoj Respublike Krym – maloizvestnyj istochnik po istorii blagotvoritel'nosti krymskih karaimov // Jetnokul'turnye i mezkhkonal'sional'nye otnoshenija v Krymu: sbornik nauchnyh trudov; Red.-sost. V. G. Tur. Simferopol': Antikva, 2012. – S. 117–121.

20. Прохорова А. В. Проект «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи»: К истории караимских благотворительных организаций в Российской империи в середине XIX – начале XX в.в. // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. – Слипери-Рок–Симферополь, 2009. – Вып. 12. – С. 29–39.

Prohorova A. V. Proekt «Obshhestva vspomoshhestvovanija nedostatochnoj uchashhejsja karaimskoj molodezhi»: K istorii karaimskih blagotvoritel'nyh organizacij v Rossijskoj imperii v seredine XIX – nachale XX v.v. // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. – Slipperi-Rok–Simferopol', 2009. – Vyp. 12. – S. 29–39.

21. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / Изд-ие З. А. Фирковича. – СПб.: паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. – XXXVI, 223 с.

Sbornik starinnyh gramot i uzakonenij Rossijskoj imperii kasatel'no russko-poddannyh karaimov / Izd-ie Z. A. Firkovicha. – SPb.: parovaja skoropечатnja P. O. Jablonskogo, 1890. – XXXVI, 223 s.

Tkachev A. S. History of the creation and activities of the Taurida and Odessa Karaite's spiritual government (according to the materials of the State archives of the Republic of Crimea)

The article analyzes the materials of fund 241 «Taurida and Odessa Karaite's spiritual government» (TOKSG) of the State Archive of the Republic of Crimea (Simferopol). The Spiritual Administration was established in March 1837 in Eupatoria as a structure of confessional self-government of the Karaites of the Russian Empire, subordinate to the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessors (DS AFC) of the Ministry of Internal Affairs. Before its official approval, it was called «Court House» or «Court House of the Karaites» (1804–1836). The fund contains two descriptions, systematized according to chronological, nominal and geographical principles. Numerous documents of the foundation testify to various directions of activity of TOKSG – religious, organizational, educational, public. Spiritual administration until its closure in the 1920s was the main authority for resolving issues in the field of Karaites marriage and family law, educational and educational activities of Karaites youth.

Keywords: Russian Empire, Crimea, Karaites, bodies of confessional self-government, State Archives of the Republic of Crimea.

УДК 94(410).06

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИДЕИ RESURRECTIONES В КЕМБРИДЖСКОМ ПЛАТОНИЗМЕ КАК РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОГО ПОЛИТЕИЗМА И РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ¹

Цыб А. В.

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: alex.tsyb@gmail.com*

Рассматриваются трансформации концептов Resurrectiones в античной, христианской и нововременной эпохах, когда эти концепты составляли неотъемлемую часть религиозного сознания и философской культуры. Мифологема бессмертия души и воскресения открывает путь ко всему комплексу исторических, историко-философских, религиоведческих, культурологических и цивилизационных проблем феномена античной «психологии» и учений о душе в теологии христианства. Важнейшими историческими этапами формирования этого мифо-философского комплекса являются античный орфизм, платонизм и неоплатонизм. В рамках последнего рассматривается учение Оригена об апокатастасисе, отличное от ортодоксальной догматики. Это учение переживает ренессансы в различные эпохи истории. Таким ярким возрождением оригенизма, его концепции бессмертия души, метемпсихосисаи воскресения становятся философские учения Кембриджских платоников в лице Р. Кедворта, Г. Мора, Э. Конвей, Дж. Рафта и др. Цель данного исследования – показать историческую преемственность философских концептов.

Ключевые слова: история английской философской культуры, Кембриджский платонизм, Г. Мор, Р. Кедворт, учение о бессмертии души, оригенизм в Англии Нового Времени.

Введение. Значительная часть греческого философского мира, исключая скептиков и эпикурейцев, признавала в вопросе о бессмертии души теологические идеи, которые хорошо выражают термины «реинкарнации», «метемпсихосис» или переселения душ. Эти концепты сами по себе подразумевают факт нового воплощения, оживления телесной оболочки возвратившейся душой или приобретения качественно нового телесного носителя, т. е. воскресения. И в различные исторические эпохи эта тематика приобретала различный этический, идеологический и даже политический смысл [9]. Так было с обвинениями, сформулированными по отношению к Оригену в материалах Вселенских соборов [АС, Т. III. col. 280d], так было и эпоху английского междоусобия, когда группа мыслителей, называемых Кембриджскими платониками [10], а также Кембриджскими оригенистами [11, р. 43–69], востребовала античные идеи реинкарнации и воскресения, включая их специфическое понимание Оригеном.

---

¹ При финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00753, проект «Оригенизм Кембриджской школы». The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project «Origenismatthe Cambridge School», № 23-28-00753.

До христианства. В текстах «Илиады» и «Одиссеи» (VIII в. до н.э.) нет указаний на такого рода прецеденты: души погибших воинов попадают во власть демонов смерти Эриний-Кер (Il. XVII.535; Od. V.387; XII.157; XIV.207) и дальнейшая судьба их неизвестна, а похороны Патрокла в погребальном костре, сопровождаемые человеческими и животными жертвоприношениями, могут указывать на представление о душе, улетающей вместе с дымом (Il. XXIII.163–256). Но в известной «легенде веков» Гесиода (VII в. до н. э.) речь идет уже о нескольких видах посмертных метаморфоз: первое поколение людей, любимых богами, «умирает, как будто сном объятое», «превращаясь в благих демонов наземных» и «людей на земле охраняют», второе поколение «сокрыто землей» и «их называют подземными блаженными смертными», третьим поколением «овладела черная смерть» и они «отошли в гадкий дом ледящего Аида», четвертое «героев божественное поколение», сраженное войнами, Зевс поселил «близ океанских пучин на островах блаженных», где они наслаждаются жизненными благами (Or., 109–200, пер. В. Вересаева). В известной «Библиотеке» Аполлодора (180–120 до н. э.) упоминаются несколько примеров воскрешения: это Геракл, который после смерти в огне костра становится бессмертным и получает статус бога (II.7.7,8), и Асклепий, воскрешающий людей, и за это умерщвленный Зевсом (III.10.3–4).

Для орфиков (последователи включенного в круг греческого бога Диониса культа фракийского героя Орфея, имеющего народную составляющую часть, но более известного в элитарной философско-поэтической форме), которые, по сложившемуся мнению, ввели идею перевоплощения в религиозной жизни Греции, человеческое существование представляет собой трагический и гибельный опыт, от которого человек освобождается, следуя правилам «образа жизни орфического и пифагорейского» (βίος ὀρφικὸς καὶ πυθαγόρειος). Тело является могилой бессмертной души до тех пор, пока она оплатит свой долг за несправедливые действия в прошлом. (Plato Crat., 400 с.).

В этой теологической среде получают развитие особые обряды ритуального сопровождения, включающие молитвы и сожжение бескровных приношений, успокаивающих души; заговоры и формулы, дающие власть заставлять менять поведение демонов, которые встают поперек дороги [8, pp. 107-123; 4], с помощью чего посвященный, сопровождаемый молитвами и приношениями с одной стороны, обрядами магов с другой, искупает свои ошибки благодаря жертвам искупления.

Эта теология подхвачена и развивается в философской среде пифагорейцев и платоников (на основе диалогов Платона «Федон» и «Федр»), поднимаясь на космологический и онтологический уровень мировосприятия, и на сегодняшний день она хорошо изучена.

В течение Поздней Античности представление о блужданиях душ соединяется с культами мистерий, как об этом свидетельствуют Плутарх Херонейский в трактатах «Почему божество медлит с воздаянием» (De seranuminis vindicta) и «Об Исиде и Осирисе» (De Iside et Osiride), а также Апулей из Мадавры: превращение героя «Метаморфоз» в осла прежде посвящения в реинкарнационный культ Исиды, комически обыгрывает идею страдания перевоплощения, а эпизоды магии и

колдовства с заклинанием душ и обращением людей «в камень, в скотину, в любого зверя» (II.5), использование мазей для метаморфоз (III.21), извлечением частей покойников (II.19,24), воскрешением (II.28), возвращением души в тело (III.18), вызыванием призраков (VIII.8) демонстрируют неотъемлемость этой имагинативной части древней религиозности.

Филострат, писатель III-го века, в «Жизни Аполлония Тианского», вымышленного философа-пифагорейца I-го века, упоминает среди событий биографии героя и перемещение душ (III.22) в человеческих телах, и переселение в тела животных (история льва-вегетарианца, V.41), и чудо воскрешения-оживления (IV.45), и чудо апофеоза (вознесения) самого Аполлония (VIII.31), представив читателю пограничную фигуру культурного героя-чудотворца.

В эпоху раннего христианства. Согласимся с точкой зрения Б. Дешарне и И. Вильтаниоти [7, р. 47–65], что в начале христианской эры, философские представления о бессмертии души, об условиях ее сохранения, ее посмертных превратностей, являлись неотъемлемой частью взглядов, предназначенных не только для интеллектуальной элиты, но также и для определенного числа религиозных групп и посвященных, или «мистериальных культов»; и зарождающееся христианство находилось часто в сплаве с этими духовными движениями, именно по причине неразберихи в восприятии эсхатологически-сотериологических учений в некоторых кругах гностиков. А первоначальное христианство опиралось в своих доктринах эсхатологии и сотериологии на другую текстуальную основу, которая соединяла Ветхий Завет и межзаветные тексты. Эти спекуляции о спасении и будущей жизни легли в основу нововведенной надежды, провозглашенной с использованием идеи воскрешения, которая давала новый ответ на проблему человеческой трагедии, чтобы выжить за барьером смерти и продолжить персональное существование благодаря воскрешению тела, понимаемому в многократном смысле, и была в состоянии прельстить политеистов.

Проповедь Павла (1 Кор.) и последующее развитие идеи воскресения Климентом Александрийским, Тертуллианом, Оригеном в космическое видение этой формы спасения (справедливый человек будет ассимилирован в мир ангелов, в мир сверкающих звезд небесного свода) открывают новую перспективу идее бессмертия. Для Павла, справедливо отмечает Б. Дешарне, надежда, которую он возлагал на персону распятого Иисуса, содержала в себе космологическую идею того, что через человека, Адама, человечество стало смертным, и что через другого человека, Иисуса, оно было бы освобождено от смерти. И эта проповедь должна была тронуть аудиторию афинских философов, с которой Павел встречается в Афинах.

Тем не менее философы не приняли и не оценили Павла в Афинах. То были эпикурейцы и стоики (Деян. 17:18 или 17:32). Ведь ни те, ни другие не были сторонниками идей бессмертия или переселения душ. И возникает вопрос: а перед теми ли философами держал свою речь Павел? Но дело еще и в том, что мы практически не знаем афинских платоников этого времени, кроме Аммония Афинского (ок. 20–ок. 80 гг.), сведения о котором дошли в сочинениях более

позднего представителя направления, его ученика Плутарха Херонейского (ок. 45–ок. 127 гг.) И он не присутствовал на проповеди Павла.

Тем не менее, уже в второй половине следующего века стоицизирующий апологет Афинагор Афинский (133–190 гг.), автор трактата «О воскресении мёртвых» рассматривает вопрос именно с точки зрения стоической физики, полагая, что воскресение — вопрос знания технологии этого процесса. Ведь Бог, который в первоначальном творении создал человеческие тела из стихий, не может не знать природы воскрешаемых тел, целых ли членов или их частей, не может не знать, куда поступает каждая частица по разрушению тел и какая из стихий приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся со сродным себе (Ath. Deres., 2). Поэтому тела легко восстановимы, когда они становятся пищей рыб или зверей, и даже факты поедания детей, «когда некоторые родители вследствие голода или бешенства решились пожрать их» (Ath. Deres., 3–4, пер. П. Преображенского), не противоречат этому процессу.

Отметим, что историко-философский контекст рассуждений Афинагора практически неуязвим там, где он находится в рамках платонической традиции временного расположения души в теле, или в его стоических рассуждениях о возвращении элементов телесности в родные стихии, но имеет очевидные прорехи в «гомеомерической» аргументации принципом подобия усвоения пищи организмом, который, — и это очевидно, — вообще не противоречит каннибализму, и скорее даже наоборот. Как и непротиворечив в этом случае историко-культурологический и мифологический бэкграунд поздней античности: доказать факты смешения человеческих тел с животными во время Афинагора очень и очень просто, достаточно было привести примеры кентавров, сирен, лапифов, сатиров.

Ориген и Плотин. Очень выразительным вариантом развития идеи воскресения является учение Оригена о всеобщем «восстановлении» (*ἀποκατάστασις*). Но, хотя Ориген считается главным гетеродоксом этой доктрины, по справедливому замечанию коллег [15, pp. 615–616], в действительности это Клемент Александрийский (между 150–217), логический предшественник Оригена, первым представил эту доктрину, таким образом обеспечив основу для развития этого учения его известным преемником.

Согласно Оригену, Бог единым промыслительным актом, как архитектор мерою и числом творит определенное число духовных существ разного достоинства (De Princip. II. 9. 1, пер. Л. Писарева), часть которых из-за произвольных свободных движений» (De Princip. I. 6. 2) впадают в соединение с материей (De Princip. II. 9, 2), обращая ее в живые организмы, часть остается «вышненебесными, облеченные в небесные блестящие тела» (De Princip. II. 9. 3). Содержанием всех этих сущностей является «ум», который представляет частицу «ума божественного», но при этом наделен из-за своей малости отклонениями и устремлениями воли. Но так как цель всего тварного космоса состоит изначально в провиденциальной полноте Божественного умозрения, то падение духовных существ вызывает со стороны Бога ряд действий («суд промысла», De Princip. I. 6. 2), приводящих к восстановлению всех в совершенном единении с первоначальным состоянием (De Princip. I. 6, 3).

Таково всеобщее восстановление на исходе времен, которое будет осуществлено не в земных телах, а в «эфирных» (De Princip. I. 6. 4; II. 3. 7)) и «сферических по форме» (АС, III, col. 280d).

Но Ориген не отказывается и от возможности повседневных воскрешений, доступных чудотворству Иисуса. Подробное толкование Оригена на воскрешение Лазаря из XXVIII кн. «Комментария на Иоанна» представляет собой вариант «продумывания» этой методики. Это размышление опирается на представление о структуре души. Ключевое слово здесь «δύναμις», которое в аристотелевском смысле означает «способность», но в теологическом значении нач. III века, имеющем ближайшее происхождение в учении Филона, в зависимости от контекста может быть переведено, как «сила» и как «способность», что имеет коннотирующие значения, так как указывает на симпатическую генетическую связь между индивидуальной душой и божественным источником ее происхождения [3]. Ориген исходит из того, что «отделенная от тела душа» (Comm. In In. XXVIII.44, пер. О. Бахваловой и А. Цыба) ни в коем случае не «находится возле мертвого тела» (Comm. In In. XXVIII.44), а находится в «местах обитания душ» (Comm. inIn. XXVIII.43), «в аду с теньями и умершими и в стране умерших или среди гробниц» (Comm. inIn. XXVIII.55). История, несомненно, как и известный сюжет из «Федона» об очистительном пребывании в Тартаре, восходит к единой традиции катахтонической эсхатологии.

Для того, чтобы душа Лазаря «вернулась и вновь поселилась в тело» (Comm. inIn. XXVIII.45), Иисус призывает к этому «божественную силу» (Comm. In In. XXVIII.49), которая инициирует в ней «способности души, такие как способности двигаться, действовать и созерцать» (Com. In Iohan. XXVIII.58). Сделать это возможно путем определенных действий: «поднять взор, как это подобает» (Comm. In In. XXVIII.33) для «размышления и созерцания», «воздеть руки в жесте, который возвышает и возвеличивает душу» (Comm.in In. XXVIII.37), «произнести благодарственную молитву вместо просительной» (Comm. In In. XXVIII.42) — что относится исключительно к Иисусу в связи с его особым статусом божественного посредника, а затем «громким» и исключительно «сильным голосом» крикнуть «логос» (Comm. inIn. XXVIII, 50): «Выйди наружу» (Comm. In In. XXVIII.54–56). В данной ситуации «сильный крик» представляет собой «динамическое», «энергичное» звено между «силой божественной» и «силами души». В этой процедуре, добавляет Ориген, Иисусу, возможно, помогают ангелы (Comm. In In. XXVIII, 66).

Очень похожие размышления мы находим у современника Оригена, также александрийца, язычника Плотина. «Человек не есть нечто простое, но одно в нем есть душа, другое — наличное тело» (Enn. IV.7.1, пер. Т. Сидаша). «Что же тогда есть природа души?» Она не телесна, но есть «входящий в материю логос», творящий тела и происходящий от Души (Enn. IV.7.2). «Материя бескачественна, ... и то, что занимает место эйдоса, приносит жизнь». «Если же мы говорим, что эйдос есть сущность, то он не будет составленным, ... и душа не будет телом, ибо не будет состоять из материи», она оформляет материю посредством «душевной силы»

(Enn. IV.7. 3). Даже стоики говорят о том, что «должен быть некий эйдос души», «лучшая часть сущности» (Enn. IV.7.4), порождающая в теле «силу расти в определенное время до определенных размеров». Эта «растительная сила души, ответственная за рост и питание, отнюдь не оторвана от чего-то телесного», ей близка «желательная сила души». «Другая часть души..., осязающая» — «сила, которая в глазах», «сила обоняния», «сила осязания», «сила, приводящая в движение» связывает — тело с «рассуждающей частью», «началом актуализации возможности», «эйдос души и способность воспринимать приходящее от логоса» (Enn. IV.3.23).

При этом душа «сохраняет свою тождественность благодаря своему качеству, которое отлично от количества» (Enn. IV.7.5), она придает единство восприятию, будучи «властвующим началом» (Enn. IV.7.6), она производит мышление, которое есть «схватывание без тела», или «отделение от тел умопостигаемых предметов, а значит, и сама не есть тело» (Enn. IV.7.8). В теле душе свойственно «приобретать неразумные влечения и порывы», но есть и «отвернувшиеся от тела, насколько возможно не иметь с ним ничего общего» (Enn. IV.7.10).

«Но где окажется душа, когда выйдет из тела?». «Есть много мест для каждого», ибо «божественный закон неизбежен и имеет в себе суд, и уже определенное наказание». «Души, имеющие тела, подлежат телесному же наказанию, души же чистые, ничем телесным к телам не влекомые, необходимо не окажутся в теле, ... а будут там, где сущность, сущее и божественность: в Боге, где он будет с ними, и они будут в нем» (Enn. IV.3.24). «Чистые и отрешенные души будут отделять от себя налипшую скверну, другие же останутся в ней долгое время, но даже когда отойдет худшая часть, душа не погибнет» (Enn. IV.7.14). «Душа по смерти становится более чистой от тела..., но если уйдя из одного тела душа [не сразу] возникает в другом, то [в период своего следующего воплощения] она будет вспоминать ... о многом, случившемся в ее прежних жизнях» (Enn. IV.3.27).

Другими известными вариациями идеи воскрешений являются гностические учения, современные Клименту, Оригену и Плотину, и они достаточно хорошо известны в том числе благодаря критике своих христианских и неоплатонических оппонентов. Проследить эволюцию исследуемого концепта можно и на «дальних рубежах» христианского мира. Как, например, в Испании, где через столетие после Оригена формируется учение Присциллиана (340–385), испанского ересиарха, Авильского епископа (381–385), обвиненного в ереси (в том числе в понимании проблемы инкарнаций и воскрешения) и безнравственности на соборах, созданных в Сарагосе в 380 году и в Бордо в 384 году, осужденного и казненного в Трире при императоре Максиме.

Кембриджский оригенизм. Сер. XVII века в Англии, эпоха т. н. Междоцарствия, открывает новую страницу в осмыслении идей бессмертия, предсуществования, миграции душ и воскресения, которая связана с деятельностью интеллектуального сообщества Кембриджских платоников.

И первый мотив этого оригенистического ренессанса был озвучен уже в переписке основателя содружества Бенджамина Уичкота (1609–1683) со своим

учителем Энтони Такни. Содержание дискуссии касалось антикальвинистской позиции Уичкота относительно *вопроса о свободе воли и границе божественного предопределения* [5, s. 18-19], что выводило его последователей на проблему *трасмиграции бессмертных души и воскрешения в новых телах*.

Ближайший ученик Уичкота Ральф Кедворт (1617–1688) развивает эту позицию в ряде фундаментальных трудов «Трактат о вечной и неизменной нравственности» (опуб. в 1731 г.), «Истинная интеллектуальная система универсума» (1678 г.) и «Трактат о свободе воли» (опуб. в 1838 г.). Опираясь на Оригена и другие античные источники, он сосредотачивается на этической стороне дискуссии с кальвинизмом теодицеи: человек сам является причиной зла, а Бог беспричинен и невиновен, как это утверждал еще Платон (Resp. X.617e), поэтому воскресение будет «всепростительным». Но, кажется, Кедворт не поддерживает идею реинкарнаций.

Дочь Р. Кедворта леди Дамарис Мешэм (165–1708), достойно продолжив дело своего отца, в 1703–1705 гг. будет вести переписку с Г. В. Лейбницем, который очень живо интересуется наследием Кембриджских платоников. Они обсуждают возможности переселения душ в контексте теории Лейбница о предустановленной гармонии, ссылаясь на Г. Мора и Оригена (Leibniz-Gerhard, III, S. 331–375, V., S. 64, 228, 324).

Личный друг и соратник Кедворта Генри Мор (1614–1687) выводит вопрос о свободе воли и бессмертии души на онтологический уровень. Основываясь в значительной степени на идеях Оригена (а также Филона, Плотина, трактатах Герметического корпуса), уже в своих ранних произведениях («Философские поэмы», 1642–1647 гг.) и особенно произведениях зрелого периода («Conjectura Sabbalistica», 1655 г., и «Бессмертие Души», 1659) он выстраивает сложное *учение о психофизической иерархии универсума*, в которой души человеческие, покидая тела, подлежат восстановлению в новых телах. Принимая *воздушные* носители, они занимают свое бессмертное место в иерархии демонических и ангельских, обладающих *эфирными* носителями.

Ученица Мора леди Энн Конвей (1631–1679) проявила себя выдающимся философом и последовательницей платонизма в целом, и оригенизма в частности. В своем трактате «Первоначала древнейшей и современной философии» (опуб. в 1692 г. [6]), она, видимо, следуя идеям Мора, говорит о предвечном бытии духовных сущностей, созданных Богом, но не равном их бытию по отношению к Богу (II.2). Им «он дал бытие от вечных времен или от времени без числа» (II.4) (пер. Е. В. Мушенко) и «эта бесконечность времени не равна бесконечной вечности Бога» (II.5). В своей продолжительности душа (будучи такой сущностью) если «будет в самом деле иметь конец, то могла бы существовать в другое время после этого первого раза и так далее до бесконечности» (III.9).

Существует три «вида вещей (или «типов бытия»), которые отличаются друг от друга с точки зрения их субстанции или сущности»: Бог, Христос и «существа или все творение в целом также являются единым видом по субстанции или сущности» (VI.4). Эти последние, наделенные «независимой волей» (VI.4), и обладающие «земным, воздушным или эфирным» телом (V.6), могут переходить из одних

телесных воплощений в другие в зависимости правильного-неправильного образа жизни: так, например, «лошадь по многим параметрам приближается к человеческому виду» по мере улучшения породы и при очередном переходе ее души, может вселиться в человеческое тело, ибо «различные виды превращаются друг в друга» (VI.4). Так же душа человека воплощается в какое-либо иное тело, ангела или животного, следуя закону «трансмутации из одного вида в другой, либо путем восхождения от низшего к высшему, либо путем нисхождения противоположным образом, проявляется та же самая [божественная] справедливость.» (VI.7) Последний «суд превратится в победу для спасения и восстановления созданий» (VI.8), «надлежащим наказанием [для грешников] будет огонь», через который, поскольку он является «определенным видом эфирной и несовершенной субстанции», души людей будут восстановлены к эфирному состоянию (VI.10).

Выпускник Кембриджа, член колледжа Христа, епископ Джордж Раст (1628–1670) известен «Аналитическим письмом относительно Оригена и его основных взглядов». Здесь Раст, последователь и единомышленник Г. Мора, принимая доктрину Оригена [14, р.14] и Мора [14, р.22], разъясняет вопрос о предсуществовании душ, природа которых состоит в том, что они «способны вечно существовать как в обратном, так и в прямом направлении» [14, р.23] (Пер. Н. С. Иванникова), и уже «при выходе из этого тела, которое мы имеем (т. е. в смерти), на нашу долю обязательно выпадет тело эфирное», которое «будет в большом расположении к эфирной чистоте», как наиболее чистому природному элементу [14, р. 65]. При этом Раст говорит о необходимости различать факты «оживления» плотских тел (которые демонстрируют чудеса Иисуса) и «великое воскресение в конце мира», когда, согласно Оригену и Мору, все будут восстановлены в «эфирной чистоте», т. е. эфирных телах [14, р. 121] (Г. Мор говорит о воздушных носителях, т.к. эфирные – это прерогатива гениев и ангелов, но в самом начале своего трактата Раст оговаривается, что пока еще не ознакомился с самой последней книгой Мора «Бессмертие души» (1659), видимо потому, что к этому времени покинул Кембридж). Эти положения, противоречащие ортодоксальной доктрине Церкви о воскресении (апокатастасисе) в земных телах, Раст считает очень важными для дальнейшего развития Церкви и укрепления религии.

Заключение. «Оригенистический бум», который имеет место в английской теологии в период между 1658 и 1662 годами, можно объяснить рядом причин. Диверсификация религиозного сознания в условиях социальной смуты, падение церковной цензуры, рост радикальных религиозных движений, поиски «истинной религии» в ее ранних исторических формах, вызывают специфическую реакцию некоторых английских интеллектуалов. На этом фоне группа Кембриджских платоников обращается к идеям метемпсихосиса и воскресения, понимаемым в духе платонизма, неоплатонизма, Оригена и оригенизма, как средству обновления сотериологической теории в Церкви Англии. И главным пунктом в этой части

учений Кембриджских платоников становится идея сущностной свободы, которая определяет человеческую природу, а также концепция религиозной терпимости (латитудинаризм), которая была осознана обществом только через полвека [12, р. 3–15.].

В целом интеллектуализм Кембриджских платоников и оригенистов открывает путь в литературе Дж. Мильтону и английским романтикам, а в философии научной революции – И. Ньютону, непосредственному ученику Г. Мора, и Г. В. Лейбницу.

Список использованных источников и литературы

1. AC – Acta conciliorumetepistolaedecretalesadconstitutionessummorumpontificum, t. III. Parisiis, 1714.
2. Ath. Deres. – Афинагор. О воскресении мертвых // Сочинения древних христианских апологетов.– СПб.: Алетейя, 1999.– с. 90–121.
3. Блан С. «ΔΥΝΑΜΙΣ» в «Комментарии» // «EINAI: Философия. Религия. Культура».– 2017.– Т. 6, № 2 (12).– С. 190–194.
4. Blan S. «ΔΥΝΑΜΙΣ» v «Kommentarii» // «EINAI: Filosofiya. Religiya. Kul'tura».– 2017.– Т. 6, № 2 (12).– С. 190–194.
5. Bloom M. Jewish Mysticism and Magic. An anthropological perspective, New York: Routledge, 2007.
6. Cassirer E. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Leipzig, Berlin: B.G. Teubner, 1932.
7. Conway A. The Principles of the Most Ancient and Modern Philosophy. Allison P. Coudert and Taylor Corse (trans/eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
8. Decharneux B. et I.Viltanioti. De la réincarnation à la résurrection: une évolution doctrinale sur la parenté promise à un succès inespéré? // Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques. 6e série. t. XXIII, Bruxelles, Académie royale de Belgique, 2013.– P. 47–65.
9. Graf F. La magie dans l'Antiquité gréco-romaine, Paris: Les Belles Lettres, 1994.
10. Human Freedom and Dignity – Origen and political theology, https://cas.au.dk/fileadmin/user_upload/Program_-_Human_Freedom_and_Dignity_Origen_and_political_theology__003_.pdf (accessed 01.05.2023)
11. Lewis M. A. Circle, Network, Constellation..., <http://www.cambridge-platonism.divinity.cam.ac.uk/view/texts/normalised/about-the-cambridge-platonists/circle-network-constellation> (accessed 01.05.2023).
12. Lewis M. A. & all, «Origenian Platonisme» in Interregnum Cambridge... In: Feingold, M. (ed.) History of Universities.– Oxford: OUP, 2017.– Vol. XXX, 1–2.– P. 43–69, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198807025.003.0002>.
13. Rogers G. A. J. The other World y Philosophers... // The Cambridge Platonists in politics, metaphysics and religion, ed. by Rogers G. A. J., Vienne M. and Zarka Y.C. Paris: Springer, 1997, P. 3–15.
14. Rohde E. Psyche: Seelenicuilt und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Tübingen und Leipzig: Verlag von J. C. B. Mohr,1903.
15. Rust G. A Letter of Resolution concerning Origen.– London, 1661.
16. Sachs J. R., S.J. Apocatastasis in patristic Theology // Theological Studies.– 1993.– Vol. 54, Issue 4.– P. 615–616.
17. Шичалин Ю.А. Афинская школа // Античная философия: Энциклопедический словарь.– М.: Прогресс-Традиция, 2008.
18. Shichalin YU.A. Afinskaya shkola // Antichnaya filosofiya: Enciklopedicheskij slovar'.– М.: Progress-Tradicija, 2008.

Tsyb A. V. Historical perspectives of the ideas of resurrectiones in Cambridge platonism as reception of ancient polytheism & early christian theology

The article examines the transformations of the concepts of Resurrectiones in the ancient, Christian and modern eras, when these concepts formed an integral part of religious consciousness and philosophical culture. The mythologeme of soul immortality and resurrection opens the way to the whole complex of historical-philosophical, religious studies, historical, cultural and civilisational problems of the phenomenon of ancient «psychology» and the doctrine of the soul in the theology of Christianity. The most important historical stages in the formation of this mytho-philosophical complex are ancient Orphism, Platonism and Neoplatonism. Within the latter, Origen's doctrine of apokatastasis, which differs from orthodox dogmatics, is considered. This doctrine has experienced renaissances at various epochs of history. Such a bright revival of Origenism, its concept of immortality of the soul, metempsychosis and resurrection becomes philosophical doctrines of Cambridge Platonists represented by R. Cudworth, H. More, E. Conway, G. Rust and others. The aim of this study is to show the continuity of these philosophies.

Keywords: ancient psychology, doctrine of the immortality of the soul, metempsychosis, soteriology, resurrection, apokatastasis, Origenism, Cambridge Platonism and Origenism

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Беднарчик
Геннадий
Игоревич** переводчик, преподаватель французского языка колледжа Черниховски (г. Нетания, Израиль)
- Бойцова
Елена
Евгеньевна** кандидат исторических наук, заведующая кафедрой «Всеобщая история и международная культура» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация)
- Добровольский
Любомир
Степанович** магистрант Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан)
- Дорофеев
Денис
Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
- Зарубина
Кристина
Александровна** преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)
- Козлов
Михаил
Николаевич** доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и международная культура» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация)
- Непомнящий
Андрей
Анатольевич** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация)
- Петрова
Элеонора
Борисовна** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Прохоров Дмитрий Анатольевич	доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
Романько Олег Валентинович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
Савченко Анастасия Сергеевна	аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. (Симферополь, Российская Федерация)
Ткачев Антон Сергеевич	аспирант кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. (Симферополь, Российская Федерация)
Умиткалиев Улан Умиткалиевич	кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан)
Цыб Алексей Васильевич	кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-петербургского политехнического университета Петра Великого; ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

Добровольский Л. С., Умиткалиев У. У.

Орфический миф в искусстве скифов Северного Причерноморья..... 3

Дорофеев Д. В.

Максвелл Хикс Сэвейлл. Имперская школа колониальной истории:
историография генезиса внешней политики США
(часть I: 1930–1940-е годы)..... 19

Зарубина К. А.

«Мечта о разделе помещичьей земли» или общественные настроения
крестьян после проведения реформы 1861 г.
(по материалам Курской губернии) 31

Козлов М. Н., Бойцова Е. Е.

К вопросу о причинах убийства Бориса и Глеба 38

Непомнящий А. А.

П. А. Двойченко в Таврическом университете: неизвестные страницы
биографии ученого-гидрогеолога 58

Петрова Э. Б., Беднарчик Г. И.

Евгений де Вильнёв: новые факты биографии
и его «греческий дневник, 1825–1826 годы» 68

Прохоров Д. А.

Крымские караимы-предприниматели и санаторно-курортные
учреждения Ялты во второй половине XIX – начале XX в. 95

Романько О. В.

Белорусские националистические организации и партизанское
движение в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 113

СОДЕРЖАНИЕ

Савченко А. С.	
Нацистская политика геноцида в годы оккупации Симферополя (1941–1944 гг.)	132
Ткачев А. С.	
История создания и деятельности Таврического и Одесского караимского духовного правления (по материалам государственного архива Республики Крым).....	143
Цыб А. В.	
Историческая перспектива идеи resurrectiones в кембриджском платонизме как рецепции античного политеизма и ранней христианской теологии.....	154
Сведения об авторах	164